

Посвящается 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне
(1941–1945 гг.)

**«Ничего душе
не надо,
кроме родины
и неба»**

2-й Международный
поэтический конкурс
им. И. Н. Григорьева

Санкт-Петербург
2015

УДК 822-822
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Н70

«НИЧЕГО ДУШЕ НЕ НАДО, КРОМЕ РОДИНЫ
И НЕБА»: 2-й Международный поэтический конкурс
им. И. Н. Григорьева / сост. Н. В. Советная. – СПб., 2015. –
240 с.

ISBN 9-785-906782-82-3

Названием сборника послужили слова замечательного русского поэта-фронтовика Игоря Николаевича Григорьева (1923–1996), памяти которого посвящён ежегодный Международный конкурс лирико-гражданской поэзии. Жюри внимательно рассмотрело работы более 300 профессиональных поэтов и любителей высокого слова из дальнего и ближнего зарубежья, из таёжных посёлков, горных аулов, разноликих городов и многомиллионных столиц. Шестьдесят восемь авторов стали финалистами престижного конкурса. Лучшие их стихи составили первый раздел данного сборника, который символически называется «Но держится Россия на Иванах...».

По уже формирующейся традиции в книгу вошли произведения поэтов, либо причастных к легендарной судьбе И. Григорьева, либо искренно сочувствующих, принимающих участие в деле по увековечиванию его памяти. Поэтому на страницах раздела «Мы остаёмся самими собой...» знатоки современной литературы встретятся с известными поэтами, победителями, лауреатами различных конкурсов и совсем молодыми авторами, лавры которых ещё впереди.

Взыскательный читатель найдёт в сборнике переводы стихов И. Григорьева на белорусский, украинский, английский, черкесский языки, а также на фарси.

Подарком для любителей поэтического слова станет отрывок из «Словаря эпитетов Игоря Григорьева», звучащий, словно ода русской природе (сост. А. П. Бесперстых).

Сборник «Ничего душе не надо, кроме родины и неба», посвящённый 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.), издан по благословию протоиерея Григория Григорьева, писателя, профессора, доктора медицинских наук и богословия, настоятеля храма Рождества Иоанна Предтечи в д. Юкки Ленинградской области – там, где 16 января 1996 г. нашёл последний земной приют героический человек и талантливейший поэт Игорь Николаевич Григорьев.

УДК 822-822
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 9-785-906782-82-3 © Международный институт резервных
возможностей человека, 2015

«Но держится Россия на Иванах...»

Стихи финалистов
и лауреатов конкурса

ХЛЕБНЫЕ КРОШКИ

Думаешь, быть хлебопеком так просто,
Если в буханке твоей не пшеница?
Отруби, жмых и овес – не по ГОСТу.
Белая улица. Черные лица.
Очередь, словно бы жизнь по талонам
Здесь на весах отмеряют до грамма.
«Скоро с едою придут эшелоны, –
Мне говорила голодная мама. –
Видишь, как снегу опять навалило,
Вот и пришлось задержаться немножко.
Нам не нужны ни халва, ни повидло,
Есть у нас вкусные хлебные крошки.
Дядя нам сверху на пайку насыпал,
Здорово, хоть мы совсем не знакомы.
Видно, увидел он в списках про сына,
Знал, что сумею сберечь их до дома».
Вроде бы мелочь, подумаешь – крошки,
Только от них я был жив до обеда.
Дядя мне жизни дарил понемножку,
Чтобы я смог дотянуть до Победы.
После войны я искал хлебопека,
Чтобы просить за те крошки прощения.
Поздно, сказали, теперь он у Бога,
Умер спаситель твой от истощения.

ДОРОГИ ВОЙНЫ

Пехота, обозы, танки...
Дороги тяжёлой свитой
изношены до изнанки,
до вод грунтовых избиты.

И слякоть – подвижной ртутью,
и пули – иглой свинцовой...
Был белый снег первоначально
на чёрный перелицован.

И, сотни распутиц кряду
меня излом обочин,
без счёту рвались снаряды,
без устали – дни и ночи.

И кланялся мир прощённый
под залпы своих орудий
дорогам войны, мощёным
брусчаткой солдатских судеб.

ПЕЙЗАЖ

Мокрые улицы утром холодным и ранним,
хмурится двор, словно племени дикого вождь,
падают тучи в окно, как огромные камни,
люди шагают вперед, наступают на дождь.

Яблоки катятся с яблонь, и дни летят мимо,
август арбуза наелся и ждет сентября.
Выпей со мной за Россию, пускай нерушима,
будет она, словно стены и башни Кремля.

Сколько не сказано тостов, не поднято рюмок,
лето прыщавым подростком спешит на урок.
Дворник стоит под окном и, вздыхая угрюмо,
Листья, упавшие низко, сметает в совок.

Вот моя родина, много берез, затем поле,
катится солнце в тумане кровавым пятном.
Может быть, всё оттого, что я с севера, что ли,
раз не люблю так ходить под раскрытым зонтом?

Игорь Баранкин

САРАТОВСКАЯ ОБЛ., г. ЭНГЕЛЬС-1

НА СОКОЛОВОЙ ГОРЕ. МЕМОРИАЛ «ЖУРАВЛИ»

Из-под небес по-птичьи окликаая
Всех вас, кого оставил на земле.

Р. Гамзатов. «Журавли»

Я с рассветом проснусь от негромкого птичьего
крика.

Разгляжу в вышине пролетающий клин журавлей.
Вот уж семьдесят лет всё лежит недописанной

книга,
О далёкой войне и о том, что мы знаем о ней.

Беспокойного времени новый виток начиная,
Я иду, как на исповедь, в храм наступившего дня.
На горе Соколовой у входа, Девятого мая
«Парк Победы» как верного друга встречает меня!

В этот день, пусть на время, но память становится
гуще,

Беспокоится совесть и сердце стучит невольно.
Только каждой весной душу ранит печалью
гнетущей,

Все редющий строй улетающих в небо солдат.

И медали звенят раз от раза все глуше и тише.
От недолгой прогулки, но крепко устал ветеран.
И, присев на скамью, он сквозь музыку праздника
слышал,
Как в дорогу зовет и его журавлей караван...

Он прикроет ладонью незванные, горькие слезы,
Вспомнит долгую жизнь, что теперь ему кажется
сном,

И в досаде сомнёт, все что были, свои папиросы.
Вдруг решив – не резон что-нибудь оставлять
на потом!

Ветерок под рубахой тревожил притихшую рану,
Но подняться помог, да подталкивал в спину
чуть-чуть,
И, как друг, проводил до вершины горы ветерана,
Чтобы тот с высоты мог на город любимый
взглянуть!

Он стоял часовым в карауле у памяти вечной,
А над Волгой бескрайней молитвою песня лилась:
«Ты держись, ветеран, хоть держаться непросто,
конечно!
Ты живи, ветеран, чтоб цепочка времен
не рвалась!».

Я к нему подошел и букет протянул, обнимая,
Я его целовал, перед ним весь в долгах
как в шелках!..
Журавли над горою летали, друзей созывая,
Лишь совсем ненадолго теряясь в седых облаках...

Он спускался с горы не спеша, по знакомой дороге,
Непослушной рукой к пиджаку прижимая цветы.
А я долго стоял, глядя вслед уходящей эпохе,
И рыдал, не стесняясь нисколько своей доброты!

РУСЬ КАК ВЬЮГА

Утолил мою жажду ливень,
Остудил моё сердце мороз.
Нету в мире прекраснее линий,
Чем осанка родных берёз.
Нету ласковой матушки-лета
И суровой зимы-отца.
Солнцем русским земля согрета,
Снегом белым занесена.
Вы меня положите на сено,
На обмершее тело травы,
Засыпать под оркестр осенний:
Трель ручья, песню птиц золотых.
Пусть меня укрывает листвою
И метелью заносит сполна.
Навсегда я останусь с тобою,
Русь как вьюга и Русь как судьба.

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

Говорила зима,
что она на ветру не остынет,
Что ветвей хрусталём
занавесит она холода.
Что в январском плену
будет всё чёрно-белым отныне,
И до мартовской лести
забудет природа цвета.
Только где-то в лесу
зацвела под снегами калина,
Свои гроздья в мороз
растопырив, как пальцы огня.
А над чёрным подлесьем,
над вечной черкесской долиной,
Не встает и не греет
январское солнце меня.
Только дни одичало
зимы и людей сторонятся,
Прикрываясь давнишней,
опавшей на землю бедой,
Только бродит январь
на опушке в заштопанной рясе,
И пророчит весне
не метель, а апрель с лебедой.
Только в этом дурмане,
и выцветшем за зиму крае,
С горизонтов срываются
в бездну зимы облака.
Только каждую ночь
у опушки меня провожает,
растопыренной пятью,
над черным сугробом рука.

Андрей Бениаминов

Псков

ЧЁРНЫЙ ВИР

Деревня Чёрный Вир располагалась в Карамышевском районе Псковского округа Ленинградской области (ныне – Карамышевская сельская волость Псковского района Псковской области). Деревня уничтожена карателями в 1943 году, теперь там урочище. В книге Павла Лукницкого «Ленинград действует...» читаем: «В деревне Чёрный Вир расстреляли часть жителей и деревню сожгли». Впрочем, я слышал от своей бабушки несколько иную историю.

Деревни Чёрный Вир на карте нет,
Осталось лишь урочище пустое,
Колодца остов с темною водою,
Фундаментов печей неясный след.

Здесь в сорок третьем зверствовал СС –
Не немцы, а эстонские солдаты,
Их бабушка моя звала – «кураты»*...
Она, сбежав с детьми в дремучий лес,

Сама спаслась и деток сохранила.
Но сколь потом жила – не позабыла
Расстрельный год, и пережитый ад,
И страшное ругательство – «курат».

Те, кто остался, выжить не смогли.
Горел овин, обложенный соломой,
В нём, под напев пластинки граммофонной,
Детей и женщин заживо сожгли.

А после – расстреляли мужиков,
Почти ополоумевших от горя,
Не чувствующих холода и боли,
И поседевших в несколько часов.

* Курат – чёрт (эст.), эстонское ругательство.

Деревни Чёрный Вир на карте нет,
Осталось лишь урочище пустое,
Колодца остов с темною водою,
Фундаментов печей неясный след.

Деревни Чёрный Вир на карте нет...

СВЯТОЙ ОГОНЬ ПАМЯТИ

Вечер молчалив и тих,
На деревьях хлопья снега,
Задремало, загрузив,
Надо мной седое небо.

Мир окутан тишиной
В это время снегопада.
В доме тихо и темно,
На столе горит лампада.

Этот маленький огонь –
Скромный памятник погибшим,
Как страны великой стон,
Сыновей похоронившей.

В нём и грохот страшных битв,
И счастливый миг победы,
И солдат, что был убит,
Счастья так и не отведав.

В нём и слёзы матерей,
Похоронки получивших,
В нём и бездна лагерей,
Море жизней поглотивших.

В нём и боль, и страх, и кровь,
В нём, огне том, как и прежде,
Есть и Вера, и Любовь,
И на счастье есть Надежда.

И пока такой огонь
В душах русских полыхает,
Богоматери ладонь
Русь святую охраняет.

* * *

Как страшно жить в стране, где «Ураганом»
Сметают память, жизни, города...
Весь мир застыл, припав к телеэкранам –
К нам на порог опять пришла беда.
О Господи, за что мне видеть это? –
Как дети умирают на войне,
И фосфорные бомбы, как кометы,
Летят не в Украину – в сердце мне.
Бессмысленно, жестоко и нелепо
За гранью доброты, за гранью зла
Война пронзила мой оазис лета,
Мой хрупкий мир с лица земли снесла.
Вхожу в эфир, и веря и не веря,
И то ли брежу, то ли наяву
Смотрю в глаза невиданному Зверю,
В его Геенне Огненной плыву...
А он идет, прицельно церкви руша,
Порвав меж нами родственную нить,
Растлив народ, повергнув в хаос души...
И как его блицкриг остановить?
В руинах, в толпах беженцев кричащих,
В воронках бомб, сквозь стелящийся дым,
Мне сорок первый видится все чаще,
Стучащий в сердце воинам седым.
И чудится мне в каждом горьком слове,
В раскатах обгоревшей тишины:
«У нас одна и та же группа крови,
Проливой на алтарь Святой войны...»

* * *

В полях васильковых, лазурных полях,
Белеет песчаный наезженный шлях.
Он в дальние дали издревле бежит,
И каждый в окрестности им дорожит.
И я на него не смотрю свысока –
Над шляхом незримо витают века,
И тысячи тысяч родных голосов
Таятся в чащобе окрестных лесов.
А воздух колеблется, воздух дрожит
Где прах моих предков за шляхом лежит...
Там нет ни крестов, ни могильных оград,
Но чувствует сердце отеческий взгляд.

ДЯДЯ КОЛЯ

В жизни всё просто –
Есть небеса,
Дорога, и звёзды,
Да поле овса.

Дорога и поле,
Вдоль северных рек
Идёт дядя Коля –
Простой человек.

На Коле фуфайка,
Под мышкой дыра.
Звенит балалайка
С чужого двора.

Да брешут собаки,
Коровы мычат.
Бывают и драки,
Но звёзды молчат...

Идёт дядя Коля
Вдоль северных рек...
Молчит дядя Коля –
Простой человек.

Он знает – всё просто:
Нас ждут небеса...
Таинственный остров
Да поле овса...

В тот день рыдала мать не как обычно.
И пятилетний сын не понимал:
Гремело, вроде, за окном прилично –
Он за руку схватил сестру привычно,
Но вот в убежище никто не побежал.

А он стоял и утешал сестрёнку:
«Не бойся, мама плачет как всегда,
Наверно, снова получила похоронку
Или опять закончилась еда».

В свои пять лет он повидал немало:
Малыш знал голод, страх и холода,
Соседей доставал из-под завала
И не боялся взрослого труда.

Он был отцом и братом для сестрички,
Когда в «ночную» уходила мать,
Свой сахар отдавал ей по привычке,
Порой голодным отправляясь спать.

Отца же знал по маминым рассказам:
Погиб на фронте где-то под Москвой.
Жаль, в похоронке адрес не указан,
Лишь сказано, что умер как герой...

Гремело громко за окном барака,
И взрослый человечек лет пяти
По-детски вдруг растерянно заплакал,
Но не решился к маме подойти.

Так и стоял, сестрёнку обнимая,
А мать рыдала, сидя у окна.
Шёл сорок пятый год, начало мая,
И в этот день закончилась война!

СТАРИКИ

Пригретый солнышком апрельским,
Дед расправляет с хрустом грудь:
– Жена, откинь-ка занавески,
На Божий свет хочу взглянуть!

Супруга, глаз не поднимая,
Вздыхает: – Ты бы, Михаил,
Хоть до Девятого-то мая
Собрался с духом, да не пил!

– Вопрос сурьёзный, но едва ли
Его решим мы на ходу!.. –
Дед Михаил достал медали,
Две Славы, Красную Звезду.

– Вот, вся Россия и Европа,
Лишений адовы круги, –
За то, что мне пришлось протопать,
Теперь и выпить не моги? –

Дед Михаил подсел к окошку.
Жена сказала, помолчав:
– Ну ладно, выпей, но немножко! –
И отворила дверцу в шкаф.

Два огурца лежат на блюде,
Картошка, хлебушка ломоть...
Ах, дорогие мои люди,
Храни вас, стареньких, Господь!

* * *

Меня пугают мысли о войне...
Нет, не страшусь я смерти иль неволи:
Мне просто очень больно за людей,
Которые ругаются до крови.

И, знаешь, мне обидно за слова,
Что с губ летят совсем без осмысленья,
Мне горько за поступки и дела,
Которые вершат без сожаленья.

И хочется, однажды убежав,
Быть может, на другой конец планеты, –
Забыть о том, что в мире есть вражда,
И просто помечтать... о теплом лете...

* * *

Лежит в углу иконная доска.
Простая деревяшка – не икона.
Она чиста. Ни одного мазка
На ней не видно. Досок миллионы,
А образов, чтоб сердце трепетать
Заставили, едва ли много встретишь.
И хочется навечно замолчать,
Когда икону дивную приметишь.

Лежит в углу иконная доска.
Простая деревяшка – не икона.
Вокруг неё безмерная тоска...
Но добрый мастер, положив поклоны,
Смахнёт с доски уныние и пыль
И примется с молитвою за дело.
А мир, что был бесформенным и серым,
Вдруг обретёт неповторимый стиль.

Твоя рука божественно легка,
О Добрый Мастер! В жизни запылённой
Моя душа – иконная доска –
Мечтает стать прекрасною иконой.
Возьми её, смахни рукою пыль.
Нет в мире для доски иного счастья!
Поправь лампы гаснущий фитиль,
И чудо сотвори, о Добрый Мастер!

ФРОНТОВИК

Праздник Победы – 9 Мая,
Словно атака, накатит.
Голову склонит к наградам, вздыхая,
Выпьет сто грамм – и заплачет.

Сердцем усталым, рукою беспалой
Памяти тронет гашетку.
Верит: погибшие вовсе не пали –
В вечность ушли, как в разведку.

Годы остатные...
А ветерану
Снятся друзья молодые,
И не по графику старые раны
Шлют им свои позывные:

Слышишь, «Звезда»?
Я – «Земля»,
Я – «Земля...»*.

* «Звезда», «Земля» – позывные разведгруппы и дивизии в повести Э. Казакевича «Звезда».

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Он лучше всех рисовал лошадей
Изо дня в день на каждом привале.
Дивные лошади гордо скакали,
Ввысь отправляя надежды людей.

Эти рисунки дарили тепло:
В руки возьмешь – будто встретишься с домом.
Вспомнишь о чем-то родном и знакомом,
Точно военное время прошло.

Так, заглушая тревогу и боль,
Лист из блокнота, газеты, альбома
Враз становился настолько весомым,
Что получал бережную роль.

Мнилось бойцам, что прибавится сил
(Да, было в этом сакральное что-то);
Взводный шутил: мы теперь не пехота –
Каждый за пазухой лошадь носил.

Ежели думать одной головой,
То понимаешь, что смерть неизбежна.
Только внутри где-то шепчет надежда:
«Верь! И вернешься из боя живой».

Верили. В тайне. Храня, как секрет,
Вшестеро сложенный лист лошадиный.
И просыпался в них непобедимый
Воинской силы и разума свет.

Эту историю дед-фронтовик
Чаще рассказывал мне, чем другие.
Видно, в военные судьбы людские
Накрепко этот рисунок проник.

Позже, завернутым в старый платок,
Между военными письмами деда

Я и нашла этот символ Победы –
Желтый, истертый на сгибах листок.

Эта страница и ныне хранит
Дух фронтового единства и веры.
И, подтверждая былого примеры,
Лошадь из прошлого в вечность летит.

Григорий Егоркин
ЧЕЛЯБИНСК

РАЗГОВОР С ПЛЕННЫМ

Он приткнулся в углу, на матрасах –
Молодосенький, двадцать не дашь.
Бинт на шее, синяк возле глаза
И в засохшей грязи камуфляж.

Миска с кашею. Кружка с водою.
На часах – с карабином казак.
«Эй, герой! Со вчерашнего боя?»
Приподнялся малой: «Точно так».

Неказиста у хлопца фатера,
Жидкий свет из-под самых стропил...
«Получается, из бэтээра
Ты по мне разрывными лупил?

Дело прошлое – всей нашей роте
Было жарко от вашей брони».
Пожимает плечами: «Выходит,
Я стрелял по тебе. Извини.

Но и вы наподдали рассолу,
С двух “шмелей” взяли нас на прицел.
Вот тогда и убило Миколу,
А Толян в бэтээре сгорел».

Зуб за зуб или око за око...
Так, кажись, испокон говорят?
В том бою потеряли мы Дока
И «трёхсотыми» пару ребят.

Дать за Дока бы в лоб со всей дури,
Так домой Док хотел к декабрю!..
Держит что-то, однако.
«Закурим?»
Виноватый смешок: «Не курю».

Не идёт разговор. Между нами
Боль.
Война.
Окаянные дни...
«Мне б короткий звонок... Мне бы маме...»
Достаю телефон:
«Позвони».

АЛЕКСАНДРА ЗАСЕДАТЕЛЕВА
НОВОСИБИРСК

Я П О М Н Ю...

*Посвящается детям, работавшим в тылу
в годы Великой Отечественной войны*

Я помню, как в тыл поезда приходили
И слезы текли по горячим щекам,
Когда поднимали заводы в Сибири
И становились подростки к станкам.

Мы знали, не будет победы без тыла,
А залпы салюта звучали во сне.
И снова с какой-то неведомой силой
Мы все приближались к заветной весне.

Игрушки и книги забыты надолго,
Всю ночь у станка – засыпали порой...
Работали честно и думали только,
Чтоб наши отцы возвратились домой.

Работе все силы свои отдавали,
Из тыла посылки шли прямо на фронт,
До зернышка в поле весь хлеб собирали,
И верили: наша Победа придет!

И снова победные залпы мне снятся,
Счастливая я улыбаюсь во сне,
Как будто опять мне всего лишь пятнадцать...
И мы победили в той страшной войне!

Игорь Исаев

Псков

* * *

Идут седые старики
Когда победы далеки,
А поражения – роковые,
Идут на площадь старики
Да вспоминают дни былые.

Печаль и горечь в их словах:
«Что молодежь?! Поет и скачет.
А было время, и листва
Росла куда кучней и ярче!».

Ведь боль обыденной беды
Для них сто крат сильнее недужит.
И с каждым годом их ряды
Становятся плотней и уже.

Мы привыкаем к тишине.
За прочими делами быта
Никто не помнит о войне,
Полвека, и она – забыта.

Недостает костей земле,
Каленых бурь бескрайней сечи.
Те пацаны в двенадцать лет
Подняли свастику на плечи.

А мы смеемся: «Дети! Блажь!
Ведь повзрослеют, не дебилы!».
И фюрер носит камуфляж,
А ночью гадит на могилы.

Для нас опять настал рубеж:
Солдат старел. Страна старела.
Но на груди его горела
«Медаль за город Будапешт»!

От Ленинграда до тайги
Еще бывают дни такие:
Идут седые старики –
Непобежденная Россия.

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Во дворе, меж двух пятиэтажек,
На земле затоптанной, заезженной,
Клумбится оазис, так ухоженный,
Будто островок из дивных сказок.

Тут цветут бахромчатые ирисы,
Гладиолусы, гвоздики, флоксы, розы...
И порхают бабочки извивисто,
Пьют с листочков утренние росы.

А с балкона островком любитесь
Инвалид войны, наш дядя Саша,
Что с трудом, но всё же ходит в булочную,
По буграм и ямам жизни нашей.

По весне о многом мы мечтаем:
О любви, успехах и о счастье,
А его мечта, пусть небольшая:
Сделать двор цветущим, хоть отчасти.

Как земля от снега чуть отдышится,
Он уже спешит, скрипит протезом –
Грабельки, лопата... Песня слышится:
«Я вам не скажу за всю Одессу...».

С шуткой, прибауткой он старается
Свой клочок вскопать. И чуть пошире –
Пусть, мол, с каждым годом прибавляется
К островку хоть метра три-четыре.

Но не все на это с одобрением,
Кое-кто и косо, злобой зыркая:
«Тут машинам негде... не деревня же –
Негде разминуться с мотоциклами».

Разговоры эти слышат деточки,
И, как только ирис зацветает,

Открывая боевые действия,
Мяч футбольный в клумбу залетает.

Наезжают «мерседесы» в сумерках,
В дождик «форд» на ирисах буксует.
Дядя Саша, хоть мужик не суетный, –
Ну, а тут, как говорят, психует.

А ночами вновь война пронизывает
Болью сердца игломиллионной:
Из-под Бреста рвётся он с дивизией,
А выходит к нашим – с батальоном...

А под Кенигсбергом, в окружении,
В сорок пятом он теряет ноженьку,
Из «тридцатьчетвёрки» обоженного
Вызывает друг и, видно, Боженька.

Дяде Саше во дворе сочувствуют
Бабушки, что с клюками на лавочках.
Мужикам, конечно, всё «до лампочки» –
Рубятся в «козла» да в пьянках буйствуют.

Понимаю я, чем всё закончится,
Только не сдаётся дядя Саша.
Мне в его победу верить хочется
Во дворе меж двух пятиэтажек.

КУБАНСКИЕ КАЗАКИ

В искусственной придуманной стране
Мы все живем, притихшие во мраке:
На полотняной, белой простыне
Кино идёт «Кубанские казаки».

Как на экране всё перемешало!
Мы удивляемся,
Но смотрим вновь и вновь:
Арбузы, балалайки, песни, сало...
Всё то, чего нам в жизни не хватало.
Ну и, конечно, главное – любовь!

От безысходности, от бедности, от лжи,
Замученные разными грехами,
Мы сотворяем наши миражи,
Спасаясь книгой, песнями, стихами.

И уносясь мечтами в мир иной,
Мы вновь сидим, застывшие во мраке,
Эй, тише! Не шепчитесь за спиной.
Кино идет «Кубанские казаки»!

Кричит кукушка, что не вечен.
Поля – ловушка из стеблей.
И я иду сквозь сонный вечер
Навстречу самому себе.

Я знаю, что мой дом невзрачен,
Что он бесстыдно горько мал.
Но я нигде такого счастья
И тишины не ощущал.

Оставил запах одуванчик
И беспардонно яркий след.
Я возвращаюсь. Здесь я – мальчик,
Как много б мне не было лет.

Про «ой, мороз, мороз» повторно
Старухи песню завели.
И я иду, а руки чёрны
От недоверчивой земли.

ПОСВЯЩЕНИЕ БАЛАШОВУ

Река истории течёт из прошлого
в неведомое, и наши усилия...

Д. М. Балашов. «Юрий»

Мне на память приходит снова,
Как из дальнего далека,
Та, покойного Балашова,
Недописанная строка.
Что хотел он ближним и дальним,
По обычаю, втолковать?
Почему тем летом печальным
Он строку решил оборвать?
За страну был всегда в ответе,
Изъяснял нам все корни бед.
...Вновь меняется времени ветер,
Только тьму не рассеял свет.
Но от здешнего окаянства,
Где пируют хамство и ложь,
В историческое пространство
Как ни хочется – не уйдёшь.
Подобралась бессильная старость,
Душу тяжкая давит тоска,
И надежд почти не осталось,
И перу неподвластна строка.
Может быть, самому незаметный
Подводила рука итог?
Мол, усилия наши... тщетны?
А соборность? А правда? А Бог?
...Никогда того не бывало,
Чтоб замедлил с ответом он.
Что же нынче, Дмитрий Михалыч?
Ни-че-го...
...Колокольный звон...

ПРИЗНАНИЕ

Кому-то смешно? И право,
«Забавней» не может быть –
Гордиться своей державой,
Родную страну любить...

Неловко в любви признаться?
Потупят вокруг глаза
И мутью инсинуаций
Докажут, что так нельзя...

И все же сквозь смех глумливый,
Сквозь скепсис расхожих фраз
Пробьюсь я к стране любимой
С признанием и не раз:

Родная моя сторонка!
Как ситчик простой, скромна:
Смущенье березки тонкой
Да неба голубизна, –

От края до края мерить
Проселками да жнивьем
И верить в тебя... И верить!
Иначе не проживем.

Любить тебя что есть силы!
Подставить плечо под крест.
От плоти твоей, Россия,
От крови твоей – мы есть.

К лицу нам, и нам – по праву,
Лишь так мы желаем жить –
Гордиться своей Державой,
Родную страну любить!

ЕЛЕНА КОПЫТОВА

Латвия, г. Рига

ШУРАВИ

На посту – караульный. В горах – засада. И трасируют пули. И ночь светла.

Спит вповалку взвод (наконец – прохлада), но не спит в Кабуле Наджибулла.

В офицерском блоке бренчит гитара...

– Ты, браток, до дембеля продержись! –

А потом – в Ташкент, и домой – в Самару.

Под горой – арык. За арыком – жизнь.

...в кишлаках меняют гашиш на мясо, ткнут ковры, рожают, растят бачат...

но кровавым заревом опоясан – за хребтом разбитым – Джелалабад.

А с утра – жара. На зубах горячей сладковатой пылью скрипит Афган.

– Здесь война, солдат. На войне не плачут.

Отгорюешь после. Терпи, братан!

...стал осколком памяти для кого-то, упорхнувший облаком с этих гор, рядовой 4-й сапёрной роты. (Потому что первым идёт сапёр.)

Здесь одна война, и одна дорога – вдоль ущелья. «Духи» смелей и злей

от того, что профиль чужого Бога

отпечатан пламенем на скале.

...а в «зелёнке», в утренней дымной сини – бородатый снайпер. В прицеле – жизнь.

Но парнишке кажется: там – Россия разметала косы шуршащей ржи...

и уже как будто дрожит над пашней – соловьиной зыбью – афганский жар.

Шурави светло... и почти не страшно...

но вздыхает эхо: «Аллах акбар!».

– Спи, Бача! – в неполные девятнадцать. Пусть стакан наполненный будет пуст. –

Третий тост. Измученный Ан-12 принимает свой неподъёмный груз

и летит домой, где опять о чести говорят с трибун, где гремит оркестр...

– Как живёшь ты, Родина, с грузом 200?

Как ты тащишь цинковый этот крест?

.....

Четверть века кто-то, хрипя от боли, видит сны, проросшие на крови.

И, пронзая душу, над голым полем острым клином тянутся... шурави.

И колотят годы в плечо, с отдачей.

На плите гранитной горит свеча.

– Третий тост, братан. Шурави не плачут.

Отгорюешь после. Терпи, Бача.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ

...и неважно, где он и как зовётся – городок с часовенкой под ребром. Ночью время черпаешь из колодца, до утра гремишь жестяным ведром.

И душа наполняется зыбкой грустью. Всё застыло будто бы на века в закоулках этого захолустья. На цепи по-волчьи скулит тоска.

...колосится утро над бездорожьем. На лугах – ершистая трын-трава. Вот бы враз оторваться, сдирая кожу! – Отболев, отникнуть, но – черта с два! – Как ни бейся – хлёткая пуповина неизменно тянет тебя назад.

...у хозяйки – брага (к сороковинам). На столе – портрет (утонувший брат). На цветастом блюде – свечной огарок.

Кислый квас – во фляге. В печи – блины.
На плакате выцветшем – Че Гевара,
и ковёр с оленями – в полстены.

Даже то, к чему ты едва причастен,
прикипает к памяти навсегда.
В сенокос – царапины на запястьях,
да жара без продыху – ерунда.
От того, что было сплошной рутиной –
горячо и больно, по телу – дрожь...

тишина колышется паутиной –
даже выдохнуть страшно,
а вдруг порвёшь?

Владислав Корнилов

ТЮМЕНЬ

ФРОНТОВАЯ ИСТОРИЯ На основе реальных событий

Доктору медицинских наук, профессору Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (Санкт-Петербург), генерал-майору медицинской службы, кавалеру боевых орденов и медалей, Герою Социалистического Труда Волкову Вениамину Васильевичу посвящается

Через минное поле ползу по-пластунски к реке,
Прикрываясь телами погибших намеренно солдат...
Две канистры пустые сжимаю в замёрзшей руке...
Мне их надо набрать и скорее доставить в санбат!

А с пригорка по мне беспрестанно ведётся
стрельба...

Вот и кромка воды – наконец-то я вдоволь
напыюсь!
Пули ищут меня, только, видно, пока не судьба –
Доползу до своих – всем богам, всем богам
помолюсь!

Я не чувствую пальцев в воде ледяной – не беда,
Наполняю канистры... А снайпер стреляет –
вот гад!

Он же знает, что значит для раненых эта вода!
Я же им обещал непременно вернуться назад!

...Вдруг навстречу мне кто-то ползёт – не могу
разобрать...
«Эй, браток, подсоби!» – я шепнул, а в ответ
ни гу-гу!
Он в одной из воронок, наверно, решил подождать
–
Много их на изрытом бомбёжкой речном берегу...

Я поближе подполз... Мы столкнулись буквально
лоб в лоб!

И рука потянулась тихонько к ножу в сапоге...
Мы взглянули друг другу в глаза, и прошиб нас
озноб!
Он чего-то бубнил... на немецком своём языке...

...Как две капли воды он на старшего сына похож
И сжимает пустую канистру в дрожащей руке!
...Я убрал в голенище под «финку» заточенный
нож –
Пусть ползёт – всем нам хватит воды в той
кровавой реке...

Ольга Коршунова
ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛ., г. ЗАРЕЧНЫЙ

ХЛЕБ

Не надо ныть про нищету,
Когда несёшь буханку хлеба.
Да, верно, хлеб – не манна с неба,
Но не был ты голодным (не был!),
Коль, в руки взяв буханку ту,
Ты не умял её –
вприсест! –
Даваясь, пропихивая в глотку.
Потом неспешно съешь, в охотку
Да под картошечку, селедку,
Оставшись тем, кто просто ест...

Не видел ты глаза детей
Из ленинградской злой блокады.
Они не торту с шоколадом –
Опилкам в хлебе были рады,
Была бы пайка покрупней.
И был им хлеб и царь, и Бог,
И свет в крошечном аде ночи!
Прибережённый впрок кусочек
(Где и куснуть-то на разочек!)
Дитя спасти от смерти мог...

Непросто в жизни в одночасье
Осмыслить, что такое счастье...
– Ты нёс домой БУХАНКУ ХЛЕБА?
– Да...

– Так не лги, что счастлив не был!

Александр Лайков

Ульяновск

КУРГАНЫ ПАМЯТИ

Я пилотку сошью из травы на кургане
И звезду приколю цвета горьких калин...
Я – ровесник солдат, убиенных в Афгане.
Мне приснилось: убитый меня хоронил.

Сколько нас полегло от Непрядвы до Моря,
С допетровских времен до парламентских сечь!
Это вечная правда и русская доля,
Чтоб стояла Россия – за Россию полечь!

Мне приснилась война и смертельная рана,
Сквозь пространство и время ударил свинец!
... Я ведь тоже стрелял – да простит меня мама!
Как мой предок и как в 41-м отец.

Я ведь тоже солдат! Уходил я из дома –
Мама долго и гордо смотрела мне вслед.
По велению сердца, присяги и долга
Я дежурил у пульта могучих ракет.

Нам судьба – выбирать запредельные цели,
Задышаться во тьме легендарных атак...
А как вещей «Коран» переделать хотели,
Пусть расскажет Генсек и припомнит Аллах.

Знаю, друг с «бэтээра», как ангел слетая,
Умирал на чужом, на афганском песке...
И дымилась, и бухала кровь молодая
На родном поседевшем, как небо, виске.

А какой-то иудушка-хриstopродавец
Оскорбляет ряды наших братских могил.
... Жарко дует в лицо, сушит губы «афганец»,
Но вовек не растопит солдатских седин.

Не согреют души ни медаль боевая,
Ни параграфы льгот, ни Верховный Совет.
Страшно раны болят, и свербит пулевая
Под коленом, которого нет.

МЫ НА РАВНЫХ

«Спи, мой правнук». –
Сухие ладони макушку трогают,
губы мякнут протяжной улыбкой, выдавшей
всякое:

«Мы на равных:
тебе полгода, а мне много-многово,
только память все ближе к сердцу звонками
брякает».

«Спи, мой правнук.
Сопи себе мирно, любимец дедовый».
Кот крадется, охотясь за тапком. Секунды
тикают.

«Мы на равных:
мое недетство с военными бедами,
твой неопыт и плач пацанский – не стоны
с криками».

«Спи, мой правнук,
мусоль кулачишки вкуснее патоки.
Шрамы ссадин и крепость пожатий им в жизни
скрещивать.

Мы на равных!
И небо наше пусть будет в радугах,
души - настезь. А сны о страшном совсем
не вещими».

РОДИНЕ

*Мы встанем у берёзового гроба
в почётный караул.*

А. Маркиш

Твои враги, раздоры сея,
злорадствуют, глумятся всласть:
«Ты кончилась уже, Расея,
или ещё не началась?..».

А мы с тобой единовверцы,
родные, как дитя и мать.
Тебя с твоим смиренным сердцем
я не позволю истязать!

Не будет попусту растрочен
талант Ивана-дурака.
Расцвет твой пращуром оплачен,
но не поднимет меч рука

на крикунов, следящих в оба,
чтоб родине моей не жить.
Во тьму берёзового гроба
Россию им не уложить!

СЕРГЕЙ МИНИН

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛ., С. ОСЕТРОВКА

ЛОШАДИ

Под Берлином взрывы затухали,
И, над гарью выждав тишину,
Где-то рядом трепетно заржали
Лошади, что выжили в войну.
Воронье, серые, гнедые
Без присмотра, в лагере одни,
Может быть, из Чехии такие,
Может быть, из Франции они.
В плен сюда попавшие когда-то,
Разберись, откуда, с фермы чьей,
Но, услышав русского солдата,
Встребенулось несколько коней.
Боже мой, они своих узнали!
Наши лошади идут, гляди!
Как они по дому тосковали,
Сердце обрывалось в груди.
Не хватало слез у человека
От потери близких и друзей,
Но солдаты плакали и крепко
Обнимали шеи лошадей.

МАРИНА НОВИКОВСКАЯ

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ, Г. МИХАЙЛОВСК

ПРИЗРАК ГОРОДА

Призрак города спит,
Вырывая из мглы
Леденящее душу: «Блокада!».
Это сны. Только сны. Лишь зловещие сны,
Пережившего мор Ленинграда.

И казалось, прошла бездна дней,
бездна лет.
За туманом костлявые плечи.
Для кого-то закат, для кого-то рассвет
Стал дорогой блокадной навечно!

Умирает огонь. Исчезает. Молчит.
Обжигает отчаянным взглядом.
И мерещатся мне в тусклом свете свечи
Похоронные сны Ленинграда...

Он шёл неровно, с правым креном,
Винтом дробя верхушки сосен.
Неслась стремительно по венам
Кроваво-огненная осень.

Скользили тени по болотам,
Где клюква, кажется, поспела.
Дымилось дуло пулемёта.
Рука предательски слабела.

Он вжался в корпус фюзеляжа,
И над непрожитою жизнью
Кулик, как добрый дух бродяжий,
Пел нескончаемую тризну...

...Стонали жалобно болота,
Когда из них тяжёлым тросом
Тянули части самолёта –
Кабину, двигатель, колёса...

...Его нашли среди обломков:
Тускнели кубики в петлицах,
В кармане лётной гимнастёрки –
Судьбы размытые страницы.

В неровных строчках карандашных
Едва угадывались буквы.
И горько плакала над павшим
Кроваво-огненная клюква.

ПАМЯТЬ

Мой дед не в шутку воевал
(Патронов нет... Примкнуть штыки!),
Пока зубастый минный шквал
Не перебил ему руки.

До кости укусил, злодей,
А всё же смерти не добыл:
Мой дед из жилистых людей –
Одной рукой вражину бил.

Он был – огромен, я был – мал,
Но помню, помню, как мой дед
До слёз не в шутку горевал
О том, что Родина в беде.

ОДИНОКИЙ КРЕСТ

Мать смахнула слезу ненароком,
По морщинке скатившейся вдруг.
Многопудовым гнетом до срока –
Неподъемно ярмо ее рук.

«Детки... детки... что случилось с вами?
Отчего ж мать забыли свою?»
Зарастают тропинки бурьяном,
Лебеда да репей по двору.

Сердце, душеньку мама отдала,
Всё здоровье сполна – всё для них,
И всегда, всё-то думалось, мало –
И вся жизнь, все-то чаянья в них.

А теперь во глухой той сторонке
Доживает в избушке одна
И божит полуслепо иконке,
Вся, как есть, безнадежно больна.

«Что ж, мой век-то окончен, поди ты...
Знать, Господь уж отмерил мой срок.
Только как же там детки? Сердиты?
Пусть бы он их простил и сберег».

Вся земля в материнских морщинках,
Бороздится, как памяти след.
И горит над почившей в Лощинке,
Одинокий страдальческий крест.

ПОЭТЫ – ТОЖЕ ВВС...

Кто они – участники последнего парада?
Простые ребята, которые раньше всех
достигли неба.

Александр Сеницын. «ВВС»

Поэты – тоже ВВС,
Они летают,
И жизнь с лазоревых небес
Обозревают...

А пилотаж у них всегда
Простой и высший,
Им вроде матери звезда –
Та, что над крышей.

И, словно лётчики, они
За правду бьются,
И горько плачут журавли –
Домой вернутся?

И строчки-трассы пулемёт
Строчит в пространстве,
Парад великий настанёт
В их государстве.

В святых, летающих войсках,
Где любят точность,
Поэты-лётчики в стихах
Проверят прочность.

Поэты – тоже ВВС,
Они летают,
И жизнь с лазоревых небес
Обозревают...

Ольга Панина

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ПАВЛОВСК

ЗВОНАРЬ

Суровый ангел опустился
На колокольню... Тишина...
Туман... И маревом укрылся
Немой «язык» - в оковах сна...

Чуть зыбью утренней встревожен
Спокойный лик. -- Пришла пора...
Тягучей Вечностью положен
Вердикт незримого пера..

Все замерло... таится время...
Уходит дрожи суета,
И разрывая чье-то бремя
Навеки пала немота...

Звук грозный... гулкий... Над полями
С обрыва камни понеслись...
И птицы с детскими мольбами,
Крича в испуге, поднялись...

И непреклонною рукою,
Сомнения лишив навек,
Венчает колокол с душою
Пусть робкий, но другой рассвет...

И то ли страшно, то ль отраднo
От звона – сущему вокруг,
Но точно ясно – безвозвратно
Уходит роковой недуг...

И волны звука, волны света
Сливались медленно в одно
Без ожидания ответа,
Даря небесное тепло...

На солнце – белые одежды...
И позолота на крестах...
Улыбка робкая надежды...
И кровь на ангельских руках...

МЫ – БРАТЬЯ, ПОЭТЫ!

Я ведь всем твоим детям – по крови – брат...
Игорь Григорьев

Брату Николе от скобара, с любовью верной.
И. Григорьев – Н. Игнатьеву
на книге «Листобой»

Ну что ж ты, Никола, не выдержал, друже?
Да разве поэтам легко?
Когда целину поднимал, ты же сдюжил,
От милых полей далеко.

Ну что же ты, брат, не позвал свою музу
По трудным дорогам идти?
Ведь кажется только, что муза – обуза,
Она помогает в пути.

Гремят диссонансы разбитой державы
И крылья неизданных книг.
Не всё измеряется мерою славы,
Есть смыслы иные, старик.

Открой же глаза, разверни же покровы:
Живем потому, что творим!
Мы братья-поэты, мы – братья по крови
И детям, и внукам твоим!

Я помню деревню...
Из летнего сада,
Коленки поранив шершавой корой,
Глазела, таясь, как огромное стадо
Пылило устало вечерней порой.

И плыли коровы – пятнистые бочки,
Резвились овечки, как стайки мальков.
Домой возвращались Находки и Ночки
Под окрики двух забудлыг-пастухов...

Володя (мы жили ворота в ворота)
Сгорел вместе с домом на Яблочный Спас.
Зимой он на местной «железке» работал,
А летом всегда «за бутылочку» пас.

Ещё дядя Гена – высокий и тощий:
Любаву-жену схоронил и хирел...
Возился с коровами денно и ночью –
Сам пас, сам доил, сам лечил, как умел.

Но с каждой весной это стадо редело.
Съедало безжалостно время коров,
Овечек, людей и деревню всю съело...
Сейчас там от силы десятков дворов.

И те все пустые. Ни песен, ни мата,
Лишь писк комаров, как последний привет.
А с самого края, в саду – моя хата,
Куда я не езжу уже много лет.

ХОЛОДА

Плетёт декабрь по окнам кружева.
Кряхтит мороз шестые сутки кряду.
Была бы мать-покойница жива –
Наверняка бы вспомнила блокаду:
Скелеты мёртвых зданий над Невой,
И выстуженный дом, и пайку хлеба,
И как в ночи взмывал надрывный вой
В войной располосованное небо...
Нас не пугает вид речного льда.
Мы знаем: время страха далеко, и
Из полыньи зеркальная вода
Не манит сдаться, растворясь в покое.
Но, давний спутник смерти и зимы,
Летит по звонкой, словно наст, орбите
Охота Орионова, и мы
Открыты ей, мерцающей в зените...
И снова нас чужие душат сны
О том, что хрупкий мир безумьем вспорот,
Что входит враг исчадием вины
В раздавленный морозной тьмою город...
Как времена запутаны хитро!
Пусть новый век давно ворвался в двери,
Но тот же голод гложет нам нутро –
Желанье жить, и вместе быть, и верить.

ПЕРВЫЙ ШАГ*Семидесятилетию битвы под Москвой*

Наверно, так случилось неспроста:
Я перешёл заснеженный овражек –
«Колючки» ржавой строчка на кустах
И... в двух шагах черта окопов вражьих!

Из горла рвётся хриплое «Ура!»,
Прыжок, удар штыком, бросок гранаты...
Во времени открывшийся портал
Меня призвал нечаянно в солдаты.

Я не случайно оказался там,
В расчёте, где бойца не доставало.
Взята должна быть срочно высота,
Чтоб наступленье темп не потеряло.

Всё происходит, словно наяву,
И пробегает холодок по нервам.
В ином тысячелетии живу,
А гибну под Москвою в сорок первом.

...Декабрь морозный, пятое число.
Ко мне сегодня в гости друг приедет.
Всему поверит, скажет: «Повезло...».
И будет тост за первый шаг к Победе.
Декабрь сегодня, пятое число!

СЧАСТЬЕ

Звонкая мирная трель
Развесистой тишины,
Играет в ручьи апрель.
Счастье, что нет войны.

Искрится лазурью сирень,
Просторы цветами полны,
Июньского солнца свирель.
Счастье, что нет войны.

Осенней листвы акварель,
Багряных холстов у стены,
Сентябрьских мозаик ступень.
Счастье, что нет войны.

Суровой зимы купель,
Молитвы холодной волны,
Крещенский мороз, метель.
Счастье, что нет войны.

Колонны веселых людей,
И вновь напевы весны,
Майских Победных дней.
Счастье, что нет войны!

* * *

На закате солнце в облака садится,
Ветер утихает, прячется в траву...
Над дорогой сельской пыль слегка клубится...
Прелого навоза терпкий дух в хлеву.

У корней деревьев сумерки сгустились,
В небе выцветают, гаснут облака...
Кони к водопою под гору спустились –
Отдаёт им небо тихая река.

Вот в последнем всплеске солнце утонуло,
И туман подкрался к розовым кустам...
Влажною прохладой с речки потянуло...
Тишиною льётся вечер с неба к нам.

РОССИЯ

Над русским миром занесён топор –
грош нам цена, коль не дадим отпор.

Россия – символ непокорных стран,
она сумеет обуздать любого,
кто только попытается аркан
накинуть на пределы наши снова.

Россия – берег, неприступный всем,
и в то же время край обетованный.
Кошмар геополитики Обамы –
Россия – гордый, непреклонный Кремль.

Россия – остров правды и добра.
Россия – многолика, но едина.
Россия – сказки Пушкина и Грина.
России – громогласное «Ура!»

**СЕМЬ ЦВЕТОВ, СЕМЬ ДНЕЙ,
СЕМЬ РУЧЬЁВ, СЕМЬ НОТ...**

Семь цветов, семь дней, семь ручьёв, семь нот.
За семь долгих лет до красного понедельника,
С якорей снимался Балтийский флот,
Поправляя крест нательный под тельником.

Проходя под радугой, гряньте марш,
Впереди просолённых странствий месяцы,
Кто-то будет ядрами смолот в фарш,
Кто-то от тоски на рее повесится.

Бело-голубая соль четверга,
Выступит на каждой детали брига...
В Питере – декабрь, мороз, снега,
В кабаке спивается поп-расстрига,

Этот ли кричал в паруса псалмы
И крестил кормы золотым распятием?
Если Бог позволит, вернёмся мы,
Обретём прощенье в его объятьях.

Воскресенье. Господи, дай мне си...
Кожи цвет становится фиолетовым.
Семь цветов, семь дней – в один ком меси –
Семь ручьёв, семь нот, моряками спетыми.

Владимир Руденко

Новороссия, г. Луганск

Стоит,
Охвачено осенней грустью,
На поле холодеющем жнивье.
Ты помнишь
Было
Православной Русью
Безбрежное
Отечество мое?
Мой, друг,
Вглядись –
Далече, за курганом,
Уже редет
Сумрачная мгла,
И в звонах благовеста
Над туманом
Пылают
Золотые
Купола.

Елена Русецкая

Казахстан, г. Щучинск

СТОЯТ ДЕРЕВЕНЬКИ

Стоят деревеньки – дома без людей
среди сорняками поросших полей,
под самую крышу в зеленой траве,
все клонятся черные избы к земле.

Здесь лес, и луга, и природы дары,
и пара шагов до свободной воды,
и рыба в реке, и богатство лесов –
куда они делись из края отцов?

Избушки молчат, из разбитых глазниц
взмываются стайки встревоженных птиц
и кружат поодаль в соседстве шмелей
над этой обжитой скворечней своей.

И сколько таких деревень на Руси,
где добрый хозяин травы не косил,
где поле не помнит и запаха ржи,
где ценные земли стране не нужны?

Где чёрные избы, как самый народ,
который понуро по жизни бредет,
которому снится ночами светло
родная изба и родное село?

БОЛЬ*

*Гвардии подполковнику ВДВ
Александру Маркелову*

Иду, преодолевая боль свою,
Перебираю тихо костылями:
Когда-то был у смерти на краю...
Сегодня – встречу с бывшими друзьями.

О, Боль моя! Задумался. Примолк.
Мы были там, где выживают редко. –
На той стене вписал потери полк,
На этой – знаменитая разведка...

Мы так хотели в двадцать – вечно жить!
Давно в Афгане отгремели грозы...
Ребят погибших мне не позабыть,
И не сдержать нахлынувшие слёзы.

Не все с войны вернулись мы домой.
Мои друзья вот в этих вечных списках.
Простите, братья, что пришёл живой,
А Вы застыли в чёрных обелисках.

**ПОДВИГУ 6-й РОТЫ
ПСКОВСКИХ ДЕСАНТНИКОВ**

Я просыпаюсь с пламенем в глазах:
Мне снова снились огненные маки,
Растущие на выжженных камнях
Свидетели психической атаки.

На склонах самой страшной высоты,
Что вспорота разрывами снарядов,
Являются мне алые цветы,
А среди них все девяносто взглядов.

– Ну, вот и славно, – говорю, – сынки:
Опять вы вместе, как тогда, до боя.
И до чего ж вы молоды, крепки,
Хоть каждому давай звезду Героя...

Нет, нет – не слёзы это, милуй Бог!
Наверное, туман ползёт в ущелье...
Я вам слова какие-то берёт
И попросить хотел у вас прощенья,

Да только вам оно уж ни к чему –
И даже тем из вас, кто жив поныне...
Позвольте, помолюсь тогда Ему,
Как молится в душе отец о сыне...

О Господи! Даруй им небеса!
И память светлую им сотвори навечно!
И пусть мне снятся маки, а слеза
И горькой будет пусть, и быстротечной...

* В Витебске есть мемориал погибшим воинам-афганцам – «БОЛЬ».

КАТЯ СУСАНИНА

«Дорогой, добрый папенька! Пишу я тебе письмо из немецкой каторги. Когда ты, папенька, будешь читать это письмо, меня в живых не будет. И моя просьба к тебе, отец: покарай немецких кровопийц...

Твоя дочь, Катя Сусанина.

Моё сердце верит: письмо дойдёт.

12 марта 1943 г.»

Письмо лежало под кирпичом.
Девочке было 15 лет.
Смерть запечатала сургучом
Жизни несбывшейся тихий свет.

Девочка Катя... А сколько их,
Нам не оставивших ни строки –
Тысячи тысяч... Как страшно тих
Строй белых парт у чёрной доски.

Земля, будто оспой, изъязвлена
Метками детских концлагерей...
Что это, спросите? Это – война
В бесчеловечности мёртвой своей.

Не получил письма адресат –
Погиб. Так бывает – война велика...
Кровоточат, умоляют, болят
Строки из дальнего далека.

Память вдоль них наводит мосты,
Сад на рассвете тревожно тих.
Белые парты всегда пусты.
Мемориалы – для нас, живых.

* * *

Хлеб ржаной, ещё тёплый, испечённый в печи
деревенской,
Ничего в мире нет, что могло б быть вкуснее тебя!
За секретом твоим шли в наш дом из избышек
соседских.
Бабка всем говорила: «Вы тесто месите, любя!

Печь топите с любовью и хлеб в неё нежно сажайте,
А когда хлеб дойдёт – вынимайте на стол не спеша.
И за вашу любовь хлеб сполна вам ответит,
вы знайте,
Хлеб удастся на славу, коль ласковой будет душа!

Если лада нет в доме и кошки скребутся на сердце,
То не ставьте опару – не выйдет хороших хлебов,
Есть у теста “душа”, всё она понимает, поверьте:
Чтобы вкусным был хлеб, жить должны в доме
Мир и Любовь!..».

НАШЕ СЕЛО

Наш маленький рай
Сорняками зарос.
Смеемся: Адам и Ева.
Для нас здесь старинный
Поспел абрикос –
Познания
Сладкое
Древо.
Я лестницу старую
Ставлю к нему,
Взбираюсь до самой верхушки –
И лучшие,
Самые сладкие рву.
И падают
Мне на макушку...
Так сонно...
Так сладко...
(здесь все-таки рай!)
И спальни окно приоткрыто.
Коты оккупируют крышу, сарай,
Дорога дождями размыта,
И веткою древо
Стучится в стекло,
И странно цикада смеется.
А после –
Становится снова светло:
В раю
Просыпается
Солнце!

* * *

Давно запал беззубый рот,
Прикрыла голову косынка.
Облезли волосы и кот.
Сама, как божия былинка.

Продавлен старенький диван,
Черствеет хлеба полбуханки,
Журчит давно протёкший кран,
Тяжёлый запах валерьянки...

С тридцать девятого одна –
Муж сгинул где-то под Находкой.
Хлебнула горюшка до дна –
Мужик давно б залился водкой...

Потом Великая война!
Четыре года медсестрою.
Провоевала, как могла,
Была представлена к «Герою».

Не дали. Дальше Крым и Рым,
И что-то на сберкнижке с гербом,
Но сбережения, как дым,
Пропали в девяносто первом.

...Завернут в тряпку партбилет.
Полуголодный взгляд печален...
И шестьдесят почти что лет
Скорбит о том, что умер Сталин.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Война была недалеко.
И бабушки на жизнь моложе.
Мы были счастливы,
И всё же
Война была недалеко.

С усталых фото озорно
Смеялись молодые деды.
Они не встретили Победы,
Но свято верили в неё.

На деревенских чердаках
Грудились обречённо вещи,
И память их казалась вещей:
Война была недалеко.

ДАРЬЯ

Прозрачное небо огромно,
В нём солнце с горячим приветом,
И дышат лесные хоромы
Покоем и светом.

То рядом звенят, то стихают
Пичуги забавные свисты,
Весёлые блики играют
В траве шелковистой.

А там – разворочены пашни,
По ним, в гимнастёрке измятой,
Бросается школьник вчерашний
На танки с гранатой.

А там, передышки не зная,
Стеной огневою снаряды
С деревьев, железом сверкая,
Срывают наряды.

А здесь – без тревоги воздушной,
И женщину тихую эту
Поляна с сибирским радушьем
Встречает букетом.

В гулянках была заводилой,
Известной певуньей к тому же,
Недавно на фронт проводила
И сына, и мужа.

Сорока трещать не устанет,
И треск её – треск пулемёта,
Навстречу ему где-то встанет
Шеренгой пехота.

Строчит, направление зная,
В азарте своём оголтелом.

Стрекочет, металлом терзая
Солдатское тело.

Вдруг сполох у дальнего леса,
И вот уже ближе сверкает,
Стеной дождевая завеса,
Как враг, наступает.

В высокой траве спотыкаясь,
За сучья цепляла одежды,
Крестясь и в неверии каясь,
Просила надежды.

У дома вздохнула устало,
Слилась с побелённой стеною.
Свирепым огнём полыхало,
А дождь – стороною.

Где Колька? Не выбежал, пряткий,
И вспомнились разом уловки:
Сухарики, ножницы, нитки
Он прятал в кладовке.

Бежала, больными ногами
Жестокую землю толкая,
Ей снова подкинула камень
Судьбина лихая.

В телеге сосед, дядя Валя,
Сын рядом, со взглядом колючим.
Добраться до фронта не дали.
Представится случай!

Она не ругалась на Кольку,
Ему не читала нотаций,
К груди прижимала и только
Просила остаться.

А утром копала картошку,
В подполье уже половина,
Письмо принесли от Антошки,
От старшего сына.

Писал, что скучает по Кольке,
Что завтра опять поле брани,
Что нет и следа от осколка,
Которым был ранен.

КОЛОДЕЦ

«Под лежащий камень вода не течёт»...
«Умный человек подобен роднику»...
«Вода студёна – тело ядрёно»...
«Под водой и на воде – враг не спрячется нигде»...
«Не всякая водица для питья годится»...
«Чистая вода – для хвори беда»...
«Посмотрись в воду на свою природу»...
«Не засыпай колодца: воды попить придется»...

В деревне, среди травы некошеной,
Поближе к лесу, под горой,
Стоит и ждёт колодец брошенный
Людей за чистою водой...
Здесь без приказа, по желанию,
За хлеба край и молоко,
Его копала горстка раненых
В далёкий сорок третий год.
А напоследок (людям помнится),
Ещё стирая пот со лба,
«Давайте вырежем пословицы», –
Безногий предложил солдат...
Идут-бредут десятилетия,
Темнеет вековечный сруб.
На брёвнах – ровные отметины
От сильных юношеских рук...
Как часто в шумном мегаполисе
Мне снится эта тишина,
Ведь жизнь, как русская пословица
На тёмной стороне бревна.

* * *

Осенний привкус, запах дымно-горький,
Костер съедает листья-слёзы сада.
Как после шумной дружеской попойки,
В душе печаль, усталость и прохлада.

У лета послевкусие простое,
И дней дожди, стирая, всё очистят.
Скажи, поэт, а много ли мы стоим?
– Как эти листья, друг, как эти листья.

Вот так и нам когда-то отшумится,
Уносит ветер числа, разметаая.
В закат обрывки облачного ситца
Янтарят грусть, как роща золотая.

Не нова жизнь, мой друг, совсем не нова,
В ней радости за редкость дорогие.
Не станет нас, но что же тут такого,
Взамен одних всегда придут другие.

Ведь повторимо всё на этой тверди,
Как увяданье яблоневых кружев.
И люди – всё же люди, даже в смерти,
И звёзды – всё же звёзды, даже в луже.

Чего-то жаль, о чём-то не жалею.
Когда рассудит время, всё оспорив,
Скажите то, что для меня важнее:
Он Русь любил и в радости, и в горе.

Пройдет упад в её душевной силе,
Пройдут века и злобы, и корысти.
Скажи, поэт, а кто мы для России?
– Как эти листья, друг, как эти листья.

ДАРЬЯ ТОЛУМБАЕВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

* * *

*Посвящается моей прабабушке В. Е. Романенко
(1922–2007) – блокаднице и участнице боев за
Кавказ*

По майскому Крыму под шепот Салгира
Легко и свободно идет балерина.

Осанка и греческий локон – от мамы,
Чуть смуглая кожа, глаза, как каштаны.

Вокруг молодая листва зеленеет,
Над липами мирное небо синее.

.....

Вдоль серых домов и людей нелюдимых
Под звуки сирены спешит балерина.

Все та же осанка, глаза, как каштаны,
На бледном лице ее хмуры и впалы.

Вокруг – только стены и мертвенный холод.
Под городом – враг, а в городе – голод.

И страшно смотреть на свинцовое небо,
На лица людей, полумертвых без хлеба,

На эту Неву подо льдом, как в плену.
Все братья на фронте, и немцы в Крыму...

.....

По мирному маю под шепот Салгира
Свободно и гордо идет балерина.

Осанка и греческий локон – от мамы,
Со скорбью глубокой глаза, как каштаны.

А в пении птиц, прославляющих небо,
Слышны голоса не дождавшихся хлеба,

И в шелесте буйно цветущей сирени
Есть души солдат, не дошедших до цели.

Блокада, бои за Кавказ за спиной,
Но братья родные вернулись домой.

И к Богу молитва теперь лишь одна:
Пусть впредь никогда не начнется война!

ПАМЯТИ ПОЭТА ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА

За горизонтом где-то дом родной.
Ваш дом на Севере, а мой – на Юге.
В них жили деды дуמוю одной,
Чтоб конь был сыт и крепкими подруги.

Мы тоже умудрялись решетом
Ловить гольцов и прочую рыбёшку,
Жевали зелень ненасытным ртом,
А хлеб съедали до последней крошки.

По бездорожью – к путевым огням
(Дорожной грустью все переболели) –
Мы шли навстречу продувным ветрам,
В объятья разыгравшейся метели.

Но если нас звала плакун-трава,
Родимые поляны, звёзд распутье,
Судьбы своей вращая жернова,
Спешили к дому мы от перепутья.

Священный звук нам колокол являл
И в тишь прощальную манил поэта.
А мудрый стих заветной думой стал,
Любви причалом и частицей света.

В ДОМЕ РОДИМОМ

В доме родимом подполье и печка,
Серая кошка сидит на крылечке,
Окна выходят во двор.
В спальне комод и горою подушки,
А на стене паучок да кукушка
Тихий ведут разговор.

На огороде малинник и грядки
И с урожаем всегда всё в порядке –
Щедрость родимой земли.
Баня покрашена масляной краской,
Яблони в небо глядят без опаски –
Вместе со мною росли.

К речке спускается узкая тропка,
Солнце над лесом поднимется робко –
Не забывай красоты!
Радуюсь каждой весёлой букашке,
А на лугах васильки да ромашки –
Лучшие наши цветы.

Там, где живёт босоногое детство,
Радость с печалью порой по соседству,
Добрые песни поют.
Но до сих пор мы немного беспечны,
Кажется – наши родители вечны,
Если так любят и ждут.

СОЛОВЕЙ В МОСКВЕ

Слова о них приходят на рассвете:
Ещё сопят, во сне раскрывшись, дети,
Ещё Москва не мчит во все концы,
Заре сирень подставила сосцы,
И чуть примолк надрывный соловей,
Что пел всю ночь за шторую моей...
Он не боялся дизельных частот,
Тумана выхлопов и в речке нечистот,
Он славил жизнь и мира красоту!..
Я так хочу запомнить песню ту
И тайну трели людям передать, –
Он пел о тех, кто жизнь решил отдать.
Огонь метали с Дмитровских высот,
Траншей можайских рушили песок,
Стояли насмерть в битве под Москвой,
Как бой последний, каждый длили бой.
Салютом жизни в свет небесных сот
Взмывали души дедов и отцов!

.....

С восходом куст сирени у окна
Наполнит птичьим гомоном весна,
И соловья затихнет лития,
Та песнь любви, где нет небытия...

БЛОШИНЫЙ РЫНОК

– Купите Буратинчика! Купите!
Немножко носик длинный обломился.
Какой шикарный выдал я эпитет –
Всех любопытных крошит жизни миксер.

Вот Чиполино в кепке. Вот солдаты.
Отдам коробку целую за «чирик».
Как на подбор – румяны и усы.
А ножек нет – таков, простите, чин их.

Зеленый паровозик от дороги,
От гэдээровской железной, настоящей.
Я батей был непьющим, в меру строгим.
Не напирай! Дай выложить на ящик

Стальные рельсы. Птицы, а не рельсы!
Чуть тронь – поют. И мощь, как у органа.
Сложить их все, бесчисленные, если –
Домчит вагон к Володьке до Афгана.

...Блошиный рынок. Бляхи-мухи, шмотки...
Любую сказку купишь за полушку.
Хотя бы эту. Тихи, мудры, кротки
Две пуговики, что вставлены в игрушку.

А ЧТО ВЫ ХОТИТЕ...

А что вы хотите от августа? Лету конец,
Хоть кажется тёплым дыхание Летнего сада.
Михайловский замок покоится, словно ларец,
На бархате зелени, шпилем царапая взгляды.

А что вы хотите: ведь Питер достоин вполне
Пальмирой, Венецией зваться, но север
в названье.

Качаются кроны садов, и на невской волне
Речные трамвайчики ходят – трамвай
«Желанье».

А что вы хотите: уже и не белая ночь...
Но солнце упрямо не катит туда, где к заливу
Склоняется западный край горизонта.
Точь-в-точь,
Как мы не желаем расстаться с моментом
счастливым.

А что вы хотите? На Марсовом поле давно
Уже не случается конных гвардейских парадов.
Но Вечный огонь погасить не решились –
грешно!

Пускай он горит – нам иного уже и не надо!

А что вы хотите узнать от седого бомжа,
Который ко мне подошёл возле Марсова поля?
Меж нами не так широка и рельефна межа,
Нам городом общим дарована общая доля.

А что вы хотите от Питера – он многолик,
Как сбирище Янусов, каждый с особым
двуличьем.

И я его славлю, как славит болото кулик.
Мне выпало счастье: болото с небесным
величием!

«Это мы, Господи!»

Константин Воробьев

В небольшом библиотечном планетарии
На десятом непромытом этаже
Мне три раза рассказали про Швейцарию,
А к чему – теперь не выдумать уже.

В планетарии незапертые форточки,
Подоконники с облезлой белизной.
Мы, как дети, у стены сидим на корточках,
Рассуждая про войну перед войной.

Перешепчемся. Помянем. Успокоимся.
Позабудем про печали на пиру.
За окошком что-то новенькое строится,
Только нас опять не приняли в игру.

Все запомнится от ферта и до ижицы:
Синий месяц в отражении стекла,
Зоопарковые книжечки и книжицы
На алтарных незастеленных столах.

И спокойствия не выдумать красивее,
И печали безнадежнее, чем та...
Это мы – пока еще такие сильные –
У подножия последнего креста.

САПЁР

Война уползла за леса,
забытую жизнь приближая,
сапёр за собор принялся,
рогатку во прах погружая.

Он тихо, с оглядкой, входил
под полуразрушенный купол,
и пол, что тротилом кадил,
дотошно прибором ощупал.

За ним, в ореоле ворот,
маячила служка седая,
угодного дела исход
усердным крестом осеняя.

Туда, где у царственных врат
иконы печальны очами,
вступал всемогущий солдат,
волшебнo шурша кирзачами.

Я НЕ ПРИЕМЛЮ МИР ТАКИМ!

Я не приемлю мир таким:
В жестокости людской,
Когда себя мы защитим
Лишь гробовой доской,

Когда застелет солнца свет
Пожара чёрный дым,
Когда пути иного нет,
Как сгинуть молодым...

Ну что это за путь такой:
Повсюду сеять смерть!?
На слёзы матерей рекой
За что всем нам смотреть!?

Огонь убийственных страстей
Обуглит души в крик,
В глазах напуганных детей
Мольба и страха лик, –

Я не приемлю мир таким!
Но чья же в том вина,
Что где-то миру вопреки
Безумствует война...

Я променял бы жизни знак:
Мечты, надежды, сны –
На то, чтоб реял белый флаг
Над маревом войны!

ЛАНА ЯСНОВА

БЕЛГОРОД

И В А Н - Д А - М А Р Ь Я

Преданий поступь – тише даль за далью,
а где-то ж было памяткой хозяйской:
найди в полях цветков иван-да-марья,
сорви его до полночи купальской –

вернее не придумаешь защиты
от нечисти, болезни или кражи.
Народное поверье – деловито,
на вид – просто и прозаично даже...

Судьба времён переплетётся странно:
замкнёт язычник праславянский Вырий,
приняв от иудеев Иоанна
и вслед за ним забрав себе Марию.

И тыщу лет Иваны да Марии
грустят над среднерусской пасторалью,
храня широкоглазую Россию
в соцветиях имён: иван-да-марья,

и в тихой ностальгической печали,
что называют русскою душою,
живуч рассказ о том, как защищали
два имени: чужое и чужое...

Взойдут цветы на прохоровских ранах,
не вспомнит отрок Рюрика и Кия,
но держится Россия на Иванах,
и молится Россия – на Марию.

**«Мы остаёмся
самими собой...»**

Внеконкурсные
стихотворения

* * *

...Наш примус всё чадил устало,
Скрипели ставни... Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: «Хороший человек!».
Забившись в уголок дивана,
Я слушал – кроха в два вершка,
Про царство славного Салтана
И Золотого Петушка...
В ногах скрутилось одеяло,
Часы с кукушкой били шесть.
Мне мама Пушкина читала –
Тогда не так хотелось есть.
Забыв, что поздно и беззвёздно,
Что сказка – это не всерьёз,
Мы знали – папа будет поздно,
Но он нам Пушкина принес.
И унывать нам не пристало
Из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала –
Я помню новой книжки хруст...
Давно мой папа на погосте,
Я ж повторяю на бегу
Строку из «Каменного гостя»
Да из «Онегина» строку.
Дряхлеет мама... Знаю, знаю –
Ей слышать годы не велят.
Но я ей Пушкина читаю
И вижу – золотится взгляд...

91

* * *

Не брести, а скакать
по холмам помертвелой Отчизны,
На мгновенье споткнуться, ругнуть поржавелую
гать,
Закричать: «Ого-го-о...»,
зарыдать о растраченной жизни...
Подхватиться и снова куда-то скакать и скакать.

Только стайка ворон
да вожак ее странно-хохлатый
Будут видеть, как мчишься, как воздух колеблет
вихры...

Да забытый ветряк,
будто воин, закованный в латы,
Тихо скрипнет крылом... И опять замолчит
до поры.

Только чёрная рожь
да какая-то женщина в белом,
Что остались одни одиноко под небом стоять,
Могут встретить коня
вот с таким седоком неумелым –
Он кричит против ветра, но мчится опять
и опять.

Завтра солнце взойдёт,
из-за тучи восторженно брызнет.
И никто не припомнит, ловя озорные лучи,
Как нелепый седок
среди ночи скакал по Отчизне,
И рыдал...
И метался...
И сгинул в беззвёздной ночи.

* * *

Завяжу в узелок
пестрый галстук, простой карандаш,
Томик Блока и Библию –
что еще нужно поэту?

Ну а если и снова
заметят, что лишнего взял:
«Книги лучше оставить...
На этом закончим беседу...».
Молча выйду из поезда,
молча вернусь на вокзал,
Сяду с Блоком и Библией...
И никуда не поеду.

Если вдруг на чужбину
заставит собратиться беда,
Запихну в чемодан,
к паре галстуков, туфлям и пледу,
Томик Блока, Ахматову...
Вспомню у двери: «Ах, да...
Надо ж Библию взять...».
Захвачу и поеду, поеду.

Если скажут в вагоне,
что больно объемист багаж
И что нужно уменьшить
поклажу нехитрую эту,

АНАТОЛИЙ БЕСПЕРСТЫХ

ЖАННА

Она была отважной партизанкой
И смелою разведчицей была –
В веснушках улыбающихся—
Жанна,
Девчушка из рязанского села.

Она французской знаменитой тётке
Не уступала в мужестве святом:
Летели эшелоны под откосы,
Земля горела жарко под врагом.

Кринички жажду утоляли Жанне,
И сосны укрывали от врага,
И милосердно бинтовали раны
Ей чистые полесские снега.

Дарили бусы алые
Рябины
Ей золотой осеннею порой,
Седые старики её любили,
А парни звали ласково сестрой.

Землянка в два наката,
А не хата –
Вот кров её на проклятой войне,
Где и мужчинам нелегко, солдатам,
А женщинам – что говорить –
Вдвойне:

Ведь не перины пуховые стелют
Бойцы, устало отходя ко сну...
И вовсе не девичье это дело –
В немецком оказаться вдруг плену...

Пытал её сам шеф гестапо,
Пьяный,
Но кровью в рожу плюнула врагу...

Облили ледяной водою Жанну
И бросили раздетой – на снегу...

Плывут над Сожем тёплые туманы,
И снова осень ясени зажгла.
Живёт в легендах партизанка Жанна –
Девчушка
Из рязанского села.

Одни здесь пляшут и поют,
Другие пьют, не зная меры,
А я ищу крупицу веры –
Там, где она – душе приют...

Григорию Григорьеву

Так лежать, раскинув руки,
И вбирать земные звуки,
Неба Божью благодать.
Так лежать.

Подо мной на чистом луге
Травы мягки и упруги,
Небо — нивою льняной
Подо мной.

Я смотрю, как уплывают
Города внизу, смыкают
Клубы дыма на ветру.
Я смотрю.

Вижу я, как от заката
Снова Змий летит куда-то,
Воет вражья чешуя —
Слышу я.

Рядом с ним, и с ним сливаясь,
Мчатся монстры, извиваясь,
Нелюди... Как будто дым
Рядом с ним.

Роковой, вопящий, тёмный,
Мерзок этот шлейф огромный
Чёрной язвы моровой...
Роковой.

Я встаю, творю молитву,
Я опять готов на битву,
Обрести себя в бою.
Я встаю.

Мир и свет — мои стихии.
Где вы, ангелы святые,
Сотворцы моих побед?
— Мир и свет!..

Я копыя пока не трону.
Как лучи по небосклону —
Грозны грани острия
У копыя.

Враг огонь приберегает:
Он-то видел, он-то знает,
Как взвивается мой конь —
Мой огонь.

Конь сейчас неподалеку,
И своим лиловым оком
Смотрит искоса на нас
Конь сейчас.

Видит он, как пламенеет
Плащ мой, и как лик светлеет,
И как шлем мой освещён —
Видит он.

Как мои сверкают латы
И кипят — светлы и святые —
Неба токи и струи,
Как мои.

А внизу, у свята места,
Светится Земля, невеста,
Как заложница в грозу, —
Там, внизу...

Труден путь наш во Вселенной.
Ты, Земля, красой нетленной
Припади ко мне на грудь...
Труден путь.

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

НАША ИДЕЯ

Как бы нам петь Божьи песни и растить
на наших полях Божьи цветы...

Иван Ильин

От мысли неуёмной холодею:
увидю ли при жизни, наконец —
сияет всенародная идея,
как Царский над Россиею венец.
В ней ярче и дороже всех алмазов —
любовь к Отчизне на века веков,
а вместо изумрудов и топазов —
простая мудрость русских мужиков:
достойным братом будь единоверцу,
а иноверца зря не обижай,
врагам — огонь оружия и сердца,
но первым не стреляй, не угрожай.
Родного не кляни чужим в угоду,
а гостю — добрый с солью каравай,
но созерцанья тихого свободу
ни за какой посул не отдавай.
Не предавайся мании величия,
но и смиренья знай пределы ты,
укореняй духовные обычаи
да Божьи на полях расти цветы.

* * *

...И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком...

С. Есенин

Я чувствую сердцем своим, что Россия —
Не только снега и метели,
Не только озер родниковые сины,
Березовый ситец и ели...

Россия — солдаток смиренные очи
И в царских венцах страстотерпцы,

Россия – держава земли нашей отчей,
Для нас неделимой, как сердце.

* * *

Молю я, чтоб вышние силы церковной молитвы
Заполнили душу, как чашу небес журавли,
Чтоб иноки, воины тяжкой невидимой битвы,
Стояли, как встарь, на духовных границах земли,
И чтобы над морем загадочной русской печали,
Как дымы кадилниц, клубились легко облака,
И чтоб состраданием наши сердца умягчались,
И чтобы вела нас в бессмертие Божья рука.

РОССИЯ ПИШЕТ

Россия пишет стихи и прозу
В годину смуты, в чаду разрухи.
А – всё про то же: и о берёзах,
И о свиданьях, и о разлуках.
Любого в мире сильней гипноза
Её словесность – а ей всё мало! –
Россия пишет стихи и прозу,
Как никогда еще не писала.

В ином посёлке – ни баб тверёzych,
Ни мужиков не найдёшь тем паче.
Но – есть мальчишка: такую прозу
Он сочиняет, что черти плачут.
И есть девчонка: как жемчуг, нижеет
Стихи, что мёртвых бы воскресили.
И знать не знает она, что движет
Её ручонкой сама Россия.

Дождём кровавым исходят грозы
Над ней, но болью, глубинной самой
Россия пишет стихи и прозу
Как ни-ког-да ещё не писала!
О них и ведать ещё не может
Читатель русский в быту свинцовом.
Но день России недаром прожит,
Коль в нём возникло живое слово.

Почти нагая, почти босая,
Не перестанет сквозь кровь и слёзы,
Себя спасая и мир спасая,
Писать Россия стихи и прозу.

Виктор Кирюшин

* * *

На Руси предзимье,
Порыжело
В ожиданье первого снежка
Вымокшее поле возле Ржева,
Луговина около Торжка.

На венцах колодезного сруба
Смыта влагой летняя пыльца.
Ветрено в дубравах Стародуба,
Изморозь на куполах Ельца.

Как царевна юная наивна,
В небе пышнотелая луна,
А под ней Коломна,
И Крапивна,
Нерехта, Кириллов, Балахна...

Примеряют белые одежды
Улочки, бегущие к реке.
Ангелы тревоги и надежды
Неразлучны в каждом городке.

Свят покров над пажитью и пущей.
Шепчут губы: «Господи, спаси!».
Что там обещает день грядущий?
Холодно.
Предзимье на Руси.

МЫ ОСТАЁМСЯ

Тянемся взглядом за стаей гусиной,
Но остаёмся с тобою, река,
С этой пылающей
Горькой осиною,
С полем,
Ещё не остывшим пока.

С этим просёлком, где вязнут машины
И безнадёжно гудят провода,
С рощей, глухими дождями прошитой,
В блёстках мерцающих первого льда.

Мы остаёмся,
Не в силах расстаться
С небом, где ранняя зреет звезда,
С непроницаемым сумраком станций,
Мимо которых летят поезда.

Мы остаёмся
Где веси и хляби,
В нужды и беды уйдя с головой,
Под нескончаемый жалостно бабий
Русской метели космический вой.

Что же нас держит?
Вопрос без ответа...
Просто в душе понимает любой:
Только на этом вот краешке света
Мы остаёмся самими собой.

ВАНЬКИ

Каждой деревне свой дурачок
Необходим, как запечный сверчок.
Кто-то ведь должен от боли кричать
Там, где неглупому лучше молчать.
Лучше урвать посытнее кусок,
Буйную голову спрятать в песок.
Это убогому всё трын-трава:
Много ли стоит его голова?

Мудрая власть на крыльце золотом
Тешится всласть над нелепым шутом.
Власти вовсю помогает народ:
«Ванька,
 чудак,
 простофиля,
 юрод!».

В царские уши струится елей,
Не подпевает один дуралей.
Не вымогает себе ничего.
Крестик нательный – богатство его.

Речи юрода смутны и тихи:
«Все мы ответим за наши грехи».
Ваньку жалеет начальник и раб:
«Малый простак и на голову слаб.
Нынче непросто прожить дурачком».
Ваня вздыхает и пашет молчком...

Эх, забубённая наша страна!
Если б не Ваньки, России хана.

ВИКТОР КРЕЧЕТОВ

ШИНЕЛЬ

Отцовский друг привёз с войны шинель –
Наследство от погибшего отца.
Что он нажил, всё воплотилось в ней,
Мать приняла, как будто дар Творца.

И под иконами её на гвоздь
Повесила – не знаю почему.
Она иконам вместе и поврозь
Молилась сквозь ночную тишину.

И в той шинели в школу я ходил
И кличку получил за то – Солдат.
Я это званье с гордостью носил,
Не различая праздников и дат.

Все детство милое я родине служил,
Страна в награду мне шинель дала.
И песню ей за это я сложил,
Добра не зная, но не помня зла.

КУКУШКА

Объявилась в округе кукушка
И кукует по сорок годов,
Но не верит вещунье старушка,
Подводящая жизни итог.

Что за щедрость такая, кукушка?
Десять раз ты гадаешь на дню,
Прокукуй мне, родная, на ушко,
Что написано мне на роду?

Задыхаясь цветущей сиренью,
Заливается певчий июнь.
Промелькнула серебряной тенью
Птица вещая – Гамаюн.

АКРОСТИХ

Игорю Григорьеву

* * *

Т. В. Моровиковой

Отчего на душе так тоскливо осенней порою,
Когда птицы кричат на озябших пожухлых лугах,
Когда воздух звенит, как струна, над моей головою
И я вижу себя пролетающим там, в облаках?!

За собой оставляю пылить города по столетьям,
Деревень золотистые выводки плыть по полям,
Улетаю туда, где у времени нету отметин,
Где забвение льется, как мед на пиру по устам.

Не кричите, залетные милые птицы,
Будет время – и снова вернетесь вы к этим
краям.

Только я не увижу друзей моих милые лица,
Хоть за это желание я, кажется, душу отдам.

Оттого, может быть, и тоскливо осенней порою,
Когда птиц в поднебесье потянется вдаль
караван.

Вот и жизнь промелькнула и скрылась, как свет
за горою,
Как придуманный кем-то великий и сладкий
обман.

Гроздью грусти, звёздностью напевною
Расписная ночь над лугом выпала.
И луна русалочьей царевною
Горстью слёз росинки порассыпала.
Окунула в заводь приозёрную
Рьяный хвост зарница златоглазая.
Еле видной зыбкой тенью чёрною
Вьётся ветер, по оврагам лазая.
У кого спросить, зачем над кручею
Ива косы-ветви запрокинула?
Горький хмель обвинил змеей ползучею?
Отчего тоска всю душу вынула?
Рдеет в сердце рана бередящая,
Юркая, проворная, щемящая...

ЕЛЕНА МИХАЛЕНКО

ВЕНЕЦ ЛЕТА

Сочным яблоком пахнет в августе,
Спелым колосом, мёдом сладким.
Вся природа поет от радости —
Так щедры Господни подарки.

В храм несут всё плоды румяные—
После праздничной службы приятные
Брызнут капли на них долгожданные,
Освященные, благодатные.

А душа ищет к Небу движения
И постичь мечтает, упорная,
Свет Фаворский Преображения,
Тайну Спаса Нерукотворного...

Ищет, бедная, в суете земной
И в народной пестрой обрядности,
Чтоб вкусить ей хоть раз иной —
Лишь даруемой Богом радости.

Над листвы пожелтевшей кипением
Потрясающе яркая просинь...
За таинственно тихим Успением
Неизбежно следует осень...

108

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Последний лист срывает ветер
С ветвей озябших.
Воспоминания о лете
Все дальше, дальше.
Дождь моросит, гуляют тучи
На сером небе.
И кажется, что солнца лучик —
Лишь сказка, небыль.

И без прикрас — стволы и ветви
На бледном фоне

Рисунком странным безответно
Под ветром стонут.
Утратив свой наряд узорный —
Багрец и золото —
Они пред вечностью покорны
И небогаты.

Так жизнь украшена порою
Суетной пылью,
Той, что, лукавя пред собою,
Считаем былью.
Но час приходит — украшенья
Снять пред Судьёю
И повстречаться со смиреньем
С самим собою...

ЯНВАРСКИЙ ДОЖДЬ

Дождь за окном который день идет,
Прохожие, грустя, бредут по лужам.
Сменился так невзрачно годом год.
Земля мечтает о крещенской стуже.

Так насладиться хочется зимой,
Но календарь с природой не в согласье,
И затянуло серой пеленой
Пол-января осеннее ненастье.

Одолевают праздные мечты
О том, что снег лежит в далеких странах,
А где-то вьюги, и заносы, и мосты
Из льда мороз наводит неустанно.

И понимаешь мановеньем Духа,
Что, может быть, иначе нужно жить,
Что благорастворение воздушных
Должны мы чем-то, видно, заслужить.

И можно убежать, уйти, уехать,
Но от себя-то, впрочем, не уйдёшь...
Пустые мысли, как карман с прорехой,
А за окном родной печальный дождь.

109

ДУША ПОЭТА

Над Соротью Михайловские рощи
Облюбовали живописный холм,
Где до сих пор стоит, простого прощю,
Опального поэта скромный дом,

Где произнёс его опальный житель,
Вдали от воли суетной большой:
«Поэзия, как ангел утешитель,
Спасла меня, и я воскрес душой».

С тех пор, подобно голосу свирели,
Слова живут во всех концах земли.
Кому-то, может, сердце отогрели
И, может быть, кого-нибудь спасли...

Пусть мир устроен «грозно и прекрасно»,
Но, сохраняя душу в чистоте,
Наверно, жизнь ты прожил не напрасно,
Когда она – служенье Красоте!

* * *

Иеромонаху Александру (Фауту)

Хотя ещё безумствуют химеры
И в грешных душах много пустоты,
Гуляет по России ветер веры
Христовой. Встают золотом кресты.

Яснее память. Ярче предков лица.
Светлее храм. Пышнее каравай.
Россия куполами колосится –
Хранит Господь духовный урожай.

* * *

Птиц перелётная стая.
Облако с красной каймою.
Вечер. Дома зарастают,
Словно лишайником, тьмою.

Нашим сердцам не подвластны
Ни расставанья, ни встречи.
Что мимолётно – прекрасно,
Всё мимолётное вечно.

* * *

С мечом играли и с огнём,
Смешали быль и небыль.
Наш век – наш дом. Мы сами в нём
Переставляли мебель.

Но стал бездомен человек –
Мир внутренний разрушен.
Мы обустроивали век,
Не обустроив души.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Мир за ночь стал другим. Сады рукой стопалой
встречают над собой весёлые снега.
Земля белым-бела. Как будто не ступала
ещё нигде ничья настёрная нога.

Мир за ночь стал другим. Стерильным, чистым,
строгим.
Безгрешным, как дитя. Наивным, как фольклор.
Оленьим стадом — нет — чудовищем сторогим
леса летят, звеня, в фарфоровый простор.

Не стой на их пути! Иначе, не заметив,
пространство на скаку копытами круша,
затопчут в слепоте — и улетит за ветром,
как пар из их ноздрей, беспечная душа.

Как отыскать ей путь? Здесь всё так незнакомо.
Мир за ночь стал другим — как ватман, что готов,
чтоб кто-то прочертил на нём пунктир до дома
спешащею строкой прерывистых следов.

Мир за ночь стал другим. Всё то, что было чёрным,
сияло белизной, когда настал рассвет.
Земля, дома, сады — всё излучало свет
и ластилось к ногам слепым щенком покорным.

Казалось, больше нет ни горя, ни разлук,
всё утонуло вдруг в сиянии слепящем.
Мир за ночь стал другим — без войн, смертей
и мук,
лишь белый снег — да свет, столбом над ним
стоящий.

Куда ни посмотри — такая чистота,
что рвутся слёзы в мир, как рифмы с губ поэта!
Как будто мир лежит за пазухой Христа,
и там — нет ни-че-го, кроме любви и света...

Зима. Что делать мне в вагоне? Я встречаю
проводника, несущего мне чаю,
словами: «Мы опаздываем?.. Нет?..
И не найдётся ль свеженьких газет,
чтоб, в новостях пошарив хорошенько,
узнать, что стало с Юлей Тимошенко,
не взорван ли иракцами Багдад,
и что в Москве — дожди иль снегопад?..».

А за окном — застывшим кинокадром —
висит орёл над степью, как кокарда;
спаял ледок речные берега;
и во всю ширь — снега, снега, снега...

Вот зимний дуб — без листьев, как бесполой, —
стоит один среди равнины голой.
Вот у окна — лежит моя страна,
вся до краёв сиянием полна...

А я сижу — то ем, а то скучаю,
то, влив в себя стакан крутого чаю,
гляжу в окно, где вот уж много дней
мелькает профиль Родины моей.

Куда я мчу? Куда мой путь струится?
Кому я нужен где-то там, в столице,
где нынче сплошь — лишь банки, казино,
и жизнь мелькает кадрами кино,
сварганенного, словно в Голливуде?..

Гляжу вокруг — кругом простые люди:
смеются дети, дремлют старики
(советских строек передовики).
Вагон летит через поля и чащи
моих Мордовий и моих Чуваший,
моих Удмуртий в снежной пелене.
Душа грустит, душа в тоске томится.
— Эй, проводник! (А лучше — проводница.)
Налей-ка снова, что ли, чаю мне...

Россия! Русь! Я всю тебя приемлю —
пусть грусть моя тебя не отпугнёт.
Такое небо и такую землю
ну где ещё моя душа найдёт?

Я век готов через леса и горы,
через тоски томление, день за днём
лететь, лететь через твои просторы
и пить твой свет, дрожащий за окном...

Уйди, тоска! Хотя даль и незнакома,
но это — Русь. И я тут всюду — дома.

А НА РУСИ...

Двадцатый век остался за спиной.
Жизнь мчит вперёд быстрее всех фантастик.
Глядит сквозь окна мир совсем иной —
как в НЛО зелёный головастик.

Вдыхают люди ежедневно смог,
себя едой искусственной травят,
забыты сказки и отринут Бог,
и только деньги нынче миром правят.

А на Руси, как в тысячном году —
слагают песни, любят и страдают,
и так же варят яблоки в меду,
и на Крещение девушки гадают!

...Сажают лён, и косят лебеду,
и хлеб душистый в печке выпекают...

Душа живёт в предчувствии скорбей,
куда ни глянешь — всюду плач и слёзы.
Качу судьбу, как шарик — скарабей,
через года и русские морозы.

Не пытан я ни ссылкой, ни тюрьмой,
есть в доме хлеб, а к хлебу — чашка чаю.
Но жизнь всё чаще дышит в душу тьмой
и скалит зубы волком за плечами.

А люди вновь, как в тысячном году —
слагают песни, любят и страдают,
и так же варят яблоки в меду,
и на Крещение девушки гадают!

...Удят ершей на удочку в пруду
и в воды рек венки цветов кидают...

Ну почему мне — всё не трын-трава?
Я так устал ждать радостей нечестных.
Ищу для песен добрые слова, —
ну сколько ж петь про бедных и несчастных?

Я так хочу, чтоб, как в волшебном сне,
что к нам приходит в праздник новогодний,
моя судьба, как речка по весне,
в цветущий луг разлилась половодьем!

И пусть вокруг, как в тысячном году —
слагают песни, любят и страдают,
и так же варят яблоки в меду,
и на Крещение девушки гадают!

...Поют молодки вечером в саду,
а парни им задорно подпевают!..

...Мир позабыл про горе и беду,
и на войне солдат не убивают!..

...Жизнь тянет дней счастливых череду,
и эти дни вовек не убывают!..

Михаил Поздняков

ПЕРЕВЕЛ С БЕЛОРУССКОГО А. АВРУТИН

* * *

Аист... По-нашему – бусел...
Зорьки лазурная нить...
Нужно служить Беларуси,
Скромно и верно служить.

Нет, ты на это не призван
Возгласом: «Мы – бульбаши!...».
Нужно, чтоб поле Отчизны
Сделалось полем души.

Предками с детства горжусь я –
Теми, что спят меж берез.
Нужно служить Беларуси
Не потому, что здесь рос.

На впечатления скорый,
После нелегких дорог
Всем говорю без укора:
«Здесь нынче правды исток!...».

Утром и полночью выюжной,
В стужу, прохладу и зной,
Очень стране это нужно –
Чтобы мы жили страной.

Пусть же улыбки лучатся! –
Родина... Всё здесь моё.
Как ей в любви признаваться? –
Сам я частичка её.

МУРАВЬИ

Домок под ёлкой... Вдоль поляны
Спешат – мураш на мураше.
Гляжу на труд их непрестанный,
И чуть светлеет на душе.

Ведь где-то очумели люди,
Война, стрельба который год.
Но время, время их осудит
За путь, что к бездне приведет!

Неужто вы – не человеки?
На щит вы подняли вражду.
И вот бредут, бредут калеки
И в эту сторону, и в ту...

Идёт войною брат на брата,
И гонят истину взащей.
Неужто людям поздновато
Учиться жить у мурашей?..

СВЯТОЕ

Пусть бегут, пролетают года,
Увлекая в просторы иные,
Только будут везде и всегда
Возвышать нас понятия святые.

День Победы! Отчизна! Народ! –
С этим мы родились и шагаем,
С этим каждый весною идет
На свидание с праздничным маем.

Май шагает, отвесив поклон
Ветеранам – их мало осталось,
Помня шелест победных знамен,
Помня схваток смертельных усталость.

Каждый третий в пожаре войны
Вечной болью застыл, вечным стоном.
И живем мы, не зная цены
Синим рекам и соснам зеленым...

Хорошо и свободно живем
Среди этой красоты величавой,
Каждым сном дорожа, каждым днем
И отцовской немеркнувшей славой...

Валентина Поликанина

Из цикла «СТИХИ О РОССИИ»

1

Я скучаю по России,
Белой-белой, синей-синей,
Словно храм, мне ставшей домом,
Словно небушко, бездонной;
Полной света и покоя
По-над Волгой и Окою;
С деревянною резьбою,
С расписной её судьбою;
Той, что верить не устанет;
Зацелованной устами,
Как вода, что нету слаще;
Непродажной, непропащей,
Не распластанной над бездной,
Сострадательно-болезной;
Той, по-радонежски торной,
По-саровски чудотворной,
Куполами позлащённой,
Покаянной и крещёной,
Сильной в трудную годину,
Неделимой и единой;
Не измеренной шагами,
Не истоптанной врагами,
Уходящей от полона,
Мощной духом, непреклонной;
В бой со злом ведущей сердце,
Породившей страстотерпцев;
Душу ввысь привыкшей кликать –
По Святой Руси, великой.

118

2

Камни древнего острога,
Моря шальные следы –
И монашеская строгость
Всей природы у воды;

Путь окольный, ветер вольный,
Время веры и потерь,
Деревянной колокольни
Покосившаяся дверь;
Продолжение разговора:
Слово к слову, не спеша;
Ясный-ясный взгляд помора
И наивная душа;
Крик гусей перед грозой,
Пониманье: жизнь чиста,
Свет в избушке бабы Зои –
И святая простота;
Хлеб в печи и в чае клевер,
Правда в книгах именных –
Это старый русский Север,
Самый дальний из родных.

* * *

Пишу тебе, усталая столица
Большой страны, которой больше нет.
Ты мне еще не перестала сниться,
Я вижу твой пасхальный тихий свет.
Прими мое заветное прошение
И смелость обращения прости.
Позволь мне перейти черту крушенья
И в родственную целостность войти,
Чтоб сердцу не мешали расстоянья
Родню в печали русской узнавать,
Чтоб на Руси умножить покаянье
И с верой Отчий крест поцеловать,
Чтоб больше мне не знать такого риска:
Терять тебя за дальнею межей,
Чтоб ты своей душою материнской
Мне и сегодня не была чужой.

119

КСЕНИЯ БЛАЖЕННАЯ

Смолк гомон городской.
В ночи разносит ветер
Гуденье фонарей, горящих надо мной,
И я спешу во храм –
в звучащем этом свете –
На дальний ясный звон,
на тихий огонь свечной.

И, временной предел душой одолевая,
Я вижу в звонной дали вековой,
Как вдоль Смоленки
Ксения,
сияя,
Идет в юдольной мгле по мостовой.

Грядет
сквозь годы
в образе беднячком,
Всю Русь вместив
в ладонях – на груди.
И я спешу,
спешу,
но не угнаться –
За ней,
идущей тихо впереди.

* * *

Месяц речной – всё взрослее и строже...
Веет бессмертьем от звёздной воды.
Юность ушла... И за лунной дорожкой –
Свежие звезды – как чьи-то следы.

Время течет... Но, о Вечности мысля,
Долго гляжу я, как в детстве, с мостка –
В воды реки, углубленные высью,
И ощущаю: как юность – близка...

Отъярились осенние грозы,
И забрезжились в ясной дали
Столь привычные взору березы –
Златокрылые светлы земли.

Замахали призывно ветвями,
Листвяным опереньем искрясь,
Прикровенно являя пред нами
Немирскую свою ипостась.

И, быть может, во дни увяданья,
Их нетленного вида страшась,
Просветлеет, стяжав покаянье,
Многогрешная чья-то душа.

Когда одиночеств нити сплетались
И руки сплетались, путались мысли,
Мне кажется, мы навсегда затерялись,
В глотке тумана прочно зависли.

Летели с неба осколки сомнений,
Увядшим листом шелестели звуки,
Бледным клубком чужих настроений
Тянулись к небу в надежде руки.

Тупой струной отзвучало лето,
В прощальном жесте махнув птицей,
А мы все так же ждали ответа
Боясь и надеясь опять ошибиться.

Время безжалостным тихим плеском
Забрызгало небо каплями крови,
И мы умирали, и снова воскресли
Из пепла костра чужой любви.

И вместе с солнцем, тепло дарящим,
Росой, упавшей, стремясь к покою,
Мы стали явью, мир – настоящим,
И каждый снова вдруг стал собою.

ЛЕЧЕНИЕ СНАМИ

Я люблю прохладу комнат
и люблю тепло сердец...
Всей душой всегда – кто помнит? –
всех встречали мать, отец.
Этот юмор, эту ласку,
речь отца и мамин взгляд
вспоминаю я, как сказку...
Так теперь не говорят.

* * *

Да разве я хожу к врачам
и что-нибудь лечу?
Пишу романы по ночам
и очерки строчу.
Я вместо дорогих лекарств
куплю себе билет. –
Мне оперетта чувств придаст,
которых в жизни нет.

* * *

На небе вместе – солнце и луна,
а небо – в переливах перламутра.
Порадуйтесь, что буду я одна
всё будущее утро.
И, отдохнув, я встану до зари,
увиджу золотистое на сини...
Молиться мне о чём – не говори:
известно мне – о будущем России.

* * *

Лечение снами...
Баюкает ветер,
столетней берёзы листва...
Июль только с нами.

День длинен и светел,
с печалью не помнит родства.
Забуду заботы,
забуду остуду,
обида, обузу, дела.
Запомню красоты,
подобные чуду,
и стих, что душа родила.

НАТАЛЬЯ СОВЕТНАЯ

ПОДРАНДА

*Памяти сожжённой фашистами в
ноябре 1942 года деревни Подранда
вместе с людьми*

Во широком поле ветер травы гладит –
Чудится: то ль плачет, то ли христорадит?

Тридцать пять подворий здесь земля кормила,
Сотни губ шептали: «Любая!» – «Мой милый!»

Сотни рук качали в избах колыбели –
Жили-были люди! – В небо улетели...

Жалостливый ветер гладит, гладит травы,
Догорают снега на кострах отавы,

Сквозь огонь холодный рвётся зелень-сила,
Да забыло поле, как коса косила.

Помрачилось горем: в пламени качели! –
Порошили пепел чёрные метели.

Во широком поле ветер травы гладит.
То ли кто-то плачет, то ли христорадит...

ЕВСЕВИЙ

Мой дед незнакомый – Евсевий...
Евсевий,
По Божьим законам пахал ты и сеял.

Детишек ораву с женой народил
И сгинул...
Оставил семью без ветрил.

Вдова – не вдова. Но безмужняя баба.
Зовут «безотцовщиной» деток без папы.

Ни строчки, ни слова, ни весточки ввек:
Ушёл на войну – и пропал человек.

Ни пепла, ни холмика с крестиком нет...
Евсевий, Евсевий, мой родненький дед!

С ДУМОЙ ОБ УКРАИНЕ

На севере – ни снега, ни дождя.
Земля мертвеет, холодом томима.
Платком пушинка реет у гнезда,
Метель – снежинкой пролетает мимо.

Нагая грудь у вспаханных полей.
За что, декабрь, моим краям – немилость?
Иль растерял снега среди степей?
Сам растерялся? Вьюга заблудилась?

Иль спутал кто привычные пути,
Деля наш белый свет по-человечьи?
Лукавство!
Хоть стократно будь ретив,
Туманно всё людское и не вечно...

Ах, грозный месяц матушки-зимы,
Прости упрёк мой легковесно-вольный,
Студи, морозь горячие громы
И молнии, что жалят сердце больно!

Завей же пушки саваном снегов,
Пушай ослепнут и заглохнут танки,
Пусть стынет кровь у натовских шутов
От сиверка и голоса тальянки!

НАТАЛЬЯ ФЕДОРИСТОВА

* * *

У меня есть деревня,
только я там – чужая:
Нет родных и соседей,
что меня окружали.
Только домик с резьбою,
да тенистые ели,
да пчелиные ульи –
как они постарели!
Сад огромный, ветвистый,
с соловьями весною, –
Так приятно укрыться
в нём от летнего зноя...
Пока мама родная
да старушки из детства
ждут-пождут меня, знаю –
никуда мне не деться!
Не забыть о деревне –
я душой с ней, как прежде,
и вернуться «до хаты»
не теряю надежды...

Владимир Шугля

* * *

Детство. Юность. Отчий дом...
Шум деревьев за окном,
Голос мамы, скрип двери,
Вспыхнув вдруг, как свет зари,
Вдаль меня под сердца звон
Унесет, как ночью сон.
На мгновение замру,
Пережду беды пору,
Отзовусь на этот зов,
Полечу под милый кров...
Быстро гаснет свет зари –
Не вернуть мне той поры.

* * *

Мне Русь – как божия судьба,
Как свет зари лучистый,
Надежд небесная тропа
И веры путь тернистый.

Я с нею связан навсегда
Сыновьей пуповиной.
И лишь её страшусь суда –
Мы сердцем с ней едины...

И исчезает колея
За далью прошлых буден,
А в них песчинкою и я,
И миллионы судеб...

ЛЕТО

Сквозь ветви солнце золотит скворешню.
Нет туч... Струится свет, ветра поправ.
И дымкой светлой, бирюзово-нежной
Окутан дня раздольно синий нрав.

Свет в душу льётся, как вода криницы.
Он ярко-желтый на хлебах полей,
Как будто оперение жар-птицы
На землю льёт чарующий елей.

Всё растворилось в этом солнца царстве,
Собрав цветочный, как пчела, нектар...
И вольный дух земли, ветров бунтарства
Несёт с собой покоя божий дар...

ОБ АВТОРАХ

Аврутин Анатолий Юрьевич родился в Минске, окончил Белгосуниверситет. Автор двадцати поэтических книг, изданных в России, Беларуси и Германии, двухтомника избранных произведений «Времена». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат многих литературных премий. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 г. присвоено звезде в созвездии Рака. Живет в Минске.

Бесперстых Анатолий Павлович родился в 1942 г. в с. Черкассы Липецкой области (Россия). По образованию филолог. Автор поэтических сборников «Гора по имени Жизнь», «Одиннадцатая заповедь», «Бег длиною в жизнь», «Пешком по ноябрю», «Межсезонье», «Второе дыхание» и др., а также автор-составитель ряда словарей: «Словарь русских эпитетов», «Любовь» (словарь эпитетов), «Мудрость наших предков» (словарь русских пословиц), «Не мудрствуя лукаво» (фразеологический словарь), словарей эпитетов Лермонтова, Есенина, И. Григорьева, ряда словарей афоризмов: Пушкина, Лермонтова, Чехова, Достоевского и др. Сейчас готовит к печати «Фразеологический словарь языка Игоря Григорьева» (более 3000 единиц) и начал работу над многотомным «Словарём языка Игоря Григорьева». Живет в г. Новополоцке (Беларусь).

Григорьев Василий Григорьевич родился 9 апреля 1994 г. в Санкт-Петербурге. Курсант 3-го курса Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.

Гусев Александр Иванович (1939–2001) – поэт, член Союза писателей России. Родился в д. Шемякино Порховского района Псковской области. Ребёнком пережил войну, потом, находясь на армейской службе, получил сильную дозу радиации при испытании ядерной бомбы. Вернувшись во Псков, получил техническое образо-

вание, впоследствии окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал инженером на заводе радиодеталей, в Псковском музее-заповеднике и областной библиотеке, в псковском филиале МИРВЧ. Автор многих сборников стихов. Россия и её судьба, история родной Псковщины, любовь к деревенскому дому и укладу, к псковским городам и весям, память о семейном очаге, ответственность за данный свыше поэтический Дар, вечные, философские вопросы бытия (жизнь и смерть, любовь и боль), христианские мотивы, философское осмысление религии и веры нашли своё отражение в его стихотворениях и поэмах. В 2007 г. было выпущено посмертное издание двухтомника «Боль, переплавленная в мудрость» в авторской редакции.

Ефимовская (Станкевич) Валентина Валентиновна – поэт, литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Родная Ладога», член Союза писателей России с 1999 г., автор четырех поэтических сборников, книги критики «Резонанс жизни». Лауреат всероссийской поэтической премии им. Николая Гумилева (2010), Лауреат премий «Имперская культура» (2012 г.), «Прохоровское поле» (2013 г.), награждена многими медалями, орденом Анастасии Узорешительницы (2014 г.) в ознаменование 400-летия Дома Романовых. Секретарь Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Золотцев Станислав Александрович (1947–2008) родился в д. Крестки под Псковом, в семье сельских учителей. Окончил английское отделение филологического факультета ЛГУ, работал переводчиком в Индии, служил офицером морской авиации на Северном флоте, окончил аспирантуру Московского государственного университета, защитил диссертацию. Член Союза писателей СССР с 1975 г., преподавал в Историко-архивном институте, работал гидом в Интуристе, был одним из руководителей Московского Литературного фонда (социально-правовая защита писателей). С 1995 г. совмещал эту должность с работой во Пскове председателем областного отделения Союза писателей. С. Золотцев выпустил 25 поэтических сборников, несколько книг прозы и литературных исследований. Множество его статей, обзоров и других литературно-исследовательских материалов были опубликованы в периодике. Его перу принадлежат более 20 книг переводов из поэзии Востока (бывших советских

республик, Индии и арабских стран) и Запада (Великобритании, США, Франции и др.) Умер 4 февраля 2008 г. в Москве. Похоронен во Пскове. Его имя присвоено одной из псковских библиотек.

Киришин Виктор Фёдорович – поэт, переводчик, публицист. Родился в Брянске в 1953 г. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета им. Ломоносова. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Автор четырех поэтических книг, многочисленных публикаций в антологиях, журналах и альманахах. Лауреат Всероссийских и международных литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Москве.

Кречетов Виктор Николаевич – прозаик, поэт, критик. Родился в 1942 г. в с. Ракша Ракшинского района Тамбовской области. Окончил философский факультет ЛГУ (1968 г.). В 1989 г. принят в Союз писателей СССР. В начале 1980-х гг. получил известность как литературный критик. Прозаическое творчество Кречетова отмечено поиском новых выразительных средств в жанре рассказа. Кречетов-поэт признан как продолжатель «тютчевской линии» в русской поэзии. Автор многих книг, в том числе на данном этапе итоговых: «Книга снов: Стихотворения. Рассказы. Воспоминания» и «Цветок Тагора: Статьи. Рецензии. Предисловия. Заметки. Дневниковая проза» (обе – СПб.: Алетея, 2014). Живёт в С.-Петербурге.

Литвинова Наталия Всеславовна родилась в Полоцке. Закончила Минский педагогический институт. Печаталась в журналах «Полоцкий летописец» и «Западная Двина», в альманахе «Катарсизм», в антологиях «Полоцкий альбом», «Город любви и надежды» и др. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

Михаленко Елена (Элина) Иосифовна родилась в Минске. Окончила физический факультет БГУ. Главный редактор духовно-просветительской газеты «Воскресение». Член Союза писателей Беларуси. Главный редактор детской литературной серии в Издательстве Белорусского Экзархата. Автор стихотворных переложений житий святых: «Сказание о житии преподобной Евфросинии, игумен и княжны Полоцкой», «Матушка Ксения», «Сказ про Петра и Февронию, муромских чудотворцев», книг

для детей: «Добрые сказки», «Чудесная свечечка», «Голос ангела» (написана в соавторстве с Татьяной Дашкевич), «Тайны бабушкиного клубка», «Ласточка», «Веселые зверюшки», «Подарок для Христа», «Солнечный секрет», «Мир в дом», «Воскресная литургия», книги прозы для взрослых «Дорога в Рождество», поэтического сборника «Я – не чужая». Елена Михаленко стала составителем и одним из авторов сборника духовной поэзии «Пред дверью вечности». Стихи Елены легли в основу аудиокomпозиции «Над обителью твоей небо синее» и диска «Верь в чудо», созданного в соавторстве с дочерью, музыкантом Ольгой Михаленко. Награждена грамотами Патриаршего Экзарха всея Беларуси, грамотой Союза писателей Беларуси, медалью преподобной Евфросинии Полоцкой (Белорусская Православная Церковь), медалью «За вялікі ўклад у літаратуру», медалью «За заслуги» (Международное движение «Семья – Единение – Отечество»).

Мухин Валерий Михайлович родился в 1942 г. в пос. Кесьма (ныне – Весьегонского района Тверской области). Окончил псковский индустриальный техникум, псковское музыкальное училище, псковское отделение Ленинградского политехнического института (СЗПИ). Работал музыкантом и певцом в оркестре, руководителем хора, преподавателем в школе и вузе, ведущим конструктором на заводе ТЭСО и во ВНИИ ЭСО, заведующим отделом рекламы в издательстве «Курсив», в типографии областного Дома народного творчества. Ветеран труда. Член СП России и Международной ассоциации писателей и публицистов. Автор 12 поэтических сборников, многих публикаций в центральных литературно-художественных журналах («Наш современник», «Север», «Московский Парнас» и др.). В 2003 г. за книгу «Солнце над Псковом» выдано почётное свидетельство с занесением в «Золотую летопись славных дел» с вручением медали «Святая Ольга». Член объединения художников Городского культурного центра. Участник десятков коллективных, автор 19 персональных выставок по Пскову и области. С 1957 г. живет во Пскове.

Ребров Андрей Борисович родился в 1961 г. в Ленинграде. В 1993 г. стал одним из основателей Православного общества Санкт-петербургских писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание в святых местах русских – на Валааме, в Оптиной

Пустыни, Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском (где получил благословение на творчество) и других монастырях оказало большое влияние на его произведения. Работал оператором газовой котельной, что позволяло заниматься литературой. В тот период были написаны и изданы книги: «Крылица», «Выбор», «Глубокие выси». Секретарь Союза писателей России, академик Академии российской словесности и Петровской академии наук и искусств, действительный член Императорского Православного Палестинского общества, член правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного государства (России и Беларуси), член совета Собора православной интеллигенции. Член СП России с 1994 г. (рекомендации: Г. Горбовского, Н. Скатова, А. Хватова). Награжден Почетным знаком Св. Татьяны в номинации «Наставник молодежи», медалями в честь «300-летия Санкт-Петербурга» и «За доблестный труд во славу Отечества», золотым орденом Международной академии культуры и искусства «Служение искусству», двумя медалями в честь 65-летия Победы, медалью Грибоедова и др. Гл. редактор журнала «Родная Ладога», директор ООО «Издательский дом “Родная Ладога”». Лауреат Всероссийской премии им. Св. Александра Невского и Международной премии «Серебряный Витязь». Живет в Санкт-Петербурге.

Орлов Борис Александрович родился 7 марта 1955 г. в д. Живетьево Брейтовского района Ярославской области. Окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского (1977 г.), московский Литературный институт имени А. М. Горького (1985 г.). Автор почти двух десятков книг стихов. Секретарь Союза писателей России, член правления Санкт-Петербургской организации СПР, член Санкт-Петербургского союза журналистов, член СП СССР (с 1986 г.), Православного общества Санкт-петербургских писателей. Член правления СП России (с 1999 г.). Академик Петровской академии наук и искусств. Награжден медалями. Лауреат Большой литературной премии России, литературных премий Александра Невского, Андрея Платонова, Константина Симонова, Валентина Пикуля, «Золотой кортик». Награжден почетным дипломом «За выдающийся вклад в развитие культуры в Санкт-Петербурге», а в 2011 г. Указом Президента РФ – «Медалью Пушкина».

Член Общественного совета по культуре при Правительстве Санкт-Петербурга. Живет в Кронштадте.

Переяслов Николай Владимирович родился 12 мая 1954 г. Секретарь Правления Союза писателей России. Член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов и Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Действительный член Петровской академии наук и искусств, а также Славянской литературной и артистической академии в Варне (Болгария). Делегат первого Российского Литературного Соборания и встречи писателей с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в РУДН (21 ноября 2013 г.). Работал шахтёром, геологом, журналистом, секретарём Правления СП России, помощником мэра Москвы (Ю. М. Лужкова). Автор более 30 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов, а также огромного количества публикаций в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Татарстана, Казахстана, Армении, Грузии, Эстонии, Болгарии, Германии, США, Китая и других стран. Участник 1-й Международной поэтической конференции в Каире и 1-го Международного фестиваля поэзии стран Азии во Вьетнаме. Лауреат литературных премий имени А. Платонова, Р. Гамзатова, М. Лермонтова В. Хлебникова и Большой литературной премии России. Награждён почётными грамотами Министерства культуры РФ и Русской Православной Церкви, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», медалью Святого князя Даниила Московского и другими наградами.

Поздняков Михаил Павлович (Михась Пазнякоў) родился в 1951 г. в д. Забродье Быховского района Могилевской области. Окончил филфак Белгосуниверситета. Работал учителем, научным сотрудником Института языкознания НАН Беларуси, директором литературного музея Максима Богдановича, главным редактором издательства «Юнацтва», главным редактором журналов «Вожык» и «Нёман», заместителем директора холдинга «Литература и Искусство». Председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Член президиума и правления Союза писателей Союзного государства. Поэт, прозаик, переводчик, критик, языковед, публицист. Автор более 70 книг поэзии, прозы, критики, публицистики, словарей и переводов для взрослых

и юных читателей. Почетный член Союза писателей Беларуси. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (2015 г.). Член редколлегии 10 литературно-художественных изданий и книжных серий. Главный редактор книжных серий «Библиотека Минского городского отделения Союза писателей Беларуси» и «Минские молодые голоса». Лауреат одиннадцати литературных премий, в том числе – Международной «Я не мыслю себя без России». Отличник печати Беларуси. Кавалер медали Франциска Скорины за большой вклад в развитие белорусской литературы. Награжден также медалями Союзного государства, Министерства обороны и Госкомитета погранвойск. Член Белорусского союза журналистов. Живет в Минске.

Поликанина Валентина Петровна – поэт, переводчик, публицист, член Союзов писателей Беларуси, российских писателей и Международной федерации русскоязычных писателей. Работала обозревателем, ведущим редактором журнала «Беларусь», в настоящее время – редактор отдела культуры журнала «Гаспадыня». Автор десяти книг поэзии, лауреат первой премии Союза журналистов Беларуси «За лучший женский образ в современной журналистике», специальной премии президента Республики Беларусь в номинации «Художественная литература», первой премии Союза писателей Беларуси «Золотой Купидон», российской литературной премии им. А. П. Чехова, международной литературной премии «Литературная Вена». Правительством Российской Федерации награждена медалью А. С. Пушкина. Живет в Минске.

Рыбалтович Дарья Григорьевна родилась в Ленинграде. В 2001 г. с отличием окончила среднюю школу ГОУ № 563 «Пушкинский лицей» (с филологическим уклоном). В 2007 г. защитила диплом на степень бакалавра по направлению «Прикладная информатика в дизайне» в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете (СПбГПУ, факультет «Институт международных образовательных программ»). Проходила учебную практику во Франции и Италии. В 2009 г. защитила диплом на степень магистра по направлению «Прикладная информатика» в СПбГПУ (ИМОП). Во время учебы в магистратуре работала ассистентом кафедры прикладной информатики факультета. Преподавала дис-

циплины «Компьютерная графика», «Структурный подход к проектированию ПО», «Интеллектуальный анализ данных». Окончила курс переподготовки специалистов на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) по специальности «Психология менеджмента». Кандидат психологических наук. Работает в сфере дизайна, полиграфии, разрабатывает веб-сайты. Живёт в Санкт-Петербурге.

Сергеева Ирэна Андреевна – поэт, литературовед, переводчик. Родилась в Ленинграде, окончила Библиотечный институт им. Н.К. Крупской. Работала в библиотеках, в журнале «Звезда» – лит. консультантом. Автор более двадцати книг стихов и четырёх книг прозы. Составитель и редактор альманахов и коллективных сборников. Лауреат премий Союза писателей России «Традиция» (1996 г.), им. Н. Заболоцкого, Всероссийской Православной премии им. Святого благоверного князя Александра Невского и др. Член правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, председатель секции поэзии. В Союзе писателей СССР (затем – России) с 1976 г.

Советная Наталья Викторовна родилась в пос. Янтарный Приморского района Калининградской области. Окончила Ленинградский педагогический институт имени А.И. Герцена и Ленинградский государственный университет. Кандидат психологических наук. Директор, ведущий психолог «Психологического реабилитационного центра «МИРВЧ». Действительный член, профессор МАТр (Международная Академия Трезвости). Член Союзов писателей России, Беларуси и Союзного государства. Председатель оргкомитета ежегодного Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева. Организатор Литературных чтений памяти И. Григорьева. Ответственный секретарь Фонда памяти Игоря Григорьева. Прозаик, поэт, публицист. Автор книг поэзии и прозы, в том числе «В поиске сокровища», «За краем света», «Тайна русского Царя», «Два поклона», «Увидеть ветер», «Пучок травы». Награждена медалями «Святой Благоверный Великий князь Александр Невский» (2006), «Василий Шукшин» (2014), юбилейными. Победитель и лауреат литературных конкурсов Белорусского Экзархата РПЦ и газеты «Воскресение» (2008, 2014). Победитель ежегодного фестиваля исторической поэзии «Словенское поле» (2015).

Федористова Наталья Николаевна родилась в д. Массоры Сенненского района Витебской области. Закончила Витебское медицинское училище. Работала санитарным фельдшером, старшей медсестрой, в том числе многие годы – в белорусском филиале Международного института резервных возможностей человека (МИРВЧ). Живёт в Витебске.

Шугля Владимир Федорович родился 30 января 1947 г. в г. Кыштыме Челябинской области. В 1970 г. окончил Свердловский институт народного хозяйства, в 1991 г. — Уральский социально-политический институт. Почетный Генеральный консул Республики Беларусь в Тюменской области, член Общественной палаты России, член Союза писателей Беларуси, член Санкт-петербургского отделения Союза писателей России. Публиковался в журналах «Современник», «Молодая гвардия», «Великороссъ», «Русский крест», «Нёман», «Немига литературная», «Белая Вежа», «Второй Петербург», «Невский альманах», «Дон», «Вертикаль», «Югра» и других изданиях.

**«Я плачу.
Я снова рождён..»**

Переводы стихов
Игоря Григорьева

ДЗЯЎЧЫНКА І РАЊІЦА

Насцёне Грыгор'евай

Серая головушка,
Светлая душа,
Щёлкает соловушка,
Музыку верша.
Песне милой птиченьки
Рад и млад и стар.
В клюве невеличеньки –
Занебесный дар.

Анастасія Грыгор'ева

Між яліначак-красунь
Ранкам льецца шчасце.
Добра шкадаваць расу
Расіянцы Насці!

Бо раса тут нічыя
На траве мурожнай.
А яшчэ ля ручая
Дзіва ўбачыць можна:

Страказу. Яна мурог
Кратае світанкам,
Ля бярозкі босых ног -
Птушку валасянку.

Вось яна паміж галін
Выпрастала крылы.
Можна кветкам лугавін
Усміхнуцца міла.

Прыгажосць і цішыню
Падарыць спакою
І цягнуцца ў вышыню
Гнуткаю рукою.

ДЕВОЧКА И УТРО

Настёне Григорьевой

Серая головушка,
Светлая душа,
Щёлкает соловушка,
Музыку верша.
Песне милой птиченьки
Рад и млад и стар.
В клюве невеличеньки –
Занебесный дар.

Анастасія Григорьева

Ранью в солнечном лесу,
В разливанном счастье
Хорошо жалеть росу
Россиянке Насте!

Ведь роса совсем ничья –
Грех её обидеть.
Можно диво у ручья
Повстречать-увидеть:

С голубою стрекозой
Огнецветь-муравку,
У берёзоньки босой
Розовую славку –

Невеличкую из птах
На хмелинке гибкой;
Луговинку всю в цветах
Привечать улыбкой.

Красоту и тишину
Приносит покою
И тянутся в вышину
Ласковой рукою.

ПЕРАМОГА

Май, гаманлівы і яркі,
Колькі ён сонца не бачыў!
Нават маленькія хмаркі
З намі смяюцца і плачуць.

Бура не можа спыніцца,
Гром халастымі грукоча.
Коціцца купал званіцы,
Дымам засланыя вочы.

Высі спусціліся долу,
Кленчаць ля нізенькіх хатак.
Кроплі залевы вясялай
Скачуць, нібы жарабяты.

Полымя рыскае крута
Лапай гарачай і прагнай.
Безліччу глотак магутных
Бухае дзень апантаны.

І адгукаюцца людзі,
Гук заглушаючы грому.
Травы ў цякучай палудзе,
Першанароджання стома.

Раненых жыццяў пачатак
Душы і дражніць і лечыць.
Неба - да хмаркі - на свята
Выйшла і цешыць сінечай.

Поціск сяброўскіх далоняў
У хмельным ад шчасця зеніце
Міру ўсміхніцеся сёння.
Перамаглі. Уздыхніце.

ПОБЕДА

В радуге, в радости, в цвете
Май, позабывший о солнце.
Тучи – что малые дети:
Плачется вдруг и смеётся.

Вихорь загикал, захлюпал,
Бахает гром холостыми,
Катится звончатый купол,
Светится в ласковом дыме.

До земли высь опустилась,
Кланяясь тёмным избёнкам.
Ливень, отрадный, как милость,
Чалым бежит жеребёнком.

Неукротимо и круто
Пламя разлапое рыщет.
Дня многогорлая груда
Ахает, грохает, свищет.

Ей откликаются люди
Вздохам раскатистей грома.
Травы в текучей полуде,
Перворожденья истома.

Раненой жизни начало
Душу врачует и дразнит.
Небо и то не смолчало:
Вышло – до тучки – на праздник.

Сходятся ярые руки
В ошеломлённом зените...
Видите? Верите, други? –
Мы победили. Вздохните.

ЗІМА 1993

Заплакалі бярозы:
– Зіма нас падвяла,
Калядныя дзівосы –
Тры градусы цяпла.

Заледзянела сэрца:
У рупным перабой –
Любоўю не сагрэцца.
– Расія, што з табой?

БЛУДНЫ СЫН

Пад злымі, тугімі вятрамі
Стрыножыў час крылы дарог.
У клопатах вечных, гадамі
Я родны не бачыў парог.

Як толькі мяне час не гушкаў,
Якой толькі славы не меў.
Ганяўся за сцервай жар-птишкой,
Сябе шанаваць я не ўмеў.

Па розных чужынах бадзяўся
І чулай душой занямог.
Радзіме пакутліва здаўся,
Палонны навек, перамог.

Прад гэтым пакрыўджаным домам
Я плачу, народжаны зноў.
І пахне знаёмым-знаёмым:
Дыханнем вясновых садоў.

* * *

Гарапашная радзіма,
Гарапашны, бедны люд:
Твань на ўзгорках нелюдзімых,
Багну ўзгоркі дыбцяць тут.

ЗИМА 1993

Заплакали берёзы:
– Зима нас подвела,
Крещенские морозы –
Три градуса тепла.

Заледенело сердце:
В ретивом перебой –
Любовью не согреться.
– Россия, что с тобой?

БЛУДНЫЙ СЫН

Была бесприютной погода –
Покров мокроснежил и дрог.
Так случилось уж: трудных три года
Я тут не ступал на порог.

Печального образа рыцарь
Каких только чуд не чудил.
В погоне за стервой жар-птицей
Ни песен, ни крыл не щадил.

По разным чужбинам шатался –
Скобарь, шантрапе ль побратим?
Измучался, Родине сдался.
И, пленный навек, победил.

Пред этим обиженным домом
Я плачу. Я снова рождён.
И пахнет знакомым-знакомым:
Позёмом да вешним дождём.

* * *

Горемаятная родина,
Горемаятные мы:
На пустых холмах – болотина,
На болотине – холмы.

Можа, вера і не значыцца?
Можа, верыцца да дна?..
Нават скачацца як плачацца:
Плач – пад скокі, давідна!

Ды калі ўжо нам наплачацца
У гульбе жыцця-турмы?
І няўжо нам не адважыцца
Нагадаць усім: хто – мы!

ДЗІКІЯ ЯБЛЫНІ

На вятры завойкалі
Дзве ляшчыны рыжыя:
З доляй добраю ці горкаю –
Толькі мы і выжылі.

Што з былою вёскаю? –
Стала мёртвай, шэраю.
З доляй добраю ці горкаю,
А живым – жыць вераю.

* * *

Зверху месяц спелы
Звесіўся над логам.
Галасок нясмелы
Чуцен на дарогах.

146

На ўсе скрыжаванні
Ён адзін-адзіны.
І такі жаданы!
І такі радзімы!

Мо цябе шукае?
Ці прад мною млее?
Вецер завывае:
«Свеціць, ды не грэе».

Или вера сгила начисто?
Или верится до дна?..
Даже пляшется как плачется:
Плач – под пляску, мать родна!

Да когда же нам наплачется
Во пиру судьбы-тюрьмы?
Неужели не отважиться,
Встав, напомнить: кто есть мы!

ДИКИЕ ЯБЛОНИ

На ветру заохали
Две лешуги рыжие:
Хорошо ли, плохо ли –
Только мы и выжили.

От живого хутора,
Кроме нас, – ни деревца.
Хорошо ли, худо ли,
А живым – надеяться.

* * *

В сини месяц спелый
Свесился над логом.
Голосок несмелый
Светит по дорогам.

На сто раздорожий
Он, как перст, единый.
До того хороший!
Так необходимый!

Не тебя ли ищет?
Не меня ль жалеет?
Встречу ветер свищет:
«Светит, да не греет».

147

ПЕРЕВОД ОЛЬГИ САФРОНОВОЙ

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

ДІАЛОГ

- Від чого радієш, у лапах біди?
- Бо вільність утрат я здобув назавжди!

- З яких ти причин танцювати готов?
- Від мене нарешті пішла нелюбов!

- З яких ти у доброму гуморі див?
- Мій ворог себе випадково розкрив!

- Чом потайки усміх даруєш п'їтьмі?
- Неприятель давній дав руку мені!

- Ну як: горюватимеш, очі заллеш?
- Усупереч злу – подобрю без меж.

- До розуму ти чи не пізно прийшов?
- Не рано й не пізно помислити знов.

- Чому ж ти бідуєш у наші часи?
- Бо пісня дорожча мені ковбаси!

- Смієшся? А плакати треба від справ!
- Чого б це я плакав: чи пан чи пропав.

- Зима навкруги. Звідки в тебе весна?
- Надія зі мною та віра ясна!

- До того ж я правді насправді служу!
- То що, не сумуєш?
- Іще погожу.

ВЕСНА

Ще став мороз на лапах павучиних,
 А в бруньок – строки:
 Уже теплішають у серцевинах
 Застиглі соки.

ДИАЛОГ

- Чему ты, бедой закапканеный, рад?
- Ко мне приласкалась утрата утрат!

- С чего ты выиграл, плясовой маня?
- Моя нелюбовь разлюбила меня!

- Почто ты в ударе, настрое благом?
- Мой хитрый дружок распахнулся врагом!

- В чём дело: захмурен, лучишься во мрак?
- Мне руку подал стародавний мой враг!

- Что делать намерен: запить-одуреть?
- Надумал –злу назло – ещё подобреть.

- Не слишком ли поздно схватился за ум?
- Лишь думай – нет рано и поздно для дум.

- Не глупо ль – быть нищему в наши деньки?
- Мне бедная песня дороже деньги!

- Хохочешь? Заплакал бы: плохи дела.
- Смеюсь-заливаюсь, была не была.

- Ведь стужа и темень. Откуда твой зной?
- Надежда и вера сегодня со мной!

- К тому же я правде по правде служу!
- Так значит не тужишь?
- Пока погожу.

ВЕСНА

Ещё встаёт мороз на лапах длинных,
 По почкам – сроки:
 Насторожились в стылых сердцевинах,
 Теплеют соки.

Іще хрумтить-дзвенить скляна дорога,
Та тішить сани,
А пагорб сонний – с сонячного боку
Зібгав тумани.

Поки іще синіє небом поле,
Ліс одно-гучний,
А в полудня – вже сповнені долоні
Теплом колючим.

Старий замет біля ялини-свахи
Тихенько плаче.
Кохав завію білу бідолаха –
Пішла одначе...

ЛЕЛЕКА

З-під картечі, з останньої сили,
Я рвонувся лелекою геть!
А за спиною в мене – Росія,
У торбині попереду – смерть.

Я лечу, завмираю та падаю,
На поранених крилах лечу.
Ані цяточки світла не вгадую
За сліпою стіною дощу.

150

Бгати пір'я, працюючи крилами,
Десять тисяч – крізь мачуху – верст.
«По воді ще написані вилами»
Клекіт щастя та зоряний хрест.

Жовтень спритно охоплює лапами,
Та регоче у серце моє.
Біля клунь, над вербою патлатою
С хрусом з колеса хворост жує.

Що ж, хапай перетліле та зібгане,
Бідолашні шляхи заступай,
Смійся-смійся, глумися над бідними.
– Але ж буде і березень, знай!

Ещё хрустит стеклянная дорога,
Лаская сани,
Но холм дремучий – с солнечного бока –
Вздохнул в тумане.

Пока что небо не синее поля,
Лес однозвучен,
Но полны тихие ладони полдня
Теплом колючим.

И патриарх-сугроб у свахи-ели,
Души не пряча,
О ветреной зазнобушке-метели
Тихонько плачет.

А И С Т

Подымаюсь, картечь пересиял,
Сбитый аист, сведённый с ума.
У меня за спиной – Россия,
У меня перед грудью – сума.

Я лечу, замирая и падая,
Переломанных крыл не щадя.
Мне не вспыхнет рука зябковатая
За слепую стеною дождя.

Крыльям бить, перья об ветер комкая,
Десять тысяч – сквозь мачеху – верст.
Мне пока не до клёкота громкого,
Не до выпевших в полночи звёзд.

Мне октябрь, крепколап и бездумен,
Оголтело хохочет в глаза.
И на вербе, у замерших гумен,
С хрусом хворост жуёт с колеса.

Что ж, хватай побуревшее крошево,
Загораживай горестный путь,
Налетай, гогочи, разворошивай
– Веселись. Да про март не забудь!

151

ТВІЙ ДІМ

Світанком росним,
Чи під гуркіт грому,
Під свист бурану –
Не пізно повернутися додому,
Завжди не рано.

Чекає свято,
(Спека.. холод клятий...)
Терпляче-мило.
Тобі цей дім – авжеж не з краю хата,
Ти – ним щасливий.

У строк не прийдеш,
Від сует відійдеш
Себе шукати,
І рідне серце серцем знову приймеш –
Як ошукати?

Не плач нікому:
«У житті тяжкому...» –
Та не барися.
Ще можна повернутися додому –
Не запізнися.

ВІХОЛА-ЗАВІЯ

152

Розгуляється – знищити може,
А ущухне – ніжніша за квітку,
Жартувати із нею не гоже –
Баба з норовом, вправна та спритна.

Вище лісу злетіли коліна,
Майорить пелена сарафану...
Вподобав я завію невпинну,
Чи занадто, чи, може, зарано.

Хоч би й рано – журитись не маю:
Ані пихи нема, ні користі.
Ген, зірки поза хмарами сяють,
Молитви – в розбишацькому свисті.

ТВОЙ ДОМ

Светлыню росной,
Полночю беззвёздной
Под свист бурана –
Домой вернуться никогда не поздно,
Всегда не рано.

Он верен свято –
В зной и стынъ заката,
Он терпеливый.
Да и тебе твой дом – не с краю хата,
Ты – им счастливый.

Не в срок вернёшься,
От сует очнёшься,
В себя заглянешь,
К родному сердцу сердцем прикоснёшься –
Кого обманешь?

Не кайся слёзно:
«В жизни многовёрстно...» –
Нет оправданья.
Домой вернуться никому не поздно
Без опозданья.

ВЬЮГА

153

Разойдётся – прикончить могла бы,
А уймётся – нежней незабудки,
Своенравная русская баба,
Веселунья, с которой – не шутки.

Выше леса колени взлетели,
Заметался подол сарафана...
Полюбилося мне буйство метели
Крепко-накрепко, может и рано.

Рано, нет ли – печалиться поздно:
Ни гордыни в душе, ни корысти.
И за тучами – высь не беззвёздна,
И молитва в разбойничьем свисте.

Обминути або обманути
Не зуміють палаючі губи.
Світ надії крізь сумніви-смути
Ляже снігом, слухняним та любим.

Скриє віхола пагорбки-ями –
Все у іншому світі неначе.
Хто підставить їй спину без тям –
Крижаними сльозами заплаче.

Тільки я, зимогорів нащадок,
Затулятись від лади не хочу:
Горювання приймаю у спадок
Від зірниць і до темної ночі.

З димарів, через світ від порогу
Непокою пісні сумовиті,
На стежину, на білу дорогу –
Все про світло, про цвіт – та про літо.

Не обделят, нічуть не обманут
Налитые огнём её губы.
Все сомненья надеждами станут.
Станут снега послушны и любы.

Вьюга скроет ухабы и взлобки –
Всё привычное переиначит.
Сдавши спину ей, зябкий и робкий,
Не слезами – ледышками всплачет.

Ну а я, зимогоров потомок,
Заслоняться от лады не волен:
С первых зорь до последних потёмок
Гореваньями вьюжными болен.

Заунывные песни тревоги,
Хоть в трубе, хоть на целой планете,
На тропинке любой и дороге –
Все о свете, о цвете – о лете.

СИ КЪУЭМ

Уэлбанэм ирифаш къуэкIыпIэм и лъыр:
Жэцибгщи - нэхуи, хуаскIи умылгагъу.
Уи махуэхэр къыпхуэнэми нэпсылъэу,
НэгъуэщI ущIэмышъуэпсу, ахэр лъагъу.

Умынэщхъейуэ, ахэр уи Iэпэгъуу,
Гъуэгуанэр зэрыкIыхъыр уигу игъэлъ,
Уэс лъащIэу пщэдейрей уи махуэ къэхъур
Хуэныкъуэщ уэшхым хуэбуса гухэлъ...

Жьыбгъищэм дэбутхыпщIу уи гукъеуэр,
Гъуэгуанэм я нэхъ кIыхъхэри зэпыгч.
Угубжьми, угузавэми, уигу еуэу
Мураду епхужьахэм уапымыкI.

Борэнхэм я уэс лъэгу ягъуэтыжынууш,
Уэрэдми, чэфми пIалъэхэр яIэжщ,-
Абыхэм уэ уи гъуэгур щхъэпрыкIынууш.
Сыт уэсыр? – Гъатхэ уэшх и джэрпэджэжщ.

СИ КЪУЭРЫЛЪХУМ

Тегушхуэ: гъыбзэукъым -
ЗэхокI гъуэгущхъэр жору.

Уи псэ пхъэрар утIыпщ,
Губгъуейм йомыту гъэру.

Уи урыс губгъуэри
Къыпщыхъукъым- ар уи пашхъэщ.

ХуэIэл: шынагъэ, зэш, хамэщI –
Захомыгъэщхъыу.

Уи Iейми фIыми
УемыIэбмэщ - щIэщхъур.

СЫНУ

Ненастье обескровило зарю:
Всё — сутемень. Ни полночи, ни полдня.
Погоду не закажешь ноябрю —
Бери, какая есть, о вьюгах помня.

Бери и не вздыхай. И с тем иди.
Иди, да знай: далёко до ночлега,
И, может, только день всего до снега.
И вздохи — груз увесистый в пути.

Пустые страсти ветром отряхай,
Себя и версты мерь пройденной мерой.
Тревожься, негодуй, но не вздыхай.
Иди себе и, что дойдешь, уверуй.

Пусть вьюгам — вьюжье: снежная страда,
Хмельные вопли, холода шальные, —
Они ведь до поры: они больные.
Ведь вьюги что? — весенняя вода.

ВНУКУ

Решись: распутье — не распятье
И не проклятье.

Душе захмаренной — раздолье
В широкополье.

Даль русская не наважденье —
Освобожденье.

Дерзни: бездомье, страх, усталость —
Такая малость.

Добро и зло — за вехой строгой:
Руками трогай!

Арагъэнц зэрыхъур –
Хэт ар зэлъытари,-
Дыдэхъэшхмэ, дыгъыу,
Уаеи дыщӀищтари.

Бжьыхъэм щыщӀэдзауэ,
Гъатхэм щыщӀэкӀыжу,
Мылым зэщӀиштауэ,
Зым имыгъэткиужу.

Жьыбгъэм я нэхъ гуаер
Уэсыи пэмылъэщу,
Гъагъэм нэхърэ - уаер
Къудамэбэм хуэщу.

Ауэ гъатхэ ткиуэпсыу
Мыжэ лъэужь щыгъэр.
Щтащи къуэдымэзыр
Къыхэщыжкыи тхъугъэм.

Махуэр кӀэщӀищ, къуапцӀагъуэщ,
Жэщхэри мазэншэщ,
Жьыбгъэм хишыр лъагъуэу
Тонэр мылу фӀыншэм.

Арщхъэ, уехмэ тафэм:
ЗэщӀеӀулӀэ уи пкъыр,-
Уае - ажэгъафэм
Зэтрихъащ мылдыкъыр.

Губгъуэ жэуапыншэм
«Сакъ!»- зэрехъэ жьыбгъэм...
Уигу умыгъэтыншым
Хедзэр уафэр тхъугъэм.

Шылэщ къуакӀи-дами,
Гури, псэри хэнэу.
Ауэ, сыт мыхъуами,
Удзыр пхуэгъэнэну?

Знать, нельзэ инае –
Не от нас напасть, –
В хохоте и плае
Стужи взяли власть.

С октября-грустилы
До апрельских вод
Никакие силы
Не растопят лед.

Никакие ветры
Снежищ не спалят,
Не подарят ветлам
Зеленой наряд.

Ветлы онемели,
До колен седы.
Никакой капели
Не взойдут следы.

Дни темны и кратки,
Ночи без луны,
Вихоря нападки
Жгуче холодны;

На равнине – благо:
Жмёт – и крут, и скор, –
Нагрозил, бродяга,
Насугробил гор;

В безответном поле
Кружит:»Береги-ись!..»
В сердце поневоле
Пригасает выс.

Зимно, бездорожно,
Мёртво наяву.
Только разве можно
Погасить траву?

Синху Еленэ и деж

Мы щымахуэр ерыщ хуами,
Гъатхэми къару илэнуш,
Щыым борэнхэр шыетами
Уаеи ар кIэух хуэхунуш!

Жыыбгъэ хуарзэм ди бжыхъ щIагъым
ЩиIуэташ иужьрей гъыбзэр.
Мы дунейи и хъуреагъым
Щыбгъуэтынкъым ди нэхупсыр.

Уэсыр джабэм къощэтэхыр,
Псыхъэлыгъуэр лъейуэ мажэ,
Мес, бжэн лъагъуэ дэкIым сэнтхым
Мылыр хуабэм шыдокIуашэ.

Жыыбгъэм ипхъэха мывэжхэм
Дыгъэм я щхъэ къуийр хуагъазэ,
Псыр йолъадэри къуэ куэщIхэм
Мэдыхъэшхыр псэм и щIасэу.

Чэфыр ящIэуаш къамылым,
Къыухэм уэгур къалъэтыхьыр,
Сэнтхым еубгъуа мэз шылэр
Уэшхрэ удзымрэ йопщIыхьыр;

Къыпщыхъунш, анэ мамырхэм
Бын къэкIуэжыр епщIыхъауэ –
Мэзым къыщIыхъэж я шырхэм
Гъатхэ гуапэр къыхуахъауэ.

* * *

Жыбгъэри дымаш, ешаш щIымахуэр.
Гъатхэм уэсыр фIыцIэ щIохъукIыжыр,
ЯтIэм шыгури, лъэсхэри илхъэхуэ
Гъуэгум дригъэрш, димыутIыпщыжу.

Елене, дочери

Как зима ни верховодит,
Сколь пуржища ни зубаста –
И в тайгу весна приходит:
Покусал мороз, и баста!

Отсвистели стыней плети,
Панихида ночи спета.
Ни в одном краю на свете
Не встречал я столько света.

Оползает снег на сопках,
И палы разлив полощет.
На крутых козельих тропках
Смутно лёд синеет тощий.

Ветром выглаженный камень
Греет лысину на солнце.
Забегала речка в рамень –
Заливается-смеётся.

Тянет бражной соковицей,
Кличут лебеди в долине,
И дремучим дебрям снится
Цветъ да зелень, гром да ливень;

Им, как мамкам, снятся дети,
Пополнение вольнолюбив –
Колонки, козлы, медведи...
Без заморских лесорубов.

* * *

Выдохлась метель, зима устала.
Затемнели мартовские снега,
И передвижение застряло:
Ни в дровнях, ни пёхом, ни в телеге.

Лъэмыж тедзэу сыныпхуэкIуэжынми,
Сыщэхуэнми –зыми сынэсыфкъым,
Сыфакъырэу, щIакхъуэ кыххэдзынуми
Гъатхэм и къэпхъэным сикIыжыфкъым.

Ни в шалман пойти, ни побираться,
Подаянья клянча Христа-ради.
А к тебе и настом не добратся.
Ну и ну: кружу, как волк

RECALCITRANCE

Like a mother mourning over
Dear son in his blood lying,
Burns the snow-storm and groans,
Bursts into true Russian crying.

Like a widowed bride in grieving
Over the body of her darling
In the air the moan is ringing –
It's the blizzard in anguish crying.

Like a wretched little orphan
Over the parents' grave is whining –
Meekly, under the fate so awful
There a ground wind is pining.

In the night of yoke and trial
Enemies – thrice cursed – are swarming,
And of cold our fields are dying,
And dead still our cots are growing.

But we hear, hear, hear
Russian blizzard's voice so fierce.
Yes! We're breathing, breathing here
Hoarding our hands' sinews!

* * *

Greetings to you, my field of rye,
To you, clear ford and stack of hay!
The heat of the Earth has burnt away
My unbelief, envy, pain and bile.

My kindly beasts, How do you do! –
Hedgehogs and ruffs, magpies and all –
Kindness is surging in my open soul:
I feel like bursting into dance with you.

НЕПОКОРСТВО

Будто мать горевая
Над сынком, в крови лежащим,
Жжёт метель, стенья-взывая
Неподдельным русским плачем.

Словно вдовья невеста
Над любимым соколёнком,
Не находит замаять места,
Захлебнувшись в стоне звонком.

Точно горькая сиротка
Над родительской могилой,
Тужит хвиль пугливо-кротко
Над судьбой своей постылой.

А кругом, в ночи-неволе, –
Ворог, проклятый трикратно.
Замерзает наше поле,
Замирают наши хаты.

Но мы слышим, слышим, слышим
Жаркий голос русской вьюги.
Да! Мы дышим, дышим, дышим –
Копим жилистые руки!

* * *

Поклон, поклон, ржаное поле,
Прозрачный брод, косой стожок!
Мне жар земли безверье сжёт –
Ни зла, ни зависти, ни боли.

Здорово, ласковые звери –
Ежи, сороки и ерши!
Ей-богу, с вами хоть пляши:
Душа в добро открыла двери.

Hello, Hello, my thunderclouds
And hazy bluishness of the Sky!
I thank this bright and happy day
For all that is to come, no doubts.

Привет вам, грозовые тучи
И дымчатая голубень!
Спасибо, беспечальный день,
За всё, что завтра неминуче.

«نارعاش»

فوپراکيلوپ ىئىگرس مېدقیت

ش،تآ و رايتخا نايامنهار ام
نارگن و کاپ یاه بلىق اب
...دش مېهلوخ رېپ دوخ ىزور مک ىندانزرف
...زبس ىمد مېپس،ون ىنرق ناهارب مشچ

نابز ىب و اونشان ىبش رد دنزوس ىم مک ىياه بلىق
ىگدنز ى مقرج ره ىارب
...دنز ىم جوم ىگروشلد انارد مک
...دشوج ىم شىپاشىپ مک ىنوخ و
نايوجگنج ى متشارفارب ىامريشمش نانوچ
عاجش!

دورس و رعش ناتسمرس
ىسك اي ىزيچ ناگدر بن
ىرا،

زيچ همه بنادنمزايين
و

لزيچ ره زايين ىب
ياه نييرتراوازس،ناهج ياه نييرت متسپاش انتام
...نييمز

لخيرات ى مشيمه نوچ
لتسپين ىتشونرس و هار نيياج و
سك چيه و زيچ چيه
لدروداوخن رد ىاپ زارام
رز بن
لتردق بن
لن...چوپ و هيام ىمت موکش بن
لتسام ى ىگنلواج زمير - گرم و

ПОЭТЫ

Сергею Поликарпову

Мы воли и огня поводыри
С тревожными раскрытыми сердцами,
Всего лишь дети, ставшие отцами,
Всё ждущие — который век! — зари.

Сердца грозят глухонемой ночи,
За каждый лучик жизни в них — тревога,
И кровью запекаются до срока,
Как воинов подъятые мечи.

Взлелеявшие песню, не рабы —
Единственная из наград награда!
Нам надо всё и ничего не надо.
И так всегда. И нет иной судьбы.

Нас не унять ни дыбой, ни рублем,
Ни славой, ни цикуты царской чашей:
Курс — на зарю!
А смерть — бессмертье наше.
И не Поэт, кто покривит рулем.

О ПЕРЕВОДЧИКАХ

Атаоллахи Зартошт родился 11 сентября 1970 г. в Тегеране (Иран). В 1987 г. поступил на медицинский факультет Тегеранского университета, одновременно работал в Институте интеллектуального просвещения детей и молодёжи. В 1989–1991 гг. служил в воздушных войсках Вооружённых сил Ирана. В 1993–2000 гг. учился в Белорусском государственном медицинском университете (Минск). Работал официальным представителем медиа-холдинга «СМИ» в Беларуси и в России, президентом международного общественного объединения «Культурный фонд “Пасаргад”», преподавал персидский язык и персидскую мифологию. Член Ассоциации молодых талантливых поэтов, член Международной ассоциации поэтов. Лучший поэт года 2002 года (Лондон). Первые публикации на русском языке появились в Беларуси в журнале «Немига литературная» в 2002 г., в этом же году вышел сборник стихов «Течение плывущих мыслей» (Минск). Живёт в Иране.

Бемурзов Зураб Мухадинович родился 27 декабря 1976 г. в ауле Али-Бердуковский Хабезского района Карачаево-Черкесской Республики. После окончания школы и Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета им. Умара Алиева работал учителем, зам. директора, директором школы. С 2009 г. работает в газете «Черкес хэку». Член Союза журналистов Российской Федерации. Заслуженный журналист Карачаево-Черкесской Республики. Соавтор и автор учебников по черкесской литературе для школ. Аспирант кафедры черкесской и абазинской филологии КЧГУ им. У. Алиева. Поэт, писатель, участник шести Сессий молодых писателей Северного Кавказа, проводимых Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ (ФСЕИП, г. Москва). Стихи печатались в журнале «Iуашхэмахуэ», газете «Черкес хэку», в журналах Чеченской Республики «Нана», «Вайнах», а так же в журналах «Дарьял» Республики Северная Осетия–Алания, «Новая литература» (Москва), на страницах Интернет-журналов. Шортлистер

Всероссийского Литературного конкурса к 125-летию Бориса Пастернака (Москва, 2015 г.). Произведения включены: в северокавказский сборник «Вкус айвы» (М., 2012), общероссийский сборник «Новые писатели России» (М., 2013), общероссийский сборник «Новые писатели России» (М., 2014).

Поздняков Михаил Павлович – см. с. 135–136.

Рыжова Татьяна Семёновна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Псковского государственного университета, почётный работник высшего профессионального образования РФ, автор научных публикаций и пособий по литературе, межкультурной коммуникации, специфике поэтического перевода. Член Союза писателей России и Международной ассоциации писателей и публицистов, лауреат международного Евразийского конкурса на лучший поэтический перевод (2009 г.). Автор сборников стихов и поэтических переводов «Душою к Пушкину причастна», «Рядом с мамой на этой земле», «Религия сердца», переводчик тестов и стихов псковских писателей и поэтов, выполненных для нескольких иллюстрированных путеводителей и псковских календарей. Награждена Почетной грамотой Управления культуры Администрации города Пскова.

Сафронова Ольга Игоревна родилась в г. Запорожье на Украине. С 2002 г. живет и работает в России, в г. Таганроге. Закончила Харьковский авиационный институт. Член Международного союза писателей и мастеров искусств (МСПМ). Стихи публиковались в газетах «Таганрогская правда», «Гомельская правда», «Кобзарь на Дону», в коллективных сборниках «Поэт года – 2011» (М., 2011), «Славянской боли кружева» (Таганрог, 2013), «Берега» (Таганрог, 2013–2014), «3 адной калыски» (Гомель, 2013) В 2013 г. в издательстве «Нюанс» г. Таганрога вышли два авторских сборника лирической поэзии: «Город без небоскребов» и «Весь год я вам дарю», в 2014 г. – авторский сборник стихов и переводов с белорусского языка «Журавлиная геометрия», в 2015 г. – сборник «Под высоким небом». Переводы автора с белорусского языка опубликованы также в коллективных сборниках «Крылья надежды» (Таганрог, 2012) и «Слово за словом» (Таганрог, 2013).

Ярошёнок Оксана Николаевна родилась в г. Молодечно. Окончила филологический факультет Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка. Работает педагогом-организатором в ГУО «Ильянская средняя школа» Вилейского района. Член СП Беларуси, член Международного Союза писателей и мастеров искусств. Автор книг переводов «Славянской боли кружева», «Стихи спускаются с небес», сборника стихов «Звычайнае шчасце».

А. П. Бесперстых

**Русская природа
в эпитетах
Игоря Григорьева**

словарь
часть 1 (А-З)

Высок. – высокое.

Кр. ф. – краткая форма.

Обл. – областное.

Обособл. – обособленная полная форма.

Окказ. – окказионализм.

Поэт. – поэтическое.

Предикат. – полная форма прилагательного в предикативной функции.

Прост. – просторечное.

Разг. – разговорное.

Редк. – редкое.

Сравн. ст. – сравнительная степень.

Устар. – устаревшее.

* – в авторском написании.

● – эпитет или литературная цитата из других редакций (вариантов).

■ – эпитет-приложение.

≈ отделяет название произведения от толкования слова (выражения).

Разрядкой выделены названия цитируемых произведений.

АВГУСТ.

■ Август-**свет**. Кладью отягчён Август-*свет*: Всё добро земли На плечах! У него приятели – Мир да Совет, У него Степенность в речах. «В августе рассвет на ногу нескор...»

Свет-август. Цвели хлебозорки, светило трудилось, И дождик в достатке кропил... И вот оно – сбылось, достигло, свершилось – *Свет*-август на ниву вступил! Стезя.

АИР.

Остропёрый (*редк.*). В затонах аир *остропёрый* И лилии горят... Мои зелёные озёра Откуда ваш наряд? Зелёные озёра.

Аир – травянистое растение с длинными мечевидными листьями, растущее в реках и прудах около берегов.

АИСТ.

Дозорный. [Во время пожара.] И вётлы, видящие сны, И черень елей заозёрных, И клювы аистов *дозорных* Кровавы были и грозны. Обитель.

АЛОСТЬ.

Разливанная (*разг.*). ● От зари такая алость, Прямо *разливанная*! Расплескалась, отозвалась Песня безобманная. «Увольненье, увольненье...»

АНЕМОН.

Бледный. Но анемон уж расцветает *бледный*... Апрель вот-вот пожалует сюда. Прольётся тёплый ливень, И последний Нечистый след он смоет навсегда. Весной.

Анемон – травянистое растение семейства лютиковых, с цветками различной окраски; ветреница, подснежник.

АПРЕЛЬ.

Глухой. – *Кр. ф. глух*. И, немо вопия, взметнул старюка клён Кривые руки к серому восходу: «Даруй, апрель, зелёную погоду!» Но *глух* апрель – Куржою убелён. В снегопад.

■ **Сердяга**-апрель. *Сердяга*-апрель распахнул тело-грейку, И солнце замедлило бег, И высь разморозила вешнюю лейку – Сминает неистовый снег. Стезя.

Б

БЕЗМОЛВИЕ.

Жуткое. [Доктор:] Темно, тихо – самый подходящий момент для налёта. <...> *Жуткое*, чёрное безмолвие. Чёрные дни.

Нагое. Где чудом вишенка цела, Где лишь безмолвие *нагое* – Не запустенье никакое. За это пахарю хвала! Обитель.

Спящее. Будоража безмолвие *спящее*, Хороводятся тетерева, – Хрипловатая, немудрящая, Да живая до слёз братва. Радость.

Чёрное. Чёрные дни.

Чуткое. Над омутом расплескалось *чуткое* безмолвие. Дома.

БЕЛИЗНА.

Немая. Никаким костром, никаким огнём Не размазывать *немой* белизны: И ночью, и днём, ни ночью, ни днём Не размыкать до самой весны. Зимнее.

Чистейшая. В тебе есть такое – Несказанное, Все-вековое, – Что, как солнце в зените весною, *Чистейшей* полно белизною, Незапятнанной чистотою, Несгибаемой прямою... Простотою и добротою, Бескрайнею широтою, Дышит верностью беспримерной, Неподкупной, безмерной. Беларусь.

БЕЛОНОЧЬ.

Соловая (*прост.*). И вот *соловой* белоночью Услышал я, узря воочью: – Краул, горим! Проснись: пожар! Обитель. ≈ *Соловый* – сонный.

БЕЛЯК.

■ **Хитрец**-беляк. Я торю, Какой умею, след: Не велик – Зато надёжен он. Не петляю, как *хитрец*-беляк, – Шаг за шагом Уминаю снег... Может, следом выйдет на большак Сбившийся с дороги человек. «Мартовским морозцем обогрет...»

Беляк – вид зайца, имеющего зимой мех белой окраски.

БЕРЕГ (берег).

Добрый. *Добрый* берег, растворяй-ка двери. Мото-

рист, побереги бензин... Как рогатые чудные звери – Над туманом маковки ольшин. У *Вороньего* камня.

Зелёный. – *Обособл.* А днём в озёрной глубине Сто солнц костры разводят: Огни на дне и на волне! И с этим светом / в сердце мне Заботы жарко входят, –Теплынь / к тревожным тростникам, К задумчивым затонам, К залубеневшим рыбам И к неприметным берегам, *Зыбучим* и зелёным. Днём и ночью.

Зыбучий (*устар.*). – *Обособл.* Там же.

Неказистый. В лунный блеск принарядился Берег *неказистый*. Мир не мешкал, Не рядился: Цвёл любовью быстрой. «Держит память...»

Неприметный. Днём и ночью.

Рябой. Сыпал эхо Берег *рябой*. Всласть поёживались кусты. Молодухи горластой гурьбой Молотили вальками холсты. Зачин.

Тёплый. Старый отче, *тёплый* берег, В пору трудную Не заждался? Не отверил Сыну блудному? У причала.

Тихий. *Тихий* брег в туманной дымке, Лежень ласковый, Распечаль, размыкай думки Складкой-сказкою. У причала.

Хмурый. *Хмурый* берег погрузился в марево. Благо-словенный чёртов путь.

Холодный. • На *холодном* чужом берегу, Далеко от родного села, Ты споткнулся на чёрном снегу, Подломился: Плохи дела. Слово об Отчизне.

Чистый. О *чистый* берег! На жёлтой глади Крапива и хмель навили плетей. О мать, – святая мука во взгляде... – Пришла проведать своих детей. Сево.

Чужой. • Слово об Отчизне.

■ **Вещун**-берег. Река, будто скатерть, к тому ж – самобранка: Гостюй у *вещун*-берегов; И солнечный блин не горяч спозаранку, И лес хлебосольный с боков. Стезя.

БЕРЁЗА (берёзка).

Белая. – *Кр. ф. бела.* Берёзы по обочинам *Белы*, И кра-жистые избы у дороги, И в пять рядов / с боков Кленят стволы, И месяц над асфальтом синерогий. Русь новая.

Босая. Можно диво у ручья Повстречать-увидеть: С голубою стрекозой Огнецветь-муравку, У берёзоньки босой Розовую славку – Невеличкую из птах На хмелинке гибкой. Девочка и утро.

Вековая. От Клина – древнего драгоценного дара природы, разросшегося на двадцать квадратных вёрст, – теперь остались рожки да ножки. Вместо *вековых* елей,

берёз и осин там расплодился серый олешиник, черёмушник, волчья ягода да непролазный подлесок. Всё перемелется.

Кроткая. • Отчизна.

Лёгкая. – Кр. ф. *легка*. В январе на озере / верный лёд, Жгучая позёмка к плёсу льнёт, Пляшут зайцы за полночь трепака, Под луной берёзонька так *легка*. Озеро.

Печальная. Оставь уснувших, вытри слёзы: Тебя простят. О них печальные берёзы Отшелестят... После боя.

Подлунная. Когда мы были очень юными, Со всем не верили тогда, Что под берёзами *подлунными* Живая / замерла вода. «Когда мы были очень юными...»

Притихшая. Склоняются буйные травы Под ласковой тягою рос. Грачей громкогорлых оравы Слетают с *притихших* берёз. «Молчит, затуманилась дрема...»

Стойкая. Тут без шапчонки, на резвом ветру Я обучался любви и добру. Тут научился у *стойких* берёз Плакать без слёз И смеяться всерьёз. Местность.

Тонюсенькая (разг.). А они [журавли] курлычут, курлычут, А им усыпление звенит в ответ, А их *тонюсенькие* берёзки кличут, И одинокая девушка долго глядит во след. Проводы.

■ **Плачница**-берёза. На поле боя.

Рыдалица-берёза. • Бери патроны. Прочь их, слёзы. Оставь. Простят. О всех *рыдалицы*-берёзы Отшелестят. Поле боя.

БЕРЕЗНИК.

■ **Млад-березник.** И *млад-березник* на буграх, И вековухи-болотины Не светлу радость – чёрен страх Сочат из сумерек и тины. Обитель.

БИРЮК.

■ **Бирюк-нелюдим.** • У печурки, бывало, сидим – Завывает ветер в трубе, Да в омшаре Бирюк-нелюдим Голосит о горькой судьбе. Берёзовый сок.

Бродяга-бирюк. Там же.

Бирюк (обл.) – волк-одиночка.

БЛАГОДАТЬ.

Прозрачно-чистая. В сиреневой, *прозрачно-чистой* благодати раннего утра по всей просторной гладкой поляне топчется, взлетает, бормочет, пляшет, буйствует чернопёрая рать. Дуплет.

Сиреневая. Там же.

БЛЕСК.

Радужный. • В мелководных заводях щучий плеск, И повсюду *радужный* пляс и блеск. На озере.

БОЛОТО (болотина).

Дорогое. В мире страдном, где столько прощаний, Нет верней и добрей обещаний: «До весны, *дорогое* болото!» Журавли поют.

Золотое. Частушки.

Ржавое. Там же.

■ **Болотеюшко**-болото. «*Болотеюшки*-болоты: Мох, трясына да троста Иным – ржавы, нам золоты: Разлюбезные места». Частушки. ≈ *Троста* (обл.) – камыш. *Иный* (обл.) – другой.

■ **Вековуха**-болотина. И млад-березник на буграх, И *вековухи*-болотины Не светлу радость – чёрен страх Сочат из сумерек и тины. Обитель.

БОР.

Беспечальный. – Кр. ф. *беспечален*. Неулыба Краснолесьич – бор И в угрюмой думе *беспечален*, Жизнью к земли-матери причален... «Звездапада Августовна – ночь...»

Былинный. Моё родимое селенье, Тебя уж нет, да всё ты есть – Волненье, тяга, повеленье, Моей души беда и честь. Вон там, за сонным косогором, Вдали от зла и суеты, Окружено *былинным* бором, Дышало ты, стояло ты – Всего житья-бытья основа. Ситовичи.

Вековой. – Обособл. Давно повален тёмный бор, Дремучий, *вековой*. Причастен к ней и мой топор, К той рубке гулевой. «От *деревенщины* моей...»

Дикий. В первый же выходной, чуть свет, отец увел меня удить форель на далёкую Толдовку – угрюмоватую каменистую ледяной воды речку в *диком* сосновом бору (тогда ещё не перевелись дикие, а точнее диковинные места на земле нашей). Всё перемелется.

Добрый. – Обособл. «От *деревенщины* моей...»

Дремучий. – Обособл. Там же.

Зорьяный (обл.). – Кр. ф. *зорян*. От ограды Пскова-града и до Снятной горы – Медовуха-ярь-прохлада: Раскудлатились боры, Не шелбхнутся, разморены, Триохватны, смольны, *зоряны*. Благословенный чёртов путь.

Косматый (разг.). – Кр. ф. *космат*. Впереди – закат, Позади – бор *космат*. Там же.

Синий. – Сравни. ст. *синей*. Увидишь: Табунится птица, Вода стеклянней – Бор *синей*... И вдруг Тревога угнездится В душе, распахнутой твоей. «Бывает так...»

Сторожкий (обл.). Но даль строга: Дозор озёр, *Сторожкий бор*, Персты мороза, Душа бескровная – берёза; И не улыба-небо / косо Вонзилось в робкий косогор. За-зимок.

Тёмный. «От деревенщины моей...»

Тихий. «Пресной стужей...»

Триохватный (редк.). Благословенный чёртов путь.

■ **Сыр-бор.** Въезжают с кряхтеньем колёса В голодное горло ворот. Девчонка, боса и льнокоса, С испугом о счастье поёт. Как спорить с лихою судьбиной: Отправился сокол в *сыр-бор*. А взгляд у неё голубиный, Что зеркала псковских озёр. В Михайловском.

БРОД.

Прозрачный. Поклон, поклон, ржаное поле, *Прозрачный брод*, косой стожок! Мне жар земли безверье сжёг – Ни зла, ни зависти, ни боли. «Поклон, поклон, ржаное поле...»

БУГОР (бугорок).

Спокойный. – *Обособл.* В ровном поле бугорок пока-тый Возвышается, *спокойный*, строгий. Утром грозовым его солдаты Набросали прямо у дороги. Павшим за Родину.

Строгий. – *Обособл.* Там же.

Чёрный. Восход, желтопёрая птица, Смеется за *чёрным* бугром... И весело вдруг загрустит, И горькое вспомнишь добром. В первую тишь.

Ясный. Прохлада и плеск, Незлобивый гром, Узорчатый лес Над *ясным* бугром. После дождя.

БУЕРАК.

Полноводный. Благословенный *чёртов* путь.

■ **Ворчун-буерак.** Обогрешее душу приволье. Полноводный ворчун-буерак... Там же.

Буерак (обл.) – овраг, промоина.

БУЙНОЦВЕТ.

Горький. Заклятье.

Нежный. Вздохи, сердца ль стук – баючит *Нежный* буйноцвет. И пока ни малой тучи В поднебесье нет. Русская земля.

БУРЯ.

Добрая. – *Кр. ф. добра.* Тихоня, зелёная буря, Ой как ты *добра* и крута: Плакучие руки лазуря, Чуть что, не придержишь кнута. «Бездонный берёзовый омут...»

Зелёная. Там же.

Крутая. Там же.

Лютая (разг.). – *Кр. ф. люта.* • Буря мчит во весь опор, *Люта!* Чернокрыла! Слово нерушимо.

Чернокрылая (редк.). – *Кр. ф. чернокрыла.* • Там же.

БЫЛКА.

Робкая. Дорогие лесные пустыни, Серой ольхи плакучий разбой. Здравствуй, *робкая* былка полыни! Мне нисколько не горько с тобой. «Дорогие лесные пустыни...»

■ **Травка-былка.** Потихоньку жив курилка, Сам себе большой, Как в разлужье *травка-былка*, Как шиповник у развилка, Только что – с душой. Канун (из поэмы «Плач по Красухе»).

Былка (обл.) – травинка.

ВАЛ.

Белогривый. – Кр. ф. *белогрив*. Ходит Ладогой вал, Крутобок, *белогрив*. Но рассвет запылал, Холки грив озабив, Обагрив чернотал – Краснокрыл, сизо-ал. Ладога.

Крутобокий (редк.). Там же.

ВАЛУН.

Большеный (прост.). *Большеный*, выщербленный непогодами валун накренился над обрывом. *Дома*.

Выщербленный непогодами. Там же.

Глухой. Так почему же холодны Края чужие? А здесь – глухие валуны И те живые. «В который раз одно и то ж...»

Живой. – *Предикат*. Там же.

Замшелый. И всё мне тут Близко до боли: Волнистый сыпучий песок, *Замшелый* валун в суходоле И тихих кле-стов голосок! Просёлок.

Лысый. По *лысым* валунам скольжу: Ни струйки – с той весны. Тревожно память ворошу: Как мало там казны. «От деревенщины моей...»

Немой. – *Обособл.* Начало Пскова (из поэмы «Зажги звезду»).

Огромный. До недавнего времени неподалёку от Ситовичей ещё лежал, да, возможно, и теперь никуда не подевался *огромный* валун с глубокой и широкой трещиной посредине. Всё перемелется.

Плоский. Я сидел на *плоском* валуне и глядел на поплавок... Там же.

Седой. • «В который раз одно и то ж...»

Сирий (устар.). – *Обособл.* Вблизи деревни, в плитах серых, Меж валунов, *немых* и *сырых*, Ключи текли целебноструйны; Их осеняли вербы стройны. Начало Пскова (из поэмы «Зажги звезду»).

Тяжкий. • Доныне германский осколок снаряда Мне спать на спине не даёт. И *тяжкий* валун / над могилою брата Сжимает дыханье моё. По душам.

■ Валун-**мерзляк**. Знойно в омутах рыбам, сухо ртам облаков, Пот струится по глыбам Валунов-*мерзляков*. Зной.

ВЕРБА.

Ломкая. Верба тонкая, верба *ломкая*, Нефорсистая и негромкая Под ненастьем дрожала-мокнула, Облетела вся, да не дрогнула. Верба.

Негромкая. Там же.

Нефорсистая (прост.). Там же.

Стройная. – Кр. ф. *стройна*. Вблизи деревни, в плитах серых, Меж валунов, *немых* и *сырых*, Ключи текли целебноструйны; Их осеняли вербы *стройны*. Начало Пскова (из поэмы «Зажги звезду»).

Тихая. Ты идёшь к реву-перекату, Принагнул, пьёшь из ладони. Как родному брату, солдату Рады *тихие* вербы в затоне! Над Ледянкой.

Тонкая. Верба.

■ **Невеста-верба.** В плат узорчатый наряжена, Ветра ждёт *невеста-верба*: Заплутался сужен-ряженный, – Замело тропинку, верно... Надежда.

ВЕРЕС.

Сладкий. • Вкусите яства моего! В нём клевер, жёлуди, ботва, Крупчатка-градец с поля-луга, Да *сладкий* верес, да лешуга, И што чудно: припёк – сам два. Вьюга.

Верес (обл.) – можжевельник.

ВЕРЕСК.

■ **Част-вереск.** Синь-зной напоён медопьяном: *Част-вереск* полгода цветёт. В июлях разливом румяным Плы-вёт по закату восход. Просёлок.

ВЕСНА.

Запоздалая. Ветер зимнего острее. Ночь студёна и пресна. И кругом лежит, пестрея, *Запоздалая* весна. На «железке».

Новая. Листва в догоранье, сентябрь на исходе – Остуда, прозрень, светлынь, – До *новой* весны усыпле-нье в природе. Душа, от забот поостынь. Стезя.

Ранняя. Прошло несколько дней, и *ранняя* весна дала дикий крен: ночью ударил крепкий мороз, а наутро все завалило снегом. Всё перемелется.

■ **Весна-красна.** В назв. стихотворения «Смешал размах весны-*красны*...».

Причудь-весна. А кругом-то – жарынь широкущая, Злат-пески – желтизна, желтизна... Радость слёзная, глупая, сущая, Запоздалая *причудь-весна*, Запалила нас жгучею жаждою И вселилась в белынь-лебедей. Промельк.

ВЕТЕР (ветр; ветерок; ветрик, обл.).

Быстрый. Поцвети ещё подольше, яблонька, И постой в туманах ты ночных... Пролетят денёчки эти, яблонька, И никто не выкукует их. А когда нагрянет *ветер* быстрый, О цветах слетевших не горюй – Вместо них зажжёт сентябрь лучистый В яблоках янтарную зарю. **П о ц в е т и.**

Волчий. Коварны, как ноябрьский лёд, Души подснежные печали, Особенно когда ночами Спать *волчий* ветер не даёт. **О б и т е л ь.**

Вольный. Окровавлена моею кровью, Ошалеv на вольном ветерке, Ты была сильна моей любовью – Как вода на взвихренной реке. «Окровавлена моею кровью...»

Горький. – *Кр. ф. горек.* Здесь воздух нахвоен и колок, А ветер и *горек*, и сед. Не диво: ведь этот просёлок Бежит, может, с тысячу лет. **П р о с ё л о к.**

Душный. Извивалась от костров Зрякова гора. Настилали дым на Псков *Душные* ветра. **К о л о к о л а.**

Жаркий. И Ванюху обдала *Жарким* ветром с подолá – Похмелю, не поскуплюсь. Обними, а то свалюсь! **Б л а г о с л о в е н н ы й ч ё р т о в п у т ь.**

Живительный. Да и я – Куда б повернул, Не приди времена другие? Но *живительный* Ветер подул – Просыхают тропки сырые. **П у т ь в в ы с ь.**

Задиристый. • В сентябре на озере жёлтый холодок, Резвый и *задиристый* красный ветерок... **Н а о з е р е.**

Зимний. На «железке».

Злой. – *Кр. ф. зол.* Ветер зол, ветер – зверь! **Б л а г о с л о в е н н ы й ч ё р т о в п у т ь.**

Знобкий (*прост.*). **О т ч и з н а.**

Зоркий. **П р о с ё л о к.**

Зычный. – *Обособл.* Здравствуй, ветер, мой друг закадычный, Я готов, не перечу тебе – Затужи, неужённый и *зычный*, И не будем дрожать о судьбе! **О ж и д а н и е с н е г а.**

Калёный. – *Обособл.* С ноября до чибисов глади стыть На ветру, *калёном* как нож. Ни позабыть, Ни разлюбить, Ни взять, ни отдать всю дрожь. **З и м н е.**

Колкий. – *Кр. ф. колок.* В неоглядных пожнях, Выступив просёлок, Забавлялся ветер, Радостен и *колок*, Задираю осоку, Целовал осины... «Дожи гала осень...»

Косой. – *Обособл.* С ветром, тёмным и *косым*, Воеет волк, безродный сын: Некого любить бродягам, – Злобятся во все басы. **В м е т е л ь н у ю н о ч ь.**

Красный. **Н а о з е р е.**

Кровью пьяный. – *Кр. ф. кровью пьян.* Чернобыль на пепелище Да густой бурьян. Оголтело ветер свищет, *Кровью* сыт и *пьян*. **К р а с у х а.**

Кровью сытый. – *Кр. ф. кровью сыт.* Там же.

Крутой. Безучастный день, небо выстыло – Отулыбилось лето быстрое. Холодеть черёд живу-сущему – Семь *крутых* ветров с цепи спущено. **В ч а с л и с т о п а д а.**

Ласковый. Осадил взмыленных. Не разнуздал коней. Ветром *ласковым* метнулся в горенку: – Счастья, Счастья, моя горлинка! – И кинулся в ноги к ней. **Б л а г о с л о в е н н ы й ч ё р т о в п у т ь.**

Ледяной. Давно ли улетали журавли С обжитых мест на край чужой земли, И – до листка – чащобы облетали, И *ледяные* ветры налетали С пустых морей в тепло густых полей. **В е с е н н е е.**

Неласковый. И зябкие чёрные ночи, И коршун клекочет, И тучи багровые вьются, И ливни лиловые льются, И воеет *неласковый* ветер, И стелется ласковый вечер... «И з п о ч к и н е в з р а ч н о й и м а л о й...»

Неужённый. – *Обособл.* **О ж и д а н и е с н е г а.**

Огненный. Загись глаголом песнопенья! Иди на огненном ветру, И жги сомненья поутру, И сам сгорай от изумленья, И заклинай: я не умру! «З а ж г и с ь г л а г о л о м п е с н о п е н ь я!..»

Острый. – *Сравн. ст. острее.* Ветер зимнего *острее*. Ночь студёна и пресна. И кругом лежит, пестрея, Запоздалая весна. **Н а «ж е л е з к е».**

Попутный. Завлекают вёрсты: Всё легко и просто; Рассвело на свете, И *попутный* ветер. «Завлекают вёрсты...» – Моли крепче Мисаила, Чтоб даровал попутный ветр. **Б л а г о с л о в е н н ы й ч ё р т о в п у т ь.**

Прахом сытый. • – *Обособл.* **К р а с у х а.**

Присмирелый. Покорные земной судьбе, Подруги – Фотя и Анюта – Не ведали цены себе. Так даль не ведает приюта. Но зазывает в свой чертог, Российской привечает лаской, Как *присмирелый* ветерок Перед крутою громотряской. **О б и т е л ь.**

Пьяный. Пятый день мокропогодит, *Пьяный* ветер колобродит; Выйдешь – оторопь берёт: Не земля – сплошная лужа, Дождь за пазухой да стужа. **Р а з в е д к а.**

Радостный. «Дожи гала осень...»

Ревучий. – *Кр. ф. ревуч.* Ни луны. Ни звезды. – Ну сорвался конь с узды! – М-да, *ревуч* ветерок: Бьёт, как тот единорог! **Б л а г о с л о в е н н ы й ч ё р т о в п у т ь.**

Резвый. Тут без шапчонки, на *резвом* ветру Я обучал-

ся любви и добру. Тут научился у стойких берёз Плакать без слёз И смеяться всерьёз. М е с т н о с т ь.

Робкий. К чему тебе из труб дымишко, Росинки всхлип, петушья весть И ветрик *робкий*, как ручьишко, Когда большущего не счесть? С в о и ш а г и.

Ручной. – *Обособл.* Проглянет небо и прольётся Пречисто на свинец речной. И ветер – не цепной – *ручной*, Листвой играючи, завьётся. «Покров гостюет в захолустье...»

Рыжий. День засмеян *рыжим* ветром, День насолнчен, Полон звонким разноцветом Неумолчным... Д е н ь.

Седой. П р о с ё л о к.

Сердитый. Кос твоих нежных Не будет *сердитый* Ветер трепать с малолетства. Мы не дадим Еглуте в обиду, Будем беречь её детство. Наша дочурка, наша Еглуте.

Скорый. – *Кр. ф. скор.* В ровной неогляди Ветер крут и *скор*: Эка, сколько за день Насугробил гор! «Знать, нельзя иначе...»

Солоноватый. Эта ошеломляющая, поистине «державная» ширь Двины, *солоноватый*, ни с какими другими ветрами несхожий беломорский ветер!.. З д р а в с т в у й, мой тёплый, светлый Север!

Студёный. • Здесь На *студёном* осеннем ветру Я обучался Любви и добру... Р о д и н а.

Сырой. – *Обособл.* Тишину и тьму на перекрестке Ветер стережёт, *сырой* и хлёсткий. «Спит земля, огромна и печальна...»

Тёмный. – *Обособл.* В метельную ночь.

Тихий. Густолистой роще в голосистом лете Ласковый и *тихий* приглянулся ветер. М а р г а р и т е.

Угрюмый. Услышишь: кроткая осина Бросает в дрожь приют рябой; Крадётся следом образина – *Угрюмый* ветер-листобой. Л и с т о б о й.

Хлёсткий. – *Обособл.* «Спит земля, огромна и печальна...»

Холодный. – *Кр. ф. холоден.* Тяжко старым, не легче молоды – Поневолюшке заскорбишь. Почему ты, ветер, *холоден*? – Ты же с тёплых морей летишь. Б е ж е н ц ы.

Цепной. – *Обособл.* «Покров гостюет в захолустье...»

Шалый (*разг.*). *Шалый* ветер позёмкой со щёк Обмётит теплынь твоих губ. Что путей, распутий, дорог Канет в невидь, как дым из труб... «П р и г л у ш ё н н ы е г о л о с а...»

■ **Балалаечник**-ветер. На прогалине у реки Пели девки по вечерам. А у них в подголосках – апрель, *Балалаечник*-ветер, ручьи. От земли растекалась прель, Щекоotalа ноздри мои. Н а ч а л о п е с н и.

Ветер-бездома. – Здравствуй, мать! Я не ветер-*бездома*: Ты сомненья во мне не имей. П е р е д м а т е р ь ю.

Ветер-ветерок. • В сентябре на озере жёлтый холодок, Резвый и задиристый ветер-*ветерок*... Д в е н а д ц а т ь к а р т и н о к.

Ветер-грустило. Над всякой живинкой Светило Являет свою правоту: Черёмухе ветер-*грустило*, Смеясь, примеряет фату. «Земля пофасонила малость...»

Ветер-кутила. • Там же.

Ветер-листобой. Крадётся сумрачной низиной Угрюмый Ветер-*листобой*. Л и с т о б о й. ≈ *Листобой* – осенний холодный ветер.

Злыдень-ветер. Пятый день мокропогодит, *Злыдень*-ветер колобродит. В р а з в е д к е.

Небуян-ветер. – Небо грозное, будь к ним поласковой! Их напасти сошли на меня! Пусть бураны исхлещут плечи мне И язык мой замрёт без слов, Дай им, небо, безмелные реченьки, А в морях – *небуян*-ветров! Б л а г о с л о в е н н ы й ч ё р т о в п у т ь.

Страж-ветер. Старинушка, тихий просёлок, Тебе ведь под тысячу лет. *Страж*-ветер твой зорек и колок, А воздух спрессован и сед. П р о с ё л о к.

ВЕТЛА.

Безутешная. И не знают Зла не знавшие берёзки, Отчего нагоркли Песни синевы. Что им знать: Они родились в сорок пятом, – Им стоять на избах, выжженных дотла, А тебе нельзя не помнить – Память рядом: Вековая *Безутешная* ветла. К р а с у х а.

Вековая. Там же.

Седая. – *Кр. ф. седа.* Вётлы онемели, До колен *седы*. Никакой капли Не взойдут следы. «Знать, нельзя иначе...»

Чуткая. Здравствуй, бережек с *чуткими* ветлами, Многогрудный пречистый исток. Остуди меня, реченька светлая, Обогрей, незабвенный песок. «З д р а в с т в у й, б е р е ж е к с ч у т к и м и в е т л а м и...»

ВЕЧЕР.

Белый. День, как счастья ожиданье, Бесконечен, Он – короче, чем свиданье В *белый* вечер. Д е н ь.

Зелёный. Ну что ж... Двадцатый ей пошёл... И мама

понимает. Сама ведь помнит хорошо *Зелёный* вечер в мае... Почему Дангуоле поздно возвраща-
ется.

Краснокрылый (редк.). • Берег неказистый.

Краснопёрый (редк.). Держит память В цепких ла-
пах, Как добычу кречет, Смол июльских грустный запах,
Краснопёрый вечер, Вскряки уток в староречье, Жалобы
куличьи, Радость-песню человечью, Ноченьки обличье...
«Держит память...»

Красный. Сине увядают травы в *красном* вечере За
селом, за домом за твоим. К чуду припадаючи, приуме-
рим речи мы, Два дыханья частых затаим. И юль.

Ласковый. И зябкие чёрные ночи, И коршун клеко-
чет, И тучи багровые вьются, И ливни лиловые льются,
И воет неласковый ветер, И стелется *ласковый* вечер...
«Из почки невзрачной и малой...»

Малиновый. *Малиновый* вечер спокойно истаял, Заря
и зарянки / уснули, Вздремнула осинок певучая стая,
Сник ветер, Спят дали-красули. Солдаты.

Малый. Большой закат на вечер *малый* Упал, горит на
берегу. И этот отзвук запоздалый На чёрно-розовом сне-
гу. «Большой закат на вечер *малый*...»

Нежданный. В назв. стихотворения «*Не ждан н ы й*
вечер».

Погожий. – Кр. ф. *погож*. Всякое будет? Ну что ж,
Встречу, коль в двери войдёт! Вечер сегодня *погож*, Тени
ведут хоровод. Песня («Ходит мороз за окном...»).

Поздний. *Поздним* вечером они были уже в лагере
Стругокрасненского межрайонного подпольного центра
Тимофея Егорова. Огненный круг.

Пригашенный. *Пригашенный* вечер спокойно истаял,
Уснули и травы, и дали, Вздремнула осинок певучая стая,
И звёзды росу раскидали. «*Пригашенный* вечер
спокойно истаял...»

Ранний. Из Плюссы мы вышли *ранним* вечером (ког-
да немцы ужинали). За ночь надо было управиться с де-
лами и вернуться домой, чтобы «комар носа не подто-
чил». Всё перемелется.

Тёмный. Наползли в Красуху гансы *Тёмным* вечером.
Двести первая верста.

Тихий. В полумраке синелапом Гаснет день у рыжих
прясел. *Тихий* вечер красным крапом Серы облака окра-
сил. Вечер.

Тревожный. Вечером *тревожным*, знобким листопа-
дом Мы, боясь безлюдья, шли с тобою рядом. Не по го да.

Угрюмый. В захваченное декабрём приречье На-
целены сугробы в три наката. Над побеждённым днём
угрюмый вечер Темнеет от восхода до заката. Неодо-
лимость.

Хороший. • Песня («Ходит мороз за окном...»).

ВИР.

Бездонный. Под тем перекатом, в серёдке излуки,
Лоснясь, как растопленный жир, Качая елины костлявые
руки, *Бездонный* ворочался вир. Стезя.

Глухой. Загороженные от зорких рыбьих глаз частым
лозняком, закрапивленные, с подведёнными, как у вол-
чат, животами, уже с полсуток сидим мы на *глухом* Мить-
кином виру и удим голавлей. Первая щук а.

Дремучий. Восходило солнце от Зряковой горы <...>
Окунуло в *дремучие* виры, Омыло в Великой [реке] пре-
красные персты. Коло ко ла.

Трёхсажённый (прост.). Поутру на яру – Разнотравье
с блёстками. В *трёхсажённом* виру Языки поплёскивают.
«Поутру на яру...»

Вир (обл.) – омут, водоворот.

ВИХОРЬ.

Грозovitый. – Кр. ф. *грозовит*. Уразумей: крута эпо-
ха, Разладишь с ней – не пощадит. Она, как вихорь *гро-
зовит*, – Чуть что, столкнёт с пути без вздоха. Она везде.
Она глядит. «За жгись глаголом песнопенья!..»

Крутой. • Я ж люблю твой холод колючий, Твои губы,
Огнём налитые, Поцелуй нестерпимо-жгучий, Вьюга рус-
ская! Вихри *крутые*! Вьюга («Я люблю Пляску буйной
метели...»).

Скорый. «Знать, нельзя иначе...»

Хлестучий (прост.). Порыв *хлестучего* вихоря...
Раки.

■ Вихорь-воевода. Спорят [листья] с вихорем-воево-
дою, Потешаются над погодой, Над холодной, непогод-
ною, – Трепаком грустя, не отходною. В час листо-
пада.

ВИШНЯ (вишенка).

Бело-белая. – Кр. ф. *бело-бела*. Маем ласковым горь-
ко обижена? Кипень-платьем не *бело-бела*? Что же ты
загорюнилась, вишенка, От подружек в сторонку ушла?
Ви ш е н к а.

Великанья (окказ.). Светом сумерки сочатся, Будто
вишня *великанья*, До земли пригнулось небо – От боль-
ших и спелых звёзд. И м е н и н ы.

Виноватая. – Кр. ф. *виновата*. Решили вишню живота! Она ни в чём не виновата, Но до судьи далековато, «Да и зачем тут красота?» Обитель.

Рясная (обл.). – Обособл. Они простились ранью росной Под вишнею, от цвета *рясной*. Начало Пскова (из поэмы «Зажги звезду»). ≈ *Рясный* – щедрый, обильный.

Старая. Гришин хутор, хутор Гришин, Обездворен, обескрышен, Слёзы льёт у *старых* вишен. Хутор.

ВЛАГА.

Сладкая. Добрый март, Наконец, приходил, Прогонял трескучий мороз. И мой батя меня уводил В белобокую рошу берёз. *Сладкой* влагой Вволю поил, Приговаривал: – Пей, сынок! Набирайся скорее сил, Из родимой земли он, Сок!.. Берёзовый сок.

ВОДА (водица).

Бегущая (прост.). Год пройдёт. И двадцать лет. Двадцать первый век грядёт, А сюда горючий след Трын-травой не зарастёт. Нет! Его не рассосёт, Не исторгнет из сердец Ни быльём, Ни лебедой, Ни *бегучею* водой – На земной груди рубец. Двести первая верста.

Вешняя (устар.). А воды *вешние* поили землю, Крутые ветры целовали в губы. Земля.

Вьедливая (разг.). – Кр. ф. *вьедлива*. И опять вода, вода, вода – *Вьедлива*, резуча и тверда... Благословенный чёртов путь.

Высокие. *Высокие* талые воды Текут, разбегаются, мчат. И холст веселуни-погоды Пестреет, как платья девчат. Распахнутость.

Грядущая (высок.). • «Ненастье обескровило зарю...»

Густая. Моя камейка – два разбитых осиновых корыта – при каждом забросе снасти жалостно кряхтела и черпала бортами *густую*, чёрную как дёготь, воду. Подделом.

Дармовая (прост.). – Да грейся ты, родный, согдится: Чаишко врачует с дорог. У нас *дармовая* водица – Погрейся, чай, крепко продрог? Не восемь полей перейти.

Живая. Взошли рядком, заметь-ка, На грядке у куста Бурак, Чеснок И редька – Два брата и сестра. Тепло и свет Светило Им слало, не скупясь, Их облако поило *Живой* водою власть. «Взошли рядком, заметь-ка...»

Заурядная. И свята *заурядная* вода: Самой небесной влагой совесть мою. Иду и всё! Не всё ль равно, куда: Вез-

де – земля и небо надо мною. «Сухое поле алчно воду пьёт...»

Зыбучая (устар.). И не распознать, где явь, где небыль: Как с далёкой далью – близость-близь, Как с водой *зыбучей* – крыша-небо, Сказка-складка с песнею слились. У Вороньего камня.

Ключевая-ключёвая. • В цитате. «Ой, да шла девица за водицей, За водицей *ключевой-ключёвой!*...» Трифон.

Красная. Бух-х! У-у-х! Тра-та-та! Плещет *красная* вода... На «железке».

Криничная (обл.). – Обособл. Только, к холоду привычная, Озимь Пуще молода. И подземная, *криничная*, С каждым днём Теплей вода. «Облетевшие березники...»

Ледяная. В первый же выходной, чуть свет, отец увел меня удить форель на далёкую Толдовку – угрюмоватую каменистую *ледяной* воды речку в диком сосновом бору (тогда ещё не перевелись дикие, а точнее диковинные места на земле нашей). Всё перемелется.

Мёртвая. – Кр. ф. *мёртва*. Мне ль не ведать, в самом деле, Мой челнок хватали мели: Ни оттуда, ни туда, *Мёртва* стылая вода, Дрёмна тусклая звезда. Рыбаки.

Мутная. Кто из любителей половить рыбу в чистой воде (а не рыбёшку – в *мутной* водице, как это принято сейчас в верхах и низах), какой из удильщиков не ждал у моря погоды, не принимал желаемое за действительное? Поделом.

Небегущая (разг.). Грудь ведь, как речка – закрайки Льдеют в воде *небегущей*. Смейся и плачь без утайки – В сердце разведруются тучи. «Глянь на меня без опаски...»

Острая. – Кр. ф. *остра*. Течёт, Клубится стужа От лунного костра, Позванивает в лужах Вода, Как нож *остра*. «Прошлась деревней хромка...»

Парная. • Солнце так наяривает целый день, Что одно спасенье – в *парной* воде! Двенадцать картинок.

Певучая. Двести первая верста.

Подземная. – Обособл. «Облетевшие березники...»

Полые. Не мешкают *полые* воды: Текут, разбегаются, мчат! И холст веселуни-погоды Пестреет, как платья девчат. «И гомон, и щебет, и вереск...»

Полынная. Хотя пьянит ревучая беда, Не меда *полынная* вода. Благословенный чёртов путь.

Прозрачная. В ручье бежала *прозрачная*, как роса, родниковая водица и водилась прекрасная форель, второе имя которой ей больше соответствовало – красуля. Позднее я вылавливал её десятками. Всё перемелется.

Прокишная. Раки.

Расчудесная (разг.) ...река наша Узой зовётся, И нет её лучше нигде. И нам, огольцам, подходяще живётся При той *расчудесной* воде. Стезя.

Резучая (разг.). Благословенный чёртов путь.

Рыжая. – Кр. ф. *рыжа*. От ветра и солнца *рыжа́*, Смелась вода Каплей любой, И, снег ноздреватый круша, Врывался в гущины Горячий прибой! Жаворонок.

Свежая. Раки.

Светлая. • Есть на Порховщине Речка Веретенька. Зяблик на лещине Там свистал и тенькал. Крохотная птишка: Пёрышки да кости, Алая рубашка, С прозеленью хвостик. Так и Веретенька, *Светлая* водица: Узка, коротенька, А не надивиться. Веретенька. – **Светлые.** Как там ни морозили Стужи *светлых* вод – Сгинул в вешнем озере Тёмный лежень – лёд. «Как там ни морозили...»

Святая. Не кто-нибудь другой, а ты меня В разгаре августа, в начале дня, Обмыла, окрестив *святой* водой. Великая.

Седая. – Кр. ф. *седа*. Под уклон журчит Не вода *седа*, – Кровь горячая, рудым-руда. В колокола.

Сгущённая. В заводи, чёрной как деготь, Грузно полощется сом. Воду *сгущённую* трогать Боязно мальцу веслом. Омуты.

Смолянистая. Был полдень, наверно, а может – и позже. Палили быльё за рекой. В воде *смолянистой* ни бега, ни дрожи, Ни плеска, ни всплеска – покой. Стезя.

Солёная. Мне [фашисты] волю сулили, мне хлеб обещали, Поили *солёной* водой, И клясться велели, и Богом стращали... С тех пор я, как вьюга, седой. Там же.

Стеклянная. – Сравни. ст. *стеклянной*. Увидишь: табунятся птицы, Вода *стеклянной* – глубь видна. И сожаленье угнездится В душе, распаханной до дна. Листобой.

Студёная. – Кр. ф. *студёна*. Под уклон журчит не *студёна* вода – Жаркая кровушка, густа, руда. Колокола.

Стылая (разг.). Мне никогда, мне никогда В час непогожий Не станет *стылая* вода Змеиной кожей. «Мне бедный лог, осенний лог...»

Талые. Распахнутость.

Твёрдая (разг.). Благословенный чёртов путь.

Тёмная. До чего же *тёмная* вода: Как тут глубоко в гнезде обрыва!.. У Сороти. **Тёмные.** – Кр. ф. *тёмны*. Гусачка, Гусачка, Отрада-болячка На лоне природы; Строги твои дебри, Дики твои вепри, Тёмны твои воды. Гусачка.

Тёплая. – Сравни. ст. *теплей*. Только, к холоду привычная, Осимь пуще молода. И подземная, криничная, С каждым днём *Теплей* вода. «Облетевшие бережки...»

Хладная (устар.). И в реке Пскове водица Плещет *хладная*. Благословенный чёртов путь.

Холодная. [Гурий:] Одевай, одевай шубку, да воды поменьше *холодной* пей. Чёрные дни.

Чёрная. Поделом.

Чистая. Помолчите / у *чистой* певучей воды... Двести первая верста. Зазимок.

Широкая. – Кр. ф. *широка*. А пока забавляйся, Купайся – вода *широка*, В песке ерепенься, в отаве валяйся, – День добрый! Валяй дурака! Стезя.

Щедрые. [Севичи] любили свою скупую землю и свои *щедрые* воды. Тётя Душа.

■ **Водушка**-вода. Будь хоть что, не будет хуже: Посох в руки – и айда! В колеях мутнеют лужи: Здравствуй, *водушка*-вода! С посохом.

Ластынька-водица. ...Веретенька, *Ластынька*-водица: Узка, коротенька, А не надивиться. Веретенька.

Слёзы-вода. Рыжка-стежинка в гору течёт. Речка вздыхает. Вброд переход. Тронешь – из ледника *слёзы*-вода. Над головою – жгуты-провода. Местность.

ВОЗДУХ.

Бодрящий. В колхозных лугах.

Влажный. В этот день, прозрачный и лучистый, Мы проговорили с ним до полдня, Так что чайник трижды выкипал... И над нами *влажный* и смолистый, Хмельною медынью переполнен, Необъятный воздух бушевал! В воскресенье.

Горький. • Просёлок.

Живительный. Я *живительный* воздух Вдыхал Грудью жадною и молодою. Путь ввысь.

Звонкий. – Кр. ф. *звонок*. Ближе дали, гуще ночи, Хрусткий иней вдоль обочин, Воздух *звонок* и упруг. На току.

Колкий. – Кр. ф. *колок*. Здесь воздух нахвоен и *колок*,

А ветер и горек, и сед. Не диво: ведь этот просёлок Бежит, может, с тысячу лет. Просёлок.

Медвяный. Лужки-луга, любимый край, Медвяный и бодрящий воздух! В колхозных лугах.

Нахвоенный. Здесь люди Щедры, как солнце, Добры, Как нахвоенный воздух, Не бросят страннику: Поздно! Когда они постучатся – Накормят и обогреют. В родном краю. – Кр. ф. *нахвоен.* Просёлок.

Необъятный. В воскресенье.

Переполненный хмельною медыню. Там же.

Раскалённый. А сейчас – тишь, запустение, настороженность и какая-то опасность, повисшая в раскалённом воздухе. Огненный круг.

Резкий. – Кр. ф. *резок.* • Воздух резок и упруг. О с е н н е е.

Свежий. В перерыве актёры вышли на улицу подышать свежим воздухом. Огненный круг.

Седой. – Кр. ф. *сед.* Старинушка, тихий просёлок, Тебе ведь под тысячу лет. Страж-ветер твой зорек и колок, А воздух спрессован и сед. Просёлок.

Сияющий. Метель наметелила тёплую вьюгу, А понижу вьюги – трава. А поверху вьюги – сияющий воздух: Дыши, гореванья не знай. Перед июнем.

Смолистый. В воскресенье.

Спрессованный. Просёлок.

Сухой. – Кр. ф. *сух.* Снизу – льны заневестились жарко, Сверху – воздух до одури сух... Благословенный чёртов путь.

Упругий. На току.

Хмельной. – Сравни. ст. *хмельней* (браги). Вот бы домой, в Красуху, махнуть: Время-то – самый покос. Взять бы косилку да пару коней, Гнать бы за рядом ряд. Воздух над пожней – / браги хмельней, Травы – / вспугни – Вспарят. Двести первая верста.

Чадный. На последнем своём берегу, Далеко от родного села, Ты споткнулся на чёрном снегу – Завершаешь земные дела. Чадный воздух со всхлипом глотнул – «Тигр» дымит, будто чёртов ушат. «На последнем своём берегу...»

ВОЛК.

Матёрый. И он [комбриг], как русский волк *матёрый*, На лёжку прусских кабанов Метнулся, яростный и скорый! Контратака.

Молодой. Во тьме подругу звал русак Да молодые волки выли... Обитель.

Незлючий (прост.). – Кр. ф. *незлюч.* В твоих водах всяк ёрш – добряк, В лесах – незлучи волк и мошка. Там же.

Русский. Контратака.

Серый. – Мне дорогой не видеть долго: Далёкий путь меня позвал... – На грудь – разлука *серым* волком. И слёзынька – на бархат ал. Благословенный чёртов путь.

Сизый. Плотный сумрак наплывает тихомолком, По окружью рыщет ветер *сизым* волком. «До чего же невесёлая картина...»

■ Волк-нелюдим. У чугунки, бывало, сидим – Разоряется ветер в трубе, Да за хутором волк-нелюдим Забавляется – жутко себе! Берёзовый сок.

ВОЛНА.

Бархатная. [Николай:] Волга широкая! Простор, раздолье! Плещут и шепчут *бархатные* волны... Чёрные дни.

Бессонная. Потом, когда пришел покой земной, Тобой заполонённый и луной, Ты, моя доля, гулька, звеня, Баюкала бессонною волной, Запела песню дедов надо мной. Великая.

Бурая. – Кр. ф. *буря.* Волны *буры*, бурны – Во все стороны. Благословенный чёртов путь.

Бурная. Там же.

Вечерняя. У Вороньего камня.

Вольным-вольна. Больше не взлетишь и не помаешь, Берег не зальёшь, *вольным-вольна*, – Вихорь стих. Ты тоже замираешь, По теченью катишься, волна. «Окровенена моею кровью...»

Звончатая (поэт.). Я всё куда-то зыбко плыл По *звончатым* волнам и травам. Обитель.

Зелёная. А может, потому *зелёную* Вздыхаете волну, Что здесь батрачки изнурённые Бросались в глубину И молодую жизнь топили, Что опозорил пан? Зелёные озёра.

Зыбкая. Когда же солнышко сверкает В глуби своим лучом, Легенды все я забываю, Влюблённый горячо В озёра те зелёные, В тех лилий белизну, И в лодочки смолёные, И в зыбкую волну. Там же.

Искристая. • Великая.

Нежная. И хочется мне *нежною* Волной зелёной стать, Чтоб целый день с прибрежною Песчинкою шептать. Зелёные озёра.

Пёстрая. Сегодня, на середине когда-то пятисажен-ного Митькина вира, мои внучата, не замочив штанишек, раков ловят, а там, где в бытность мою отроческую резвый ветер гонял *пёстрые* волны в могучем разнотравье, теперь калёной сталью проблескивает омутина, логво водяных тигриц – шук. Д о м а.

Рассолнченная (обл.). ...когда потёк медовый зной, Густой, тягучий, влажный, луговой, Ты, колыхаясь, гулька, звеня, Баюкая *рассолнченной* волной, Запела песню дедов надо мной. В е л и к а я.

Смирная. Хлюпает с грустинкой задушевной *Смирная* вечерняя волна. По лугу русалочьей царевной Косыньки рассыпала луна. У Вороньего камня.

Солёная. Кровь – не в печурке ручные огни: Волны *солёные*, морю сродни. К р о в ь (из неопубликованного).

Холодная. – Обособл. Щепки о тебя бока полощут, Тина вьёт свою пустую нить. Для тебя, *холодной* [волны], это проще – Замутнев, скользить, скользить, скользить... «Окровавлена моею кровью...»

ВОРОБЕЙ.

■ **Никудышник-воробей.** Ни шпор на лапках, ни кривого когтя, Склевать какую живность – ни-ни-ни. Всё мёд и миро, без дегтинки дёгтя; Погуркивают смирененько в тени. Степенны, мягкоклювы, нежнопёры, Розовооки – душки, ей-же-ей. Зря не затеют греховодной ссоры, Не то что *никудышник-воробей*. Г о л у б к и (из неопубликованного).

ВОРОН.

Алчный (устар.). • В колокола.

Жадный. • Там же.

Мокрый. Выбоины. Безлюдье. Воронов *мокрых* орава. Зябкий туман распутия. Дума: налево ль? вправо? «З о р и да в ё р с т ы...»

Холодный. Вьюговеи, *холодные* вóроны, Не сожгли онемелых трав. Тучи снежные в зимние стороны Утекли, клоки растеряв. Р а д о с т ь.

Хриплый. Крючья, конники, кистени, топоры – *Хриплым* вóронам без поры пиры. К о л о к о л а.

Чёрный. • Латы, всадники, Топоры, топоры!.. Чёрным вóронам Пирь, пирь... П е с н я о к о л о к о л е.

ВОРОНА.

Мокрая. Выбоины. Безлюдье. *Мокрых* ворон орава. Зябкий туман распутия. Дума: налево ль? вправо? «З о р и да в ё р с т ы...»

Оголтелая. • Здесь вороны *оголтелые* кричат, Кружат коршуны, бросая в сердце дрожь. Б у р я.

ВОСХОД.

Серый. И, немо вопия, взметнул старюка клён Кривые руки к серому восходу: «Даруй, апрель, зелёную погоду!» Но глух апрель – куржою убелён. В с н е г о п а д.

ВЫСЬ (вышина).

Беззвёздная. – Кр. ф. *беззвёздна*. Рано, нет ли – печалиться поздно: Ни гордыни в душе, ни корысти. И за тучами – высь не *беззвёздна*, И молитва – в разбойничьем свисте. В ь ю г а («Разойдётся – прикончить могла бы...»).

Бескровная. – Сравн. ст. *бескровней*. Над бурым пожарищем Льётся закат, Сочится, Каплет в лог. И с каждой каплей, / оброненной вниз, Плотней, Клыкастей леса карниз, *Бескровней* высь, Холоднее жизнь. Д в е с т и первая верста.

Блёклая. И глухо улегся [колокол], с землёй обнявшись, Уснул неусыпный басила. И кланялась воину *блёклая* высь. И туча кому-то грозила. К о л о к о л а.

Густая. – Кр. ф. *густа*. • Тихи поляны оробелые: Не шумнет птаха в ивняке. Берёзам снятся Ночи белые Да пенье вёсел на реке... А высь по-летнему *густа*. И веришь: В этой щедрой россыпи Зажжётся и твоя звезда! «В селе петушья куролесица...»

Замершая. – Никита! – беспокоит тугую *замершую* высь настойчивый зов. Д о м а.

Заоблачная. Несясь в *заоблачную* высь (Куды деваться – век таковский), Хоть с кем грехи, хоть как зовись, Лишь не останься «правдой псковской». Д в а д ц а т и - т ы с я ч н и ц е «Псковской правде».

Красная. Брызжет *красная* высь На пески рассыпчатые. «Поутру на яру...»

Крутая. – Кр. ф. *крута*. Над ними высь, *крута* и холодна, Под ними – снег, за ними – снег, пред ними... Да, родина у всех, у всех – одна. И птицы уповают в отчет дыме. Г р а ч и.

Лиловая. *Лиловые* выси, пшеничные лица – Ни туч, ни скорбей, ни забот. Как водится, каждый слегка петушится, Форсит и маленечко врёт. С т е з я.

Плотная. – Сравн. ст. *плотнее*. И с каждой искрой, Оброненной вниз, бескровней, Синее, *Плотнее* / высь. П а р т и з а н с к а я б ы л ь.

Поднебесная. Чем, берёзки, вы лето обидели? Перемены в беспечном лесу! Стало вкрадчиво в буйной оби-

тели, *Поднебесные* выси – внизу. «Чем, берёзки, в лето обидели?..»

Синяя. Партизанская бэль.

Соколинья*. – *Предикат.* Тут действуй, не лови ворон! – За плугом шествует Фотинья, И Анна рядышком в наклон, И высь над нами *соколинья**. Обитель.

Солнце звёздная (*редк.*). Деревя не сдались – И листы дождались. Дотерпи. Помолися В *солнце звёздную* высь. С донесеньем.

Спокойная. Я открываю глаза, Вижу *спокойные* выси, Встаю с колен, Корю себя: «Разум – вспять? Адская небыль, Сгинь, не сгинь ты!..» Но надо мной, над землёй, над небом Неотвратно нависли – 85! 85! 85! Заключенье.

Тугая. Возник зазывный голосок, Запевку бросил в тишину, За ним другой – крылат, высок, Взлетел в тугую вышину. Ещё, ещё, то здесь, то там, – То смел, то робок, то форсист. Белоночье.

Туманная. Погляди в небеси, В высь *туманную*: Льёт Медведица синь Разливанную. Веселины.

Холодная. Грачи.

Чёрная. Невидимые в плотной *чёрной* вышине затрубили лебеди-кликуны. Дуплет.

Чистая. – *Кр. ф. чиста.* Вось *чиста* и ясна, День огромен: Весна! На Ладого.

Чужая. Иная жизнь, *чужая* высь Зажглась в моей тени. Дружище-гром, остановись, Замри, повремени; Не заливай крутым дождём Сухие головни: Пусть на пожарище моём Взойдут благие дни! «Звезду обманчивую стёр...»

Ясная. – *Кр. ф. ясна.* На Ладого.

ВЬЮГА.

Белоногая (*редк.*). – *Кр. ф. белонога.* Белонога, в поджилках не слаба, С нею снега послушны и чутки, – Своенравная славная баба, Веселунья, с которой – не шутки. Вьюга («Белонога, в поджилках не слаба...»).

Зелёная. Май, деловитый, Домовитый, Зелёной вьюгою завитый, Пришёл неслышно за апрелем. Май.

Злая. Но за краски юга, За тепло и свет Нашу злую вьюгу Не отдам я! / Нет! «Зарумянил щеки...»

Милая. Снеги.

Молодая. ● – *Обособл.* Я люблю пляску буйной метели Под разгон трубача-урагана! Под свирепые руки взлетели, Заметался подол сарафана! Молодая, седая, хмельная – Завивает, хохочет, бедует; Рада вольница: Всех

обнимая, Озорными губами целует. Вьюга («Я люблю Пляску буйной метели...»).

Нежная. – *Сравн. ст. нежней.* Разойдётся – прикончить могла бы, А уймется – нежней незабудки, Своенравная русская баба, Веселунья, с которой – не шутки. Вьюга («Разойдётся – прикончить могла бы...»).

Прямая. ● Вьюга («Я люблю Пляску буйной метели...»).

Русская. Я ж люблю твой холод колючий, Твои губы, Огнём налитые, Поцелуй нестерпимо-жгучий, Вьюга русская! Вихри крутые! Там же.

Седая. – *Обособл.* Там же.

Слабая. Вьюга («Белонога, в поджилках не слаба...»).

Строгая. Снеги.

Тёмная. Не насовсем заметелила Тёмная вьюга пути. У соловьиного терема Светлому лету цвести. «В солнышке нам не отказано...»

Тёплая. Зажгли в беложар, осветили округу Черёмух белын-острова. Весна наметелила *тёплую* вьюгу, А понизу вьюги – трава. Перед июнем.

Хлёсткая. За околицей Хлёсткая вьюга, Чуть за полдень – А в небе Закат. Только мне ты, Немая округа, Откровенней чужбины стократ. «Как понять...»

Хмельная. ● Вьюга (поэма).

Цветочная. О, как нас кружила *цветочная* вьюга, Как маяла жаром весна! Любови Смуровой.

■ **Белянка-вьюга.** ● Что ж ты, роща, ропщешь В зябкую округу? Сватается ветер за белянку-вьюгу. Ветер.

Диво-вьюга. Только мне не к югу: За тепло и свет Нашу *диво-вьюгу* Не сменяю, нет. И строга, да милая, Злюка, да своя, Стынь, да не постылая, – Словом, ты да я. Снеги.

ВЬЮНОК.

Беловьюжный (*редк.*). ● Вьюнков *беловьюжных* бессонница – Всё вьются, давно-предавно; И в сенцах – кислинка, как помнится, И с той же подковой бревно. «Сарайчик неструганый: станция...»

Белоснежный. Там же.

■ **Вьюнок-старожил.** ● Вьюнков-старожил бессонница, – Всё вьются, как вились давно. Домой.

ВЯЗ.

■ **Деды-вязы.** У дороги – *деды-вязы*, Вьюнда хмель, В Красну б Книгу – долговязый Журавель – Врачеватель, богомолец, Ключ невест; На полста немых околиц – Словно перст. «Под зарёй, росой белёсой...»

ВЯХИРЬ.

■ Вяхирь-воркунец. Роблив, что вяхирь-воркунец,
Гром бормотал в колке еловом, Как я: как лез в карман за
словом. И снарядился наконец. О б и т е л ь.

Вяхирь – дикий голубь.

Г

ГАМ.

Гулкий. • В октябре на озере княжит синева, В синеве синеющие тают острова. Гоголей горластых *гулкий* гам
И кусты сквозные по берегам. Н а о з е р е.

Искристый. Ветром выглаженный камень Греет лысину на солнце, Мчит река в *искристом* гаме, Дню погожему смеётся. В т а й г е.

ГАРЬ.

Опаловая. Перелески, стога да пажити, Гарь *опаловая*
да шлях, И неведомо: явь ли, кажется ль. Ели шепчутся,
звон в ушах. П е р в а я в с т р е ч а (из неопубликованного).

ГАТЬ.

Заиленная. Вымерить гати *заиленные* И холмы крутосклонные, Выходить стёжки с развилками да извилинами, Вышагать трассы бетонные! Д и в о.

Пропащая. К тебе [трясина] и глухарь отошальный
По клюкву не смеет летать; Кабан – вездеход одичалый –
Обходит *пропащую* гать. П е р е х о д.

ГЛАДЬ.

Безмолвная. Тычет в глаза *безмолвная* гладь: Гори, пока не угас! Ни обогнуть, ни обогнать, Никуда не за-
прятать глаз. Нага, холодна, как вир без дна, С канюком
седым на кресте. З и м н е е.

Вольная. Именинник-плёс в наряде, И круги на *вольной* глади: Забавляется форель! И вселяет лад в свирель
Достославный менестрель! Р ы б а к и.

Вспугнутая. Дано сегодня солнцу полахать, Сугробам пламенеть, синице петь, Грудь весну вдыхать, Пьянеть, уметь и сметь! Окидывая *вспугнутую* гладь, Глаз
искать желанные приметы, И в почках промороженных на вкус
Определять, какое будет лето. В е с е н н е е.

Жёлтая. О чистый берег! На *жёлтой* глади Крапива и
хмель навили плетей. С е в о.

Искристая. • Весеннее.

Нагая. З и м н е е.

Немая. Таковую ночку проморгать – Сплошное разорение; *Немая* гладь – Как благодать, Заря – что озарение. Ночка.

Неровная. Тихая родина.

Пенистая. А в апреле озера / не узнать: Дышит и вздымается *пенистая* гладь. Озеро.

Пологая. • Зимнее.

Проклятая. • Переход.

Пропавшая. К тебе [трясина] и глухарь отошальный По клюкву не смеет летать; Кабан – вездеход одичалый – Обходит *пропавшую* гладь. Там же.

Семиверстовая (редк.). • Под звёздами.

Семиветровая (редк.). • Там же.

Семиметровая (редк.). Вот замелькала вдруг сверхновая [звезда], Вот вещая оборвалась... Притихла гладь *семиметровая*, Дивясь на инееву вязь. Там же.

Стекланная. Потёмки покой и прохладу свершили И сникли – с огнём не сыскать. И бьют на осколки, как плахи большие, Щучищи *Стекланную* гладь. Стезя.

Холодная. Зимнее.

■ Гладь-неоглядь. Ни злом, ни добром не обойдена, Привыкшая смирно стоять, Моя неречистая родина, Неровная гладь-неоглядь. Тихая родина.

ГЛИНА.

Зачерствелая. Жахали гранаты, дым кипел клубами, Голосил свинец в деревне ошалелой. Ты лежал ничком, припав к земле губами, Насовсем доверяясь глине *зачерствелой*. 26 сентября 1943 года.

Нагая. – Обособл. За тебя, дорогую [землю], За глину, скупую, нагую, От велика до мала Рать твоих землепашцев стеною вставала. Витебско-Невельская возвышенность.

Раскашенная. До чего же невесёлая картина: Тошно чавкает *раскашенная* глина, Кажет рёбра отошалае ракита, И не небо – а всего большое сито. «До чего же невесёлая картина...»

Родимая. Сутулит надёжную спину – Испытано в жизни всего... Но врос он в *родимую* глину, И время жалеет его. Просёлок.

Рыжая. Ах как мы отвыкли от вёсен! Ах как мы без них не могли!.. Копейки сиреневых блёсен На *рыжую* глину легли. В первую тишь.

Скупая. Витебско-Невельская возвышенность.

Хлебосольная (редк.). Из почки невзрачной и ма-

лой Росток пробивается алый. За ним – / добрый старый дед-яшень; Пред ним – / луг, раздолен и ясен, Под ним – / *хлебосольная* глина И камень, холодный, как льдина. «Из почки невзрачной и малой...»

ГЛУБИНА (глубь; глыбь, прот.).

Бурая. Утекают звонко В *бурые* глубины Сизая со-сёнка, Две рудых рябины, Сиротливый кустик С юркою синицей... Сколько ласки-грусти На сердце гнездится! «Утекают звонко...»

Добрая-предобрая. Дольный мир: потёмки пенятся сугробами, *Добрая-предобрая* ворочается глыбь. Да, прощаясь с дрёмными травными чащобами, Гукает и всхлипывает выпь. Есть о чём печалиться серой полунощнице: Обступают, полонят стога. Июль.

Зелёная. Ещё несколько вёсен, и он [валун] оползёт в Узу и скроется в *зелёной* глыби. Дёма.

Невиданная. Лежат застывшие люди, Друзья и враги – в обнимку. Осатанев от жути, Взимает смерть недоимку; Ошарашена страшной мздой, *Невиданной* глубиью мщенья!.. Над танковой бороздой Мёртвые тлеют коренья. Один.

Неоглядная. Диво.

Непроглядная. В глубях *непроглядных*, В зеленях отрадных, В хороводе ветел Забавлялся ветер. «Завлекают вёрсты...»

Обнажённая. Словно глубь Руси *обнажённая*, Неоглядная, Непроглядная! Как любовь моя несожжённая, Неусыпная радость безотрадная [Родина]. Диво.

Сизая-пресизая (редк.). • Июль.

Холодная. Ой, змея-тоска Подколотная: Ни леска, ни листка – Глубь *холодная*. Благословенный чёртов путь.

Чёрная. Всё та же высь над головой, И в *чёрной* глуби те же звёзды. Перемены.

ГЛУХАРЬ.

Отошальный (разг.). К тебе [трясина] и глухарь *отошальный* По клюкву не смеет летать; Кабан – вездеход одичалый – Обходит *пропавшую* гладь. Переход.

ГЛУХОМАНЬ.

Лесная. Вынянченный зыбучими топями и певучими *лесными* глухоманьями, взращённый среди скупых и не всегда ласковых полей, поэт с детства впитал в себя любовь к земле, научился понимать её суровую молчали-

вость, поверил в необходимость служить ей не за страх, а за совесть. Слово о друге.

Певучая. Там же.

Понурая. Кругом, куда доставал глаз, была только серо-зелёная понурая глухомань, над которой нависла плотная белёсая мгла. Раки.

Серо-зелёная. Там же.

ГЛУШЬ.

Добрая. И глядят тебе в душу Глаза Этой доброй и ясной глуши!.. «Обоймёт, как зазноба...»

Не заглохшая для счастья. • Ни полчуда, Да всё чудеса: В каждом листике – Трепет души! И глядят тебе в душу Глаза Не заглохшей для счастья глуши!.. Глушь.

Ясная. «Обоймёт, как зазноба...»

ГОГОЛЬ.

Горластый. • В октябре на озере княжит синева, В синеве синеющие тают острова. Гоголей горластых гулкий гам И кусты сквозные по берегам. На озере.

Гоголь – небольшая дикая утка.

ГОЛАВЛЬ.

Гордый. Тщеславная прихоть сломить гордых головлей тихо испарилась и улетучилась. Раки.

Краснопёрый. – Кр. ф. **краснопёр.** Сладко спят в палатках сапёры, А под свежим мостом – веселье: Лобачи-голавли краснопёры Справляют у свай новоселье. Над Ледянкой.

Семифунтовый. Обмакнуло [солнце] в Зрачку-реку красный ус И давай студёнушку миловать! А потом / настроило злат-струну, Накидало мошкеры в быструю, Покликало семифунтовых головлей: «Гуляй – не жалей!» В колокола. ≈ Фунт – старая русская мера веса, равная 409,5 г.

■ Лобачи-голавли. Над Ледянкой.

ГОЛУБЕНЬ (поэт.).

Дымчатая. Привет вам, грозовые тучи И дымчатая голубень! Спасибо, беспечальный день, За всё, что завтра неминуче. «Поклон, поклон, ржаное поле...»

ГОЛУБИЗНА.

Незамутнённая. Над головой плавится сияющий диск, бегут легчайшие белоснежные облачка, и умиротворяет сердце незамутнённой голубизной бездна. Земля и вода.

Нежнейшая. • Июль.

ГОРА.

Высокая. На пологом каменистом берегу чистого, как материнская слеза, и ласкового будто улыбка ребёнка, Севского озера, у высокой горы Небо, с незапамятных времён жило неприметное псковское село Сево. Тётя Душа.

ГРОЗА.

Гулкая. – Кр. ф. **гулка.** Ещё в городском переулке Блаженствует сытая сонь И грозы, тревожны и гулки, Не взвихрили ярый огонь. Тёзки.

Немая. Ни чудинки – одни чудеса, В каждом листике – трепет глуши. И глядят тебе в душу глаза Не заглохшей для счастья души. Ах, как ждут они: ясностью жгут. В них не тишь, а немая гроза. Ты взглядишь, ты не пасынок тут: Ах, как ждут они, эти глаза! Глушь.

Праздная. – Кр. ф. **праздна.** Вволю иволгиных свистов, Вечера – туман парной, Рань медвяна, зной неистов, Грозы праздны – стороной. «В жар-июль, в разгар покоса...»

Сильная. Гуманность.

Тревожная. – Кр. ф. **тревожна.** Тёзки.

Ярая (разг.). Из плена спасённые добрым народом, Обласканы ярой грозой, Поля откликались неистовым восходом, Смеялись пречистой росой. Стеза.

ГРОМ.

Громкий. • В мае стонут селезни в берегах, Ходят громы громкие в облаках... Двенадцать картинок.

Гулкий. Над деревней – горькой сиротой – Новый день, стожданный и крутой! Оправдайся, добрая примета, Растревожь нас: – Лето, лето, лето, <...> И не только с гулками громами, – Чтобы не с пустыми закромами. Ясная погода.

Дальний. Звезду обманчивую стёр Уже не дальний / гром. На огнище моём.

Звонкий. • В тайге.

Молодой. Озеро.

Незлобивый. Прохлада и плеск, Незлобивый гром, Узорчатый лес Над ясным бугром. После дождя.

Робливый (обл.). – Кр. ф. **роблив.** Роблив, что вяхирь-воркунец, Гром бормотал в колке еловом, Как я: как лез в карман за словом. И снарядился наконец. Обитель.

Тихий. – Сравн. ст. **тише.** Но когда гроза взывает На закате – На ступенях зарыдает Память-матерь. Зарыдает, зарыдает – Слёзней, выше. А закат горит, сгорает, Гром всё тише. На пепелище.

■ **Дружище-гром.** *Дружище-гром, остановись, Замри, повремени; Не заливай крутым дождём Сухие головни: Пусть на пожарище моём Взойдут благие дни! «Звезду обманчивую стёр...»*

Д

ДАЛЬ.

Бедная. Ни вешки нигде, ни приметы. Замшелая *бедная* даль, Ты под ноги мне первоцветы Кидаешь! Неужто не жаль? «Бездонный берёзовый омут...»

Бескрайняя. А в окна ломился плакун-февраль, Сжигал, лиходеи, надежд мосты. И вся наша даль, *Бескрайняя* даль, Кончалась У самой первой версты... С и н и ц а. **Бескрайняя.** • За проходной.

Блескучая (обл.). – Кр. ф. *блескуча*. Перед грудью – даль, *Блескуча*, звеняща, – Чем не медаль? П р и с к а з к а.

Близкая. – Сравни. ст. *ближе*. Ближе дали, гуще ночи, Колкий иней вдоль обочин, Воздух резок и упруг. Огнецветь – сгорают рощи. Всё вокруг милей и проще: Осень, друг. О с е н н е е.

Возлюбленная. Я чегой-то сник в печали, Призавянул, приугас, На *возлюбленные* дали Сколько дней не пялю глаз. С п о с о х о м.

Далёкая. И не распознать, где явь, где небыль: Как с *далёкой* далью – близость-близь, Как с водой зыбучей – крыша-небо, Сказка-складка с песнею слились. У В о р о н ь е г о к а м н я.

Дальняя. Раскалённой сталью Брызжет каждый омут. И за *дальней* далью Внятен лета гомон. А п р е л ь.

Заморская. Горю я в кострище тревоги, В Руси и в *заморской* дали, Горюя, что люди не боги, Всего только чада Земли. Р у с с к и й у р о к.

Замшелая (разг.). «Бездонный берёзовый омут...»

Звенящая. Перед грудью – даль, Ясная, *звенящая*, – Чем не медаль? В и с т о к е д а л и.

Зоркая. – Кр. ф. *зорка*. Все заулки и задворки – Лилевень-садок. Дали явственны и *зорки*: Все ложбины и пригорки – Вёрст за пять – у ног. К а н у н (из поэмы «Плач по Красухе»).

Милая. Колокола.

Неизвестная. Мысли новые И друзья Меня ждали В дали *неизвестной*. И казалось, Что до сих пор я Серо жил И неинтересно. П у т ь в в ы с ь.

Очарованная. И жажда чуда не причуда, Но очарованная даль. А в той дали не вьюги – лёта, Любовь до гробовой доски. Колокола.

Пёстрая. • Промельк.

Предснежная (*редк.*). На четыре стороны – *предснежные* дали... Благословенный чёртов путь.

Прозрачная. Где-то у самых белёсых косогоров погромыхивало, и в *прозрачной* стеклянной дали играли грозовые всполохи. Первая щука.

Пустая. – *Обособл.* Какою неизбывной верой Заогневет вдруг душа, Когда в дали, *пустой* и серой, Всплеснется трепет камыша. «Покров гостюет в захолустье...»

Расплывчивая (*прост.*). – *Кр. ф. расплывчива.* Ропщут беженцы глухо, сбивчиво, И молясь, и слёзно скорбя: Отчего ты, даль, *расплывчива*? – Нет ни облачка у тебя. Беженцы.

Родимая. • Без *родимой* дали Неужель не продрог? В истоке дали.

Русская. Решись: распутье – не распятие И не проклятье. Душе захмаренной – раздолье В широкополье. Даль *русская* не наваждение – Освобождение. В н у к у.

Светлая. Он так и умер С весёлым ртом, С красной слезинкой в пушке усов; Так просто, так ясно, не падая ниц, Не выпустив боли в *светлую* даль, Даровав нам милость – Слушать синиц, Любить, Горевать, Поминать февраль. С и н и ц а.

Светлым-светла. И след звезды, Сгорающей дотла, И след звезды, Зажжённой человеком, И нашей жизни даль; *Светлым-светла*, В которой ждёт нас Встреча с новым веком! Н о в ь.

Серая. «Покров гостюет в захолустье...»

Сизая. И жизнь, как река, течёт в *сизую* даль, навстречу заре (дай Бог, не последней!), решительно и бесповоротно выпрямляет пути свои, оставляет прежнее извилистое русло старицами зарастать и заболачиваться. Д о м а.

Стеклянная. Осень стёжки перепутала, Раскидала жар студёный, Даль *стеклянную* окутала: Что же будет с молодой? «Осень стёжки перепутала...»

Строгая. – *Кр. ф. строга.* Но даль *строга*: Дозор озёр, Сторожий бор, Персты мороза, Душа бескровная – берёза; И неулыба-небо / косо Вонзилось в робкий косогор. З а з и м о к.

Явственная. К а н у н (из поэмы «Плач по Красухе»).

Ясная. – *Кр. ф. ясна.* Даль *ясна*. В её разливе синем Солнца смех. «Расплескался, льётся не смолкаая...» • – *Обособл.* В истоке дали.

■ **Дали-красули.** Малиновый вечер спокойно истаял, Заря и зарянки / уснули, Вздremнула осинок певучая стая, Сник ветер, Спят дали-красули. С о л д а т ы.

Разлука-даль. *Разлука-даль* стихи слагает: Уйти в зарю из шалаша! И в том пути изнемогает Моя бездомная душа. Д у ш а.

ДЕНЬ (ДЕНЁК).

Безлюдный. – *Кр. ф. безлюден.* Косы выстригли пожню. Чуть тревожно. Широ́ко. Над приклоненной рожью День *безлюден* до срока. У н и в ы.

Безучастный. *Безучастный* день, небо выстыло – Отулыбилось лето быстрое. Холодеть черёд живу-сущему – Семь крутых ветров с цепи спущено. В ч а с л и с т о п а д а.

Белый. Заря коснулась окна моего. За нею – солнце. И льдинки в глазах Тихонько подтаяли, боль приструня. И я веселился в тёплых слезах – Встречал возвращенье белого дня. К р е щ е н ь е з а р ё й.

Бережливый. • Приглашение в день.

Бесконечный. – *Кр. ф. бесконечен.* День, как счастья ожиданье, *Бесконечен*, Он – короче, чем свиданье В белый вечер. Д е н ь.

Бескровный. Заваривает снежное причастье Монах-ноябрь костлявою рукой. Печаль и пепел. Хладное бесстрастье. *Бескровный* день. Кладбищенский покой. На Синичьей горе.

Беспечальный. Привет вам, грозовые тучи И дымчатая голубень! Спасибо, *беспечальный* день, За всё, что завтра неминуче. «Поклон, поклон, ржаное поле...»

Благой Дружище-гром, остановись, Замри, повреди; Не заливай крутым дождём Сухие головни: Пусть на пожарище моём Взойдут *благие* дни! «З в е з д у о б м а н ч и в у ю с т ё р...»

Блескучий (*прост.*). Водинку всякую, как медь, *Блескучий* день наяснил. П р о б у ж д е н и е.

Божий. Три месяца летних каникул (почти каждый *Божий* день, да и ночей сколько!) я проводил на рыбалке. Всё перемелется.

Большущий-пребольшущий (*прост.*). *Обособл.* И светит тень, И теневет свет, И дышит день, / *большущий-пребольшущий*, Распахнутый, смеющийся, зовущий, И солнцу ни конца, ни края нет! Г р и н я.

Бурый. День тут *бурый*, красная ль ночь, Прогляди глаза – не узнать. Не разящий огонь волочь Через прорвы – сейчас бы спать! Не спать.

Ведренный. А лес укрывал нас от недоброго глаза и людского пересуда, птицы и цветы славили жизнь, любовь и красоту, закатная заря обещала *ведренный* день на завтра. Всё перемелется.

Великий. – *Кр. ф. велик.* Был велик, расправил плечи – Стал огромен, Как заботы человечьи, Неуёмен. День.

Ветряной. – *Кр. ф. ветрян**. День нахохлен: и *ветрян**, и мглист. Вот бы песней обогреться саду! У Сороти.

Виноватый. – *Предикат.* День, как *виноватый*, – Смутен до бровей: Бьёт его косматый Хлёсткий снеговой. Снеги.

Вешний (*устар.*). А думы птиц, как *вешний* день, ясны: Они в добро не верить не умеют. Грачи.

Вещий. «Поклон, златое мелколесье...»

Вольный. Это он [ручей] песню поёт о начале *вольного* дня... Двести первая верста.

Выжатый. День.

Вымытый. Там же.

Голубой. И что ни мудри там, а стол из коряги На свете удобней всего. Такое достанет до сердца любого – Хоть слеп ты, хоть глух ты, хоть нем. И стань я кровинкою дня *голубого* – Вот так бы и слился со всем! Стезя.

Давнишний. • Это он [ручей] поёт про зачатъе / *давнишнего* дня, Про последний вздох, про жёлтый песок сырой, Про человека, отведшего смерть / от меня. Видите холмик? Вот тут он спит / под горой. Огонь на себя.

Длинный. Двести первая верста. – *Сравн. ст. (станет) длинней.* Пусть во поле нет приюта, Пусть декабрь хватает круто, Насылает снеговой С каждым часом злей – Завтра станет на минуту День *длинней*, Всё-таки длинней. Солнцеворот.

Добрый. А пока забавляйся, Купайся – вода широка, В песке ерепенься, в отаве валяйся, – День *добрый*! Валяй дурака! Стезя.

Доверчивый. – *Кр. ф. доверчив.* День криклив, как сто бабёнок На собрание; Он *доверчив*, как ребёнок – Все-признание... День.

Догоревший. Так ласково день *догоревший*, Так мирно отходит ко сну. И ветер, как хмель присмиривший, Прилёт до утра под сосну. Ночлег.

Долгий. • В жар-июле озеро горячо: Солнце неуём-

ное – во! Печёт – Так палит-насвечивает *долгий* день, Что плывёшь, как в милости, в живой воде. Двенадцать картинок.

Жаркий. – *Кр. ф. жарок.* Ни телеги не имел он [дед], ни одра; Были ночи чёрны, были жарки дни; А всего-то в халупёнке значилось добра – Двенадцать ртов ребятни. Бабушка. – *Предикат. (стоял)* ... День стоял жаркий, светлый, тихий, а если взглядеться – притихший. Огненный круг.

Жданный. Дышала земля, чудотворство свершая, Сердца человецьи родня, Считала денёчки до дня урожая – До самого *жданного* дня. Стезя.

Жёлтый. День.

Житейский. Да выпеснишь разве Все соблазны *житейского* дня. Боль.

Злато-лиловый (*редк.*). – *Кр. ф. злато-лилов.* Играл денёк *злато-лилов*. Не поздно жить начать сначала. Обитель.

Зовущий. Гриня.

Зоркий. – *Предикат.* День, как ворон, недоверчив – Зоркий, хмурый; Сладкий пыл его подперчен Пылью бурой. День.

Короткий. В чаще теплятся глаза Кроткой незабудки. Оборотишься назад: Гаснет день *короткий*. Октябрьины.

Красный (*поэт.*). Лес распахнутый, лист отзвеневший, Птицы смолкшие – сердцу родня, Я люблю этот мир замеревший, Ожидаящий *красного* дня. «Не шелохнется, не вострепелется...»

Краткий. С какой тоской, с какою верой Глядит в глаза мои погост! Взывает, мает и пугает Не преисподней за чертой – О *кратких* днях напоминает, О жизни грешной и простой. Встреча в пути.

Крикливый. День.

Крутой. – *Обособл.* Над деревней – горькой сиротой – Новый день, *стожданный* и *крутой*. Ясная погода.

Ладный (*разг.*). День.

Лёгкий. Жми! но, чур, *лёгких* дней Не крути педали. То верней, что трудней, Тем прямей, чем дале. Выбирай: снег ли, зной, – Только не нарочно. Путь к нему – не иной: Счастье бездорожно. Счастье.

Лучистый. Листобой. – *Обособл.* В этот день, прозрачный и *лучистый*, Мы проговорили с ним до полдня, Так что чайник трижды выкипал... В воскресенье.

Мглистый. У Сороти.

Мирный. Мы брали руками врага за рога, Тягались грудью с огнём. А была нам жизнь сполна дорога, Мы грезили *мирным* днём. Реквием.

Насквозь пропаренный. День.

Насолнченный (оказ.). Там же.

Нахохленный. У Сороти.

Невысокий. – *Предикат.* Всё в сугробах, стыло, бел-бело, День – и *невысокий*, и немой... «Припав к от-крытому окну...»

Негожий (*прост.*). Одним *негожим* днём февраль-ским Циклоном пригнана уральским Была метель: вот это да! Обитель.

Недоверчивый. – *Кр. ф. недоверчив.* День.

Нежданный. Сестра печали, день *нежданный* мой, Отрада лета – иволга певуча, Без песни нечем жить тут: плачь, но пой, Молчанием глухим души не муча... Еле-не Новик.

Неистовый. Небо, Великая: синь – в голубень, Днюет над глушью *неистовый* день. Благословенный чёртов путь.

Немой. – *Предикат.* «Припав к открытому окну...»

Ненапрасный. Наст, ненастье, невидь – не напасть: Уморюсь – костёр засветит мне; То-то почаёвничаю всласть, Напоюсь о *ненапрасном* дне. У костра.

Ненастный. – *Кр. ф. ненастен.* Он рек ей: «Свет во дни *ненастны*, Люблю! Не быть иной невесты. Клянусь я огненным Ярилой И воем вьюги над яругой: Со мной всегда ты будешь рядом!» Начало Пскова (из поэмы «Зажги звезду»).

Необъятный. – *Кр. ф. необъятен.* День, как ласко-вость людская, *Необъятен*, Как хула-молва мирская Бес-пощаден. День.

Непогодный. Костёр на всех был один – в середине лагеря. Его обычно жгли либо ненастными ночами, либо *непогодными* днями, чтобы не углядели вражьи самолё-ты. Всё перемелется.

Неуёмный. День.

Неумолчный (*высок.*). – *Кр. ф. неумолчен.* • День усеян горлицетом, *Неумолчен*, Весь обвеян август-летом, Жёлт, насолнчен. Там же.

Неутешный. И – видит Бог – со Дня Победы до сегод-няшнего *неутешного* дня мне не по себе от жгучей думы: «Вот они – двадцать семь миллионов (а в действитель-ности намного больше) сыновей и дочерей, и с ними Лю-

бовь Смурова и Лев Григорьев, – полегли за Родину, а ты остался в живых!» Но ведь очень даже мог и не остаться. Судьба! Всё перемелется.

Обцелованный (обл.). – *Кр. ф. обцелован.* Обцелован и обшарен Ветром рыжим, Продублён, насквозь пропарен, Вымыт, выжат. День.

Обшаренный (разг.). – *Кр. ф. обшарен.* Там же.

Огромный. – *Кр. ф. огромен.* Полно [вихорь] рвать и метать, Хватит катер кренить: Нас тебя не унять, Белый свет не затмить, – Кровь у нас не пресна, День *огромен*: весна! Ладога.

Отуманенный. День.

Побеждённый. В захваченное декабрём приречье Нацелены сугробы в три наката. Над *побеждённым* днём угрюмый вечер Темнеет от восхода до заката. Неодо-лимость.

Погожий. Только стужа, день *погожий* и не снится. Прослезило – Негде глазу приютиться. Поздней осе-нью.

Поздний. Догорает красный край зари, Лязгают над-садно якоря. *Поздний* день. Второе ноября. Благосло-венный чёртов путь.

Полный. – *Сравн. ст. полней.* Скоро станет онемело, Зимно, бело... Что за дело: День короче – да *полней*, И сту-деней – да яснее, И дорога – не теснее, Сердце строже – да ровней. Осеннее.

Пригашенный. На воле смиренная осень стояла, Ту-манясь *пригашенным* днём. И только рябина да куст крас-нотала Горели кровавым огнём. Стезя.

Притихший. Огненный круг.

Проворный. – *Кр. ф. проворен.* День стремителен, как руки, И *проворен*: Сколько к полдню у излуки Скопит зёрен, Сколько песен сложит за день, Сладит прясел!.. День.

Продублённый. Там же.

Продымлённый войной. – *Обособл.* Дни, *продым-лённые войной*, летели, Когда с мякиной хлеб так дорог был, А жизнь людей Дешёвого дешевле. Родителям.

Прозрачный. В воскресенье.

Промедвяненный (оказ.). – *Кр. ф. промедвянен.* День <...> До макушки жаром нежным *Промедвянен*. День как труженик / прилежный – Псковитянин. День.

Простой. Он, как песня, прост и складен, Ладен, ясен. Там же.

Прочный. – *Кр. ф. прочен.* А день ничего себе: То-

чен и прочен, Всему свой и срок и черёд. Здесь даже осин-
новый тын у обочин, Что может, от жизни берёт. Ма и
1945 года.

Разливанный (разг.). Всё под боком: небо, земля и
водица, И плеск *разливанного* дня; Есть где обогреться,
есть чем остудиться: Дыши – не тужи, ребятня. С т е з я.

Распахнутый. Льётся Великая: синь – в голубень,
Днюет над глушью *распахнутый* день. П р и г л а ш е н и е
к п е с н е.

Светлый. • Он, как и ты, О светлых днях мечтал, Как и
тебе, Ему семнадцать было. Но над Отчизной Прокатился
шквал, Беда-война над ней заголосила. Б р а т у м о е г о
д р у г а. – *Предикат. (стоял) ...* Огненный круг.

Сильный. – *Кр. ф. силён*. Приглашение в день.

Сиреневый. – *Кр. ф. сиренев*. И так *сиреневы* деньки,
Так правы – нету виноватых. О б и т е л ь.

Складный (разг.). День.

Смеющийся. – *Обособл. Гриня*.

Смутный. Снеги.

Спокойный. Стезя.

Стожданный (редк.). – *Обособл. Ясная погода*.

Стремительный. День.

Студёный (разг.). Осеннее.

Тёмный. «Знать, нельзя иначе...»

Тёплый. До *тёплых* дней так и сидели аисты в курят-
нике на бульбе. И опускали свои почтенные носы в ко-
рытце с едой только после того, как все куры накушают-
ся. Всё перемелется.

Тихий. Огненный круг.

Точный. Июнь.

Хмурый. – *Предикат. День*.

Хороший. – *Кр. ф. хорош*. Устоялась погода, разве-
дрилась, День по полному счёту *хорош*: Даже самая малая
ветреность Не качнёт отягчённую рожь. А в г у с т.

Чистый. «Тряхнул плечом и грянул...»

Ясный. Бывает так: июлем знойным Берёза сронит
жёлтый лист – И сразу станешь беспокойным, И *ясный*
день не так лучист. Л и с т о б о й.

• Денёк-**работяга**. Полуночь списала денька-*работя-*
гу: До зорьки лишь отдых – забота. С о л д а т ы.

ДЕРГАЧ (дергачишка).

Неугомонный. Неугомонные дергачи в лугах кличут
своих голенастых подруг... Д о м а.

Холостой. Укутала полночь в туман и истому Гулён и
«страдания» рьяны. И лишь бобылю – дергачу *холосто-*

му – Не спится в перстах валерьяны. «П р и г а ш е н н ы й
вечер спокойно истаял...»

• Дергачишка-**крикун**. Туман басистую струну На-
строил в лад с певун-рассветом, А дергачишке-*крикуну*
С вечерки угомон не ведом. Р а н ь.

Странник-дергач. А вечером небо звенит и ликует
От крыши приземлённых – до звёзд, И *странник*-дергач с
тишиною толкует. П е р е д и ю н е м.

Дергач – коростель.

ДЕРЕВО (деревцо).

Развесистое. Лодка была привязана к старой иве в
заводи и стояла целёхонька под *развесистым* деревом.
Только водой она была полна до бортов. Вёсла, спрятан-
ные под другой ивой, тоже были в полной сохранности.
О г н е н н ы й к р у г.

Смирное. В яром буйстве у нового берега Что нам
значила / кроха ольха. Не прибили мы *смирного* дерева,
Проморгали отродье греха. А н а ф е м а о л ь х е.

Чёрное. – *Кр. ф. черно*. Глумится дым: дотла деревня.
Твоя. Дотла. Мертва трава, *черны* деревья, Металл – зола.
Н а п о л е б о я.

• **Горюн**-деревцо. Всё горит над забытыми крышами
В ненаглядной печали лицо... На мою невозвратную Ви-
шенку Ты похоже, *горюн*-деревцо. В и ш е н к а.

Дерево-**дуб**. Деревам-дубам, мал-малиннику, Бере-
зиночкам, дрожь-осиннику, Гнучим лозонькам с кровь-
рябинами – Срок расквитываться с сентябринами. В ч а с
л и с т о п а д а.

ДОЖДЬ (дождик; дождище).

Вешний (*устар.*). Пред этим обиженным домом
Я плачу. И снова рождён. И пахнет знакомым-знакомым:
Позёмом да *вешним* дождём. Б л у д н ы й с ы н.

Голубой. Запрыгал белый град горохом, Клекочет го-
лубой дождище!.. Гуляй, гроза, Грози и грохай – Да будет
день добрей и чище! «Тряхнул плечом и грянул...»

Длинный. Длинный дождь, Время – нож: Поневоле в
дрождь! Чисто поле моё, Ветрово жнивье. П р и в а л.

Живой. – *Предикат*. Так почему же холодны Края чу-
жие? А здесь – дожди и валуны И те *живые*. «В к о т о -
р ы й р а з о д н о и т о ж ...»

Красный. Кому дело, кому жуть: Храп и стон, Грудь
на грудь, Чёрный крик, *Красный* дождь И в последний в
жизни – дрождь! Д в е с т и п е р в а я в е р с т а.

Мелкий. И падал лист прощальный с рождь, Скользя по

мутному окошку <...> И сеял, сеял мелкий дождь. Обитель.

Крутой. Дружище-гром, остановись, Замри, повремени; Не заливай *крутым* дождём Сухие головни: Пусть на пожарище моём Взойдут благие дни! «Звезду обманчивую стёр...»

Лишний. «Завлекают вёрсты...»

Окаянный (*прост.*). «Частый дождь с утра зарядит...»

Проливной. Тем летом не только гранит на угорах – Тень вязкая огненно жглась. А к этому дню воскрешенье свершилось, Дождём *проливным* припустив. Всю ночь небо грохало, лило, светилось, Неистовый жар укротив. Стезя.

Пушистый. И гомон, и щебет, и вереск, И дождик *пушистый* с ольхи; Лягушек неистовый нерест, Звончайшие жар-петухи. *Распахнутость.*

Солнечный. До искринки сердце вверяешь, Окунаешь в *солнечный* дождь. И не знаешь, что потеряешь, И не ведаешь, где найдёшь. «До искринки сердце вверяешь...»

Тёплый. Сколько песен плескалось на зорюшках! Сколько *тёплых* пролилось дождей!.. Ой вы, журки-веснянки за морюшком, Прилетайте домой поскорей! *Ожидание.*

Хладный (*устар.*). – Кр. ф. *хладен*. Был не ветер во поле, *Хладен* дождь – Муж во граде-соколе – Свет и мощь. Колокола.

Хороший. • – Обособл. Дó земли высь опустилась, Кланяясь низким избёнкам. Дождик, хороший, как милость, Чалым бежит жеребёнком. Победа.

Частый. *Частый* дождь с утра зарядит И неделю не проходит. Бабка просит-богородит: – Боже, скоро ль распогодит? – Дед бранится: – Окаянный! Без отдышки лупит-цедит. Не большак – кисель овсяный: До потёмок не доедем. «Частый дождь с утра зарядит...»

Чуть слышный. – Обособл. И, пока *чуть слышный*, Свой, ещё не лишний, Дождь ронял слезинки На пестры косынки, На костры-рябинки... «Завлекают вёрсты...»

Ярый. И сразу слышен *ярый* дождь, Жерлянок пенье-упоенье, И всхлип цветов, и листьев дрожь, И Фомино сердцебиенье. Обитель.

ДОЛ.

Красный. Я прочь ушёл, я в ночь ушёл, Но верю свято: Не угасает *красный* дол Окрай заката. Оправданье.

ДОЛИНА.

Родная. Сутулит [просёлок] надёжную спину, – Испытано в жизни всего... Но врос он в родную долину, И время жалеет его. Просёлок.

ДРОЗД.

Вольный. ...щёлкнул в олешнике / *вольный* дрозд, Забубнил / весёлый ручей! Двести первая верста.

Зазывчивый (*обл.*). Зажжёт тебя далью тропа вдоль откоса, Встревожит *зазывчивый* дрозд: Проляжет большак от заглохшего плёса, От детства – на тысячу вёрст. Стезя.

Немой. – Сравни. ст. *немей*. Я вгляжусь – в знакомом захоlustье Всё не так: Без привычной стародавней грусти Гуще мрак; И дрозды *немей*, и тропка уже Вдоль берёз. Явь.

Ручной. • Новь.

ДЫМКА.

Весомая. – Сравни. ст. *весомей*. *Весомей* дымка, небо строже, Задумчивей шатун-камыш. И ощутишь на жаркой коже, Как выстывает в чаще тишь. Листобой.

Легчайшая. На моих глазах этот лесок подёрнулся *легчайшей*, нежнейшей дымкой. Земля и вода.

Нежнейшая. Там же.

Сизая. Зноем день пронизан, В небе тучки-лебеди. Роши в дымке сизой, В трепете и щебете. Взысь сеном (пер. с литов.)

Туманная. Тихий брег в *туманной* дымке, Лежень ласковый, Распечаль, размыкай думки Складкой-сказкою; Ставшей сказкой, вещей былью – Доли мерою. Упричала.

Щемящая сердце. Засинен понизу *щемящей* сердце дымкой, Закован посреди в гранит литой и в медь, Упрятав маковку под шапкой-невидимкой: Вникай – не разгадать, пронзай – не проглядеть. Машук в тумане.

Е, Ё

ЕЛЬ (ёлка; ёлочка; елина, обл.; елинка, обл.).

Вековая. От Клина – древнего драгоценного дара природы, разросшегося на двадцать квадратных вёрст, – теперь остались рожки да ножки. Вместо *вековых* елей, берёз и осин там расплодились серый олешник, черёмушник, волчья ягода да непролазный подлесок. Всё перемелется.

Высокая. В горностай увита Бабушкой-метелью, Греется ракита Под *высокой* елью. М а р т. Я решил взобраться на *высокую* елину, чтобы оглядеться... Р а к и.

Высоченная (разг.). Однажды, взобравшись на обессученную старостью *высоченную* ёлку, на верхотуре которой было ястребиное гнездо, а в гнезде два крупных пушистых птенца, я пытался кормить их черничным пирогом. Всё перемелется.

Густая. Под *густой* елью, на подстилке из хвойного лапника мы устроились, как на доброй русской печке. Там же.

Задумчивая. Растёт *задумчивая* ёлка, И два креста горят под ней. О б и т е л ь.

Заозёрная. [Во время пожара.] И вёты, видящие сны, И черень елей *заозёрных*, И клювы аистов дозорных Кровавы были и грозны. Там же.

Мёртвая. – Обособл. В сугробах.

Могучая. На верхотуре *могучих* елин гнездились соколы, канюки, тетереваты, иные мелкие ястребы, вороны, клесты; в осиновых дуплах жили филины-неясыти, желны, вертишейки и, пожалуй, лешие. Всё перемелется.

Покорная. Ветер то утихал, то насканивал с какой-то отрешённой злостью, и тогда *покорные* вековухи-ели рывкали, будто устёгнутые звери, кланялись ветру, как богомольные черницы. Р а к и.

Прямая. – Обособл. В очень белом ели, мёртвые, *прямые*, И над всем – сугробы, как гробы, немые. В с у г р о б а х.

Пушистая. У *пушистой* ёлочки, возле тропинки, стояла красивая девушка. Игорь узнал Надежду Егорову, жи-

тельницу деревни Окрино Плюсского района, переводчицу в счётном отделе плюсской местной комендатуры 858. Огненный круг.

■ **Вековуха-ель.** Р а к и.

Ель-елинка. Ель-*елинка*, дружка, здорово! Не дремала? Глядела в оба? Не припомнишь: сюда другого Не водила моя зазноба? Моё почтение.

Ель-яга. Листья зыблются красным пологом, На землю сылются, кружат по лугу, Пляшут прыгают, – всё живёхоньки. Ель-яга скрипит: «Охти-охоньки!» В час листопада.

Ёлочки-копья. Белеет бурая тропка, Светлеют ёлочки-копья. На чёрную землю Робко Слетают крупные хлопья. Русские люди.

Любушка-ель. • Колются *любушки-ели*. Огонь на себя.

Сваха-ель. И патриарх-сугроб у *свахи-ели*, Души не пряча, О ветреной зазнобушке-метели Тихонько плачет. Весна.

Ёрш.

Злой. • Двенадцать картинок.

■ **Злюка-ёрш.** • Юн-июнь на озере – чудодей: Рви кубышки жёлтые, да жалей, Рви кувшинки белые, но робей, И тягай на удочку *злюк-ершей*. На озере.

Ж

ЖАВОРОНОК.

■ Жаворонок-одиночка. Пока не день, да и не ночь, – Еще не спит сычок: «Сплю-сплю!» Но дрёме не дана отсрочка, И жаворонок-одиночка Полощет горлышко: «Люблю!» В буйнотравье.

ЖАРА (ЖАР; ЖАРЫНЬ, прост.).

Белый. Ах, белый жар в земной горсти, И ни дымка из труб. Лишь дымка. Сады! не могут не цвести: Не скрошь – май не невидимка. Обитель.

Заморский. Благословенный чёртов путь.

Нежный. День засмеян рыжим ветром, День насолнчен, Полон звонким разноцветом Неумолчным, До макушки жаром *нежным* Промедвянен. День как труженик / прилежный – Псковитянин. День.

Неистовый. Всю ночь небо грохало, лило, светилось, *Неистовый* жар укротив. Стезя.

Спелый. До макушки *спелым* жаром Промедвянен, Хмелем ярим по-над яром Отуманен. День.

Студёный. Осень стёжки перепутала, Раскидала жар *студёный*, Даль стеклянную окутала: Что же будет с молодой? «Осень стёжки перепутала...»

Хвалёный. ...жар *хвалёный* заморский Так парит, что не всем втерпёж. Благословенный чёртов путь.

Широкоущая (прост.). А кругом-то – жарынь *широкоущая*, Злат-пески – желтизна, желтизна... Радость слёзная, глупая, сущая, Запоздалая причудь-весна, Запалила нас жгучею жаждою И вселилась в белынь-лебедей. Промельк.

■ **Светлынь-жара.** Куда там сон, какой покой, Когда в груди – *светлынь-жара*! И кружит песня над рекой... И где тут завтра? Где вчера? Белая ночь.

Теплынь-жара. • Летней ночью.

ЖЕЛНА.

Озябшая. И земля, на Покров овдовелая. Вновь затеплится от желтизны. И смешается радость несмелая С громкой грустью *озябшей* желны. «Чем, берёзки, вы лето обидели?..»

Желна – чёрный дятел.

ЖЕЛТИЗНА.

Затемнялая (обл.). В *затемнялой* желтизне, Тихий луч даруя, Кто-то тужит обо мне, Да не разберу я. Октябрьны.

Прогоревшая. • «В прогоревшей желтизне...»

Тучная. Хорошо Тишайшим полднем, В желтизне теряясь *тучной*, Отзываются Сердцем полным На призыв земли беззвучный! «Хорошо тишайшим полднем...»

ЖОР.

Безобманный. – *Предикат.* И раков навалом, и жор *безобманный*: Берётся – тягать поспевай. Стезя.

■ **Пир-жор.** • Обмакнуло [солнце] в Зрачку-реку красный ус И давай студёнушку миловать! А потом настроило злат-струну, Накидало мошкеры в быструну, Покликало семифунтовых голавлей: «Гуляй – не жалей!» И заплясал на плёсе *пир-жор*! В колокола.

Жор – хороший клёв (на рыбалке).

ЖУРАВЛЬ (журавлик; журка, обл.).

Белый. Как *белый* журавлик, он [Ванька] звал свою стаю, Шуршал, будто сорванный лист: – Я к маме хочу! Про машину не знаю... Не бей меня, дядя фашист!.. Стезя.

Жгучий. Снегу жаль, что февраль отпраздновал, Жгучих боязно журавлей, Не забыть января бесстрастного, – Снегу жаль, да жалей не жалей. Радость.

Звнящий. – *Кр. ф. звнящ.* Разгрустилась в небе флейта Лебединая: Кликунов-то, журавлей-то – Над лядиною! Разлетаются, *звнящи*, Будто облаки... «Не отверненное счастье...»

Покорённый. «Не шелохнется, не встрепнётся...»

Правый. – *Кр. ф. прав.* Не задышат холодные травы, Отлюбили, отверили в май. Журавли *покорённые правы*: Допивай, допевай, улетай. Там же.

Сутулый. Гора Судома.

■ **Горюн-журавель.** Давно я ушел от горы Судомы Почти что за тридевять земель, Но в глазах, / повидавших света и тьмы, Всё встаёт *сутулый горюн-журавель*. Там же.

Журка-веснянка. Сколько песен плескалось на зорюшках! Сколько тёплых пролилось дождей!.. Ой вы, журки-веснянки за морюшком, Прилетайте домой поскорей! Ожидание.

ЗАВИРУХА.

Ледяная. • Я четыре тяжких года Этой встречи ждал: Я ходил в огонь и в воду, Кровью истекал В ледяную завируху, В чёрную напасть, Чтоб тебе Краса-Красуха В горе не пропасть. К р а с у х а.

Завируха (обл.) – метель.

ЗАВОДЬ.

Зеркальная. Вся моя фигура в полосатых трусах, отражённая зеркальной заводью, напоминала человека с «подходцем» и большой вопросительный знак. Р а к и.

Заосоченная (редк.). Заосоченная заводь У гусяного омула, Где любил подпаском плавать, Ни ветринкой не тронута. «Берег, тихий и отлогий...»

Кипящая. Последний выстрел замирает, Протяжный тонет стон. В кипящей заводи сгорает Стальной немецкий слон. «Последний выстрел замирает...»

Мелководная. • В мелководных заводях щучий плеск, И повсюду радужный пляс и блеск. На озере.

Полусонная. В камышах растрёпанных щучий плеск; В полусонных заводях бег да блеск. О з е р о.

Чёрная. – Обособл. В заводи, чёрной как дёготь, Грузно полощется сом. Воду сгущённую трогать Боязно мальцу веслом. О м у т ы.

■ Заводь-зеркало. И развиднело и смеркнуло – Не является пригожий. Облетает в заводь-зеркало Красно-жёлтая пороша. «О с е н ь с т ё ж к и п е р е п у т а л а...»

Заводь – небольшой залив в реке (или озере) с замедленным течением.

ЗАЙЧИК (светлое пятно от солнечного луча).

Ручной. • – Обособл. А зайчики почти у самых ног Баграхтаются, мельтешат, резвятся – Совсем ручные: даже не боятся... С ы н.

ЗАКАТ.

Алый. – Кр. ф. ал. Июнь отсвистел сладкогласно, Июнь отгремел, отсиял. И поле на жатву согласно, И красен закат, а не ал. В о в р е м е н а г о д а.

Багровый. – Кр. ф. багров. Багров закат, горюч. Щербат плитняк пунцовый... Иная мера тут, бессонная гора: Безродным и пустым суждён кулак свинцовый. Великим и живым – прощальная пора. М а ш у к в т у м а н е.

Большой. Большой закат на вечер малый Упал, горит на берегу. К о л о к о л а.

Глухой. Что попишешь: было – было, Да зашло за жизнь – изныло, Утекло в закат глухой, Стало пеплом и трухой. Р ы б а к и.

Горючий (разг.). М а ш у к в т у м а н е.

Густой. Угомонила гулкая округа, Густой и жаркий Догорел закат, И косари с умолкнувшего луга Гурьбой весёлой По домам спешат. Угомонила гулкая округа...

Долгий. • Нежданный вечер.

Жаркий. Угомонила гулкая округа...

Красный. Во времена года.

Маковый. – Кр. ф. маков. Ропщет эхо в бедной роще, И закат угрюм, не маков. А людскому сердцу проще: Победит себя, отплакав. Ж а л о б а.

Предзимний. Ты мне кажешься полем На предзимних закатах – Молчаливою болью Колосьев невзятых. «Ты мне кажешься полем...»

Угрюмый. Ж а л о б а.

■ Пожар-закат. А солнце уже садится. Светило, с пожар-закатом Повремени – Не густей, Не будет лишка солдатам: Твой луч не ломит костей. Д в е с т и п е р в а я в е р с т а.

ЗАМОРОЗОК.

Цепкий. Гаснет, схвачен цепким заморозком, Мраком взят, заполонён – Чужеземным, злым, декабрьским – Русских глаз июньский лён. Л ю б е С м у р о в о й.

ЗАМЯТЬ.

Жёлтая. • Неотыгранное детство – Думки на ветер. Леса гулкое соседство В жёлтой замяти. «Н е о т ы г р а н н о е д е т с т в о...»

Замять (обл.) – метель, вьюга.

ЗАПАХ.

Волнующий. Пахло сеном, молодой отавой и, всего сильнее, волнующим, несказанно родным запахом влажной земли. П е р в а я щ у к а.

Грустный. Держит память в цепких лапах, Как добычу кречет, Смол июльских грустный запах, Краснокрылый вечер... Б е р е г н е к а з и с т ы й.

Несказанно родной. П е р в а я щ у к а.

ЗАРЯ (зорька; зорюшка).

Багряная. Ноне новость громом грянула: Стольный князь велит, Как взгорит заря *багряная*, Тебя [колокол] свалить. Колокола.

Вечерняя. Пару недель спустя, когда вода прогрелась и налимы переставали братья, а другая рыба ещё слабо клевала, я с головой окунался в охоту, праздную *вечерние* зори на тяге, а утренние – на току. Всё перемелется.

Вещая. – Обособл. Как тут ясно, заря незакатная, Неужель не осветишь мой клич? Терпеливая, *вещая*, страдная, Дарствуй мне твою ясность постичь. «Здравствуй, бережек с чуткими ветлами...»

Вольная. • «Здравствуй, бережек с чуткими ветлами...»

Высокая. Свои шаги.

Заревая. Будет всякое, всякое будет В наших судьбах, таких горевых: Нас прогонят, обманут, осудят, Нас отвергнут от зорь *заревых*. «Дорогие лесные пустыни...»

Заристая (редк.). Что с сердцем сделаю – забуду как <...> Протоку быструю – Речистей нет, Зарю *заристую* – денёчка след. Страда.

Медная. Всё звонче *медная* заря Играет в поднебесье чутком, И, воду с пламенем миря, Смеётся луч росистым шуткам. Рань.

Молодая. • И вдруг разбуженные, мы враз Распрямились, приподнялись: Заря *молодая* манит нас – Живи! Люби! Дивись! Огонь на себя.

Незакатная. «Здравствуй, бережек с чуткими ветлами...»

Первая. Ну а я, зимогоров потомок, Заслоняться отлады не волен: С *первых* зорь до последних потёмок Гореваньями вьюжными болен. Вьюга («Разойдётся – прикончить могла бы...»).

Пригожая. – Кр. ф. *пригожа*. Под кромкой туч не мгла – заря, Как дева робкая, *пригожа*. Обитель.

Призакатная (редк.). За бегун-рекой, За плакун-травой – На пригорке Круг растёт гулевой, Греет пляс дармовой В *призакатной* зорьке. Благословенный чёртов путь.

Пробитая. Не море – горящее горе, Земли перепуганной дрожь. Свисают *пробитые* зори, Ложатся в убитую рожь. Верность.

Рдяная. – Кр. ф. *рдяна*. В жар-июль, в разгар покоса,

В неуёмную страду, На земле роса белёса, Зори *рдяны*, дни в цвету. «В жар-июль, в разгар покоса...»

Страдная (устар.). – Обособл. «Здравствуй, бережек с чуткими ветлами...»

Терпеливая. – Обособл. Там же.

Ядрёная. «Молчит, затуманилась дрёма...»

Янтарная. Поцвети ещё подольше, яблонька, И стой в туманах ты ночных... Пролетят денёчки эти, яблонька, И никто не выкукует их. А когда нагрянет ветер быстрый, О цветах слетевших не горюй – Вместо них зажёг сентябрь лучистый В яблоках *янтарную* зарю. Поцвети.

■ Заря-рассвет. Густолистой роще На заре-*рассвете* Ласковый и тихий Приглянулся ветер. Ветер.

Зорька-восход. • Ой, скажите, скажите, сестрица: Хоть когда-нибудь ночь перейдёт? Хоть когда-нибудь вешняя птица Мне натенькает зорьку-*восход*? Б о л ь.

Лада-зорюшка. • Загорись, зажгись, *Лада-зорюшка*! Слово нерушимо.

Свет-заря. Отрады нет ни сердцу, ни уму В заморском иступлении ретивом. Не ты одна не знаешь, что к чему, Не ведаешь, бренчать каким мотивом. Каким, каким? Смятенье усмири: Своим, своим! – не сводничать бесстыдно. На жизни – ночь, и что ни говори, Хоть как гляди, а *свет-зари* не видно. Елене Новик.

ЗАРЯНА (поэт.).

Желанная. И мы не остались лежать, – Мы враз Распрямились, приподнялись: Заряна *желанная* манит нас – Живи! Люби! Дивись! Двести первая верста.

■ Заряна-веселуха. Сник ветерок окрай Красухи, Безгромно / спит аэродром. И у заряны-*веселухи* Ни гореванья, Ни порухи – Одно-одним добро-добром. К а н у н (из поэмы «Плач по Красухе»).

Заряна-денница. • И вот оно, эвон: заряна-*денница* Трепещет на каждом листе, Как пёстрые пчёлы, несметно роится Вкруг-около, всюду-езде. Ж и т ь б у д е м.

ЗАСТЕНЫ.

Серая. Лишь разъяснит застень *серую*, Снимут буйну с плеч. Ты [колокол] служил нам правдой-верою: Скликал на сечь. Колокола.

Застень (обл.) – тьма.

ЗАТОН.

Задумчивый. А днём в озёрной глубине Сто солнц костры разводят: Огни на дне и на волне! И с этим све-

том / в сердце мне Заботы жарко входят, –Теплынь / к тревожным тростникам, К *задумчивым* затонам, К залубеневшим рыбакам И к неприметным берегам, Зыбучим и зелёным. Д н ё м и н о ч ь ю.

ЗАХОД (солнца).

Багровый. Простор без конца в рыжине горьковатой, *Багровый*, как знамя, заход. С т е з я.

ЗАЯЦ.

Гонный (разг.). *Гонный* заяц, преследуемый собаками, выскочил на барское поле и понёсся по озими. В с ё п е р е м е л е т с я. ≈ *Гонный* – преследуемый.

Хитрый. [Майор:] Всю жизнь я стремился к богатству, а оно, словно *хитрый* заяц, исчезало, напетляв. Ч ё р н ы е д н и.

■ **Заяц-русак.** Плюсский подпольщик, бригадный разведчик Владимир Богданов, самый молодой из бригадных разведчиков, вёл с поднятыми руками толстого немца в русской шапке-ушанке из зайца-*русака*. О г н е н н ы й к р у г.

ЗВЕЗДА (звёздочка).

Белая. – *Кр. ф. бела.* • Ни плясать, ни петь – как связан: Неважнецкие дела... В небе месяц ясноглазый, Сбоку звёздочка *бела*. «У в о л ь н е н ь е, у в о л ь н е н ь е...»

Близёхонькая (разг.). – *Кр. ф. близёхонька.* *Близёхоньки*, совсем несказные, И, не спрося, в полон берут. Они зовут, и путь указывают, И зачинаются, и мрут. П о д з в ё з д а м и.

Большая. Светом сумерки сочатся, Будто вишня великанья, До земли прогнулось небо От *больших* и спелых звёзд. И м е н и н ы.

Вещая (высок.). Вот замелькала вдруг сверхновая [звезда], Вот *вещая* оборвалась... П о д з в ё з д а м и.

Выспевшая в полночи. Крыльям бить, перья об ветер комкая, Десять тысяч – сквозь мачеху – вёрст. Мне пока не до клекота громкого, Не до *выспевших в полночи* звёзд. А и с т.

Голубая. Любовь Алексеевна, Люба, Любаша, – Моя *голубая* звезда, Я цел ещё: ждёт меня старости чаша, А ты навсегда молода! Л ю б о в и С м у р о в о й.

Горьковатая. Да сколько их [звёзд] в морозной роздыми, И как же скоро зацвели! Заполыхали, врозь и гроздьями, Над головой и у земли. И все тихонечко качаются, Роняя долу жёлтый хруст, Озябших губ твоих касаются, Чуть *горьковатые* на вкус. П о д з в ё з д а м и.

Дрённая (обл.). – *Кр. ф. дрёмна.* Мне ль не ведать, в самом деле, Мой челнок хватили мели: Ни оттуда, ни туда, Мёртва стылая вода, *Дрённа* тусклая звезда. Р ы б а к и.

Жёлтая. • Потянуло парным молоком. Значит, нет их, разлук и вёрст. Покосившийся отчий дом Выплывает из *жёлтых* звёзд. Слово об О т ч и з н е.

Заревая. Бесприютно и пусто, безучастно: «Одна я...» – Шорох, тихий и грустный, Как звезда *заревая*, Тонет, впитанный небом, Осыпается: сроки... Стать могла бы ты Хлебом Человеку в Дороге. «Т ы м н е к а ж е ш ь с я п о л е м...»

Звонкая. – *Кр. ф. звонка.* Здесь есть Чему подивиться: Тут звёзды *Звонки*, как птицы, И даже летать умеют! Здесь люди Щедры, как солнце, Добры, как нахвоенный воздух, Не бросят страннику: Поздно! В р о д н о м к р а ю.

Ласковая. И дню – лишь час. И жить не поздно, И ходят плечи: «Ай-ай-ай!.. Ромашек *ласковые* звёзды И кашек огненные гнёзда Слетают. / – Дед, не отставай! К о с о в и ц а.

Несказная (устар.). П о д з в ё з д а м и.

Новая. Костёр наш горит себе смирно и ровно, Он дышит и тоже поёт. И кто-то над нами, легко и безгромно, Всё *новые* звёзды куёт. С т е з я.

Обманчивая. Звезду *обманчивую* стёр Ладонью чёрной гром. На месте горестном костёр Горит в лугу сыром. «З в е з д у о б м а н ч и в у ю с т ё р...»

Одинокая. Над головой *одинокая* звезда переполнена ожиданием ночи. Д о б а.

Падучая (устар.). Свет родная сторона, Смирная погодушка. Заждалась, верным-верна, Лапушку лебёдушка. <...> Зябнет в полюшке пустом, Замерев над кручею. Крестит вздрогнувшим перстом Звёздочку *падучую*. Б л а г о с л о в е н н ы й ч ё р т о в п у т ь.

Первая. Лунный ломтик тонкий, *Первая* звезда, Безмятежно-звонкий Пересвист дрозда У речушки-дружки В сини на осине. Н е ч а я н н а я р а д о с т ь.

Печальная. Безгрешны спелые уста В прикосновенье оробелом, Мерцай, *печальная* звезда, Всего одна на небе целом. Очей озёр не омрачишь Своей космическою дрожью. С в и д а н и е.

Полная бесстрастья. – *Обособл.* Светят звёзды, *полные бесстрастья*, Облетев с небес в водоворот... Б л а г о с л о в е н н ы й ч ё р т о в п у т ь.

Поределые (разг.). Небо – с белоночья – звёзды *по-*

ределые Скупое теплит: пригодятся впредь. Что нам тут предсказано? Что там за пределами? Жаль не знать, да некогда жалеть! И юль.

Пронзительная. Покосившийся ласковый дом Светит в ливне *pronзительных* звёзд. «На последнем своём берегу...»

Пушистая. Согретые В перьях заката, Проклянутся Ночи цыплята – *Пушистые* жёлтые звёзды. В родном краю.

Сверхновая. Под звёздами.

Синекрылая. Замелькала пёстрой птицей, *Синекрылою* звездой, Стала кровом и криницей, Позабытой борздой. «Простодушно удружила...»

Спелая. Именины.

Старая. • Под звёздами.

Странно-новая (*редк.*). Вот замелькает *странно-новая* [звезда], Вот вещая оборвалась... Под звёздами.

Тусклая. Рыбаки.

■ Звёздочка-утряночка. • Сиротеет в стороне Звёздочка-утряночка. Что ж ты скован, как в броне, Выдь ко мне из таночка! «Увольнение, увольнение...»

Звёзды-зёрна. Спит земля, огромна и просторна, Перезрев, слетают звёзды-зёрна. «Спит земля, огромна и печальна...»

ЗВЕЗДОПАД.

Проливной. И, стиснув зубы, десять часов Всё слушал ночную шептунью – тишь. И десять часов, десять подряд, Как в омут, в небо глядел, глядел: Свистел за окном *проливной* звездопад, И серп-молодик нестерпимо желтел. Крещение зарёй.

ЗВЕРЬ (зверюшка).

Дикий. То на руках, то катясь к спасительному лесу, подобно деревянному кругляшу, вскакивая на здоровую ногу, падая, подымаясь, скрипя зубами от боли и моля Бога о спасении, я пробивался к чащобе, чтобы укрыться там, как стрелянный дикий зверь. Всё перемелется.

Загнанный. Так, избитый, и шёл по земле, Шёл дорогой жизни суровой. Как ни трахали По голове, Каждый раз оживал я снова. И от ближних Пощады не ждал, Словно *загнанный* зверь озибался. Встретив сильного, Прочь удирал, Колотил, Если слабый встречался. Путь в высь.

Кроткий. – Опомнись, Мухи пёс, *кроткий* зверь, Жизнь – горечь, да не так несладка... Обитель.

Крупный. Сама ночь потаённо вздыхала, может – во сне, а может – в бессоннице. А еще были звёзды, тени, всхлипы росы, трепет листвы и тяжёлые шаги какого-то *крупного* зверя на тропе. Всё перемелется.

Ласковый. Здравствуй, *ласковые* звери – Ежи, сороки и ерши! Ей-богу, с вами хоть пляши: Душа в добро открыла двери. «Поклон, поклон, ржаное поле...»

Нахальный (*разг.*). Бетонные стены, железные двери, – Подвал, как вонючий ушат; Зубастые крысы – *нахальные* звери – На мокром полу верещат. Стезя.

Неведомый. • Перемены.

Пушистый. Тёплые весёлки-завитушки Облепили вешнюю лозу, Будто бы *пушистые* зверюшки Заробели ночевать внизу. У Вороньего камня.

Скользкий. Я протянул руки для защиты живота моего, схватил какого-то *скользкого* холодного зверя и машинально швырнул его на берег... Поделом.

Устёгнутый (*обл.*). Ветер то утихал, то насакивал с какой-то отрешённой злостью, и тогда покорные вековухи-ели рывкали, будто *устёгнутые* звери, кланялись ветру, как богомольные черницы. Раки. ≈ *Устёгнутый* (*обл.*) – от глаг. устегнуть – убежать.

Холодный. Там же.

ЗВОН.

Жёлтый. Всё, как в рани: кленёнок, лужок, Ты бежишь по росе босиком, Где-то плачет пастуший рожок – Просто так, ни о чём, ни о ком. *Жёлтый* звон и малиновый зной, Синий щебет и вздох у ручья... «На последнем своём берегу...»

ЗЕГЗИЦА.

Вещая (*высок.*). Свет-июнь расцветьем плещется, Люб-трава поёт у ног, И сулит зегзица *вещая* Им сто лет и сто тревог. «Не смолкает над покосами...»

Зегзица (*устар.*) – кукушка.

ЗЕЛЕНЬ.

Реденькая. Дожигала осень *Реденькую* зелень, Под ногами льдинки Тоненько звенели. «Дожигала осень...»

ЗЕЛЕНЯ

Отрадные. В глубях непроглядных, В *зеленях* отрадных, В хороводе ветел Забавлялся ветер. «Завлекают версты...»

Зелень (*прост.*) – молодые всходы хлебов (преимущественно озимых).

ЗЕМЛЯ (*земь, устар.*).

Белёсая. Месяц-ветух полуосвещает белёсую землю, иссиня-тёмную стену ельника и переполненную грозой чёрную тучу... Всё перемелется.

Бессмертная. Сушь всё лето – несчастье: Зной-без-дожде – напасть, Только нету им власти Над бессмертной землёй. Без дождя.

Богатая. – Обособл. [Майор:] Привольные русские земли, вот вы передо мной: милые, *богатые*, мои! Чёрные дни.

Валунистая (*редк.*). – *Предикат.* (осталась) **валунистой**. Но победа тебе Не легонько досталась: С той поры, С тех времён ты, [земля], *Валунистой*, Холмистой / осталась. Витебско-Невельская возвышенность.

Весёлая. – *Кр. ф. весела.* Телега твердит на колдобинах: «Скорее, скорее домой!..» Земля без идиллий особенных, Сказать – не фатовей иной. <...> Какие просторища вихорю! Полынно. А ты *весела*. Прости деревенскому жи-харю, Что он поотвык от села. Тихая родина.

Влажная. Пахло сеном, молодой отавой и, всего сильнее, волнующим, несказанно родным запахом *влажной* земли. Первая жука.

Вольная. Лужки-луга, любимый край, Медвяный и бодрящий воздух! Глазами радостно летай По *вольной* по земле колхозной. В колхозных лугах.

Глухая. Что я любил? – землю глухую, Жену, сбежавшую с другом моим, В час горевальный забаву плохую – Воспоминаний едкий дым. На огонёк.

Гордая. • – *Предикат.* (была) **гордой**. Ты глядела с горючей печалю На лавины, полки, легионы и орды... Ты была молчаливой, и *гордой*. И каменно-твёрдой. В итебско-Невельская возвышенность.

Горевая. Третий год на земле *горевой* Дьяволет свинцовый ад. Не упомнить, / в который бой Окунаемся мы подряд. Не спать.

Горькая. • Ах, летняя ночь, тихая ночь, Короткая, как ты длинна! Не завораживая, не морочь, Не страшай покоем до дна. Не опоздает никто умереть На этой *горькой* земле. Дозволь подышать, дай погореть, Погоревать во мгле, О ясном солнце погоревать... Огонь на себя.

Грешная. И встала [душа], дни мирные благословляя, Святая на *грешной* земле, – Суровая, чистая, злинкой не злая, В прискорбии, в шрамах, в золе. Стезя.

Грозная. • Плач по Красухе.

Добрая-предобрая. И юль.

Дорогая. – *Сравн. ст. дороже.* Всё тот же галочий галдёж Над придороженьем... Так почему же не найдёшь Земли *дороже*? «В который раз одно и то ж...» • – Обособл. Раны земли, *дорогой* до слёз. Огонь на себя.

До сердца раскрытая. – Обособл. На земле, / до сердца раскрытой, Шестнадцать часов подряд Разметались русские воины: Спят, спят, спят. Двести первая верста.

Жёсткая. Людская судьба – не дорога во поле – По жёсткой земле пролегла. Стезя.

Заброшенная. Главная тема сборника «Заколдованное счастье» – ответственность человека за судьбу своей, ныне ничейной, *заброшенной* земли. Слово о друге.

Заглубелая. А день ничего себе: Точен и прочен, Всему свой и срок и черёд. Здесь даже осиновый тын у обочин, Что может, от жизни берёт. Он крохотки-корни Земле *заглубелой* Доверил. И сжалилась мать – Зажгла, Одарила листвою оробелой, Торопится свадьбу сыграть. Май 1945 года.

Задумчиво-грустная. – *Предикат.* (осталась) **задумчиво-грустной**. С той беды Ты [земля] не мягкою стала – / кремнистой И такой же *задумчиво-грустной*, Как твой пахарь плечистый – Мужик белорусский и русский. Витебско-Невельская возвышенность.

Заклёклая (*обл.*). Пахали, *заклёккую* землю вздымали Простым агрегатом – горбом. Тяжеле работа бывает едва ли, Чем пахота та под бугром. Стезя. ≈ *Заклёклый* – засохший.

Залитая кровью. – Обособл. Стенают пробитые зори, Сочатся в убитую рожь. Стекают к её изголовью, К последнему всхлипу её, На землю, *залитую кровью*, На горькое сердце моё. Верность.

Замершая. На обратном пути от партизан, обсуждая опасное задание начальника разведки подпольного центра, Любовь Смурова сказала как будто не только себе и мне, но всей ночи, всему лесу, всей *замершей* земле: – Я жизни не пожалею для России! Всё перемелется.

Звонкая. Шире огонь. Собачонка лает. Над *звонкой* землёй впереди – звезда! На огонёк.

Зябкая (*разг.*). Селенья, будто вздох судьбы славян: Туготино, Красуха, Локоть, Уза... На *зябких* землях – гостя тёплых стран, Затая недоумка – кукуруза. «На неостывших ворохах золы...»

Израненная. – Обособл. Над нею [землёю], *израненной*, сеченой, клятой, Бездомной ничьей сиротой, До-

нельзя расхристанной нищей патлатой Витает Егорий святой. В Егорьев день.

Каменистая. Витебско-Невельская возвышенность.

Каменно-твёрдая. • Витебско-Невельская возвышенность.

Клятая. – Обособл. В Егорьев день.

Красная. – Кр. ф. *красна*. Похолодало. Засентябрило. Кругом – земля *красна*! Благословенный чёртов путь.

Кремнистая. Витебско-Невельская возвышенность.

Ласковая. Разморённый цепкой усталю, я прижимаюсь щекой к *ласковой* земле и окунаюсь в тёплое забытьё. Слово о друге.

Милая. – Обособл. Чёрные дни.

Молчаливая. – *Предикат*. (была) *молчаливой*. Витебско-Невельская возвышенность.

Молчаливо-кроткая. И земля *Молчаливо-кроткая*. Вся затеплится От желтизны, И смешается радость кроткая С долгой грустью Озябшей желны. «Пресной стужей...»

Мягкая. Витебско-Невельская возвышенность.

Немая. – Обособл. И если б не трудом людей согрета, Была бы ты разбужена сейчас? В созвездьях заблудившейся планетой, *Немой*, земля, была бы ты без нас. Разговор с землёй (пер. слитов.).

Неподкупная. • Плач по Красухе.

Непокорённая. Письма, документы, человеческие признания и откровения – свидетельства событий военного лихолетья на *непокорённой* земле русской... Огненный круг.

Ничейная. Слово о друге.

Обиженная. Неугасимо, пусть и скупое, Земли *обиженной* заступа Сулит: – Дотянем до грача! – Обитель.

Обожаемая. Всё перемелется.

Овдовелая. – Обособл. И земля, на Покров *овдовелая*. Вновь затеплится от желтизны. И смешается радость несмелая С громкой грустью озябшей желны. «Чем, берёзки, вы лето обидели?...»

Оглохшая. Он, / как мог, Помог рассвету И сегодняшнему Твоему Безоблачному лету Раззвенеться Над *оглохшею* землёй. Заземление.

Огнеопасная. Это надо / для сущих И для грядущих

внучат – Незастрахованных граждан *Огнеопасной* земли. Двести первая верста.

Огромная. – Кр. ф. *огромна*. Спит земля, *огромна* и просторна. Перезрев, Слетают звёзды-зёрна. «Спит земля, *огромна* и просторна...»

Омытая кровью. Дело почивших и сущих Сердцем тревожным приемлю: Зовы столетий грядущих, *Кровью омытую* землю. «Любо ли, так себе, лихо...»

Отчая (высок.). • Не шелохнется спросонка Спеющая рожь... Что, родимая сторонка, Что ты стережешь? Что хранишь ты и лелеешь, *Отчая* земля? «Льют прозрачные потёмки...»

Перепуганная. Не море – горящее горе, Земли *перепуганной* дрожь. Свисают пробитые зори, Ложатся в убитую рожь. Верность.

Печальная. «Спит земля, *огромна* и печальна...»

Плакучая. Конёк семенит неторопко, От зноя мигают поля, – Знакомая сызмальства тропка, *Плакучая* мать-земля! Пушкин в деревне.

Поверженная. ...Год сорок первый. Полночь декабря. Метель-звериха, жалобно и люто, Глумится над *поверженной* землёю. Воробьёвы горы.

Повитая любовью. • – Кр. ф. *повита*. И земь, *любовью повита*, Сулила всходы невозможны. Вьюга.

Поруганная. Всё перемелется.

Порыжелая. Хотя чего напридумай-наделай, Хотя грози извести на корню – Наши корни в земле *порыжелой* Не унять никакому огню. «Дорогие лесные пустыни...»

Праведная. – Обособл. На Земле, и *праведной* и грешной, Ей [эпохе] любая малость – не чужая: Ливень вешний, и мороз кромешный, И в горсти щепотка урожая. Написавшие кое-что.

Привольная. Чёрные дни.

Притихшая. В Михайловском.

Просторная. «Спит земля, *огромна* и просторна...»

Равнодушная. Зачем-то к земле *равнодушной* Прижмёшься горячей щекой, Как в детстве сгоревшем, послушный, Вздохнёшь, что совсем не такой. После войны.

Родимая. Зовуч земли *родимой* корень: Из Новеграда в отчий курень Пожаловала Ольга летом. Начало Пскова (из поэмы «Зажги звезду»).

Родная. А красота – не мне учить (В наставники, ей-ей, не лезу) – Нужна России до зарезу: Чтоб сердце не ожесточить! Хоть в поле вишенкой простой О первородине напомнить – Родством с *родной* землёй наполнить. Безродный человек – пустой. **Обитель.**

Русская. Сходит крадучись, прохлада С плёса на поля... Мир, просторище, отрада, – *Русская* земля! *Русская* земля. – И, как никогда, людей потянуло к Пушкину, Кольцову, Ключеву, к «Коробейникам», к «Барыне», к «То не ветер ветку клонит», к опере «Жизнь за царя»: кого – к кому, кого – к чему. Но непременно к настоящим провидцам и певцам ныне неслыханно поруганной и обиженной, обожаемой земли *Русской*, её обкраденного – осовеченного и обыностраненного – Глагола и Напева. Всё перемелется.

Русская-прерусская (*редк.*). – Обособл. Добрая-предобрая, *Русская-прерусская*, Нас земля баюкает с тобой!.. До зари недолго: Розовинка узкая Косарей скликает в травостой! **Июль.**

Священная. В каком соблазне иступлённом Гульбит *священная* земля! И пляшут в празднестве зелёном Её нечрезвые поля! **На дороге.**

Светлая. Прямо – дали без грани, За спиною – Полсвета. И любить не устанешь Землю *светлую* эту. **Утрение.**

Седая. • Плач по Красухе.

Сеченая. – Обособл. В Егорьев день.

Скорбная. Не опоздает никто / умереть На этой *скорбной* земле. Двести первая верста.

Скупая. [Севичи] любили свою *скупую* землю и свои щедрые воды. Тётя Душа.

Слёзная. • Плач по Красухе.

Стреноженная. Молчит земля, *стреноженная* туго, Ни огонька на ветках, ни движенья, Но ищет сизогубый холодуга У полонённых почек примиренья. Не одолимость.

Сырая. Пускай подписал мне погибель Вражина, Что толку, Любить не заставил тюрьму. А землю *сырую* У горького сына, Россию мою Не отнять никому! **Вотъме.** В большом и малом здесь и там Поруха жизни... Земь *сырая*, Не узнаю родного края И в храме – нынешнем сарае – Роняю слёзы в хлам и срам. **Перемены.**

Тихая. В обнимку, траву в инеек наряжая, Злат листья ссыпая в кошли, Грустила-октябрь и День Урожая На *тихую* землю пришли. **Стезя.**

Угрюмая. Что ж, Мы с вами не так-то и плохо уж прожили: Никогда не чурались *Угрюмой* земли. **Марья Степановна.**

Фартовая (*прост.*). – Сравн. ст. (не) *фартовой* (иной). Телега твердит на колдобинах: «Скорее, скорее домой!..» Земля без идилий особенных, Сказать – не *фартовой* иной. **Тихая родина.**

Холмистая. – *Предикат.* (осталась) *холмистой*. Витебско-Невельская возвышенность.

Холодная. – Обособл. Сегодня сердцу отгадать дано, Как в царствии земли, Не ведающих зим, И всё-таки *холодной*, О лядах сиротливых журавли Горланят вдохновенно и заботно, Поднявшись на крыло с чужих болот: «Домой, домой! В обратный перелёт! Домой, домой, – без нас не сгинет лёд!» **Весеннее.**

Чёрная. Седеет бурая тропка И ёлок сизые копыя: На землю *чёрную* робко Садятся белые хлопья. **Праздник урожая.**

Чужая. Давно ли улетали журавли С обжитых мест на край *чужой* земли... **Весеннее.**

■ **Земля-землица.** Земля-землица, Как молодича, Вздремнёт минутку Чутко-чутко И снова встанет – Вся в росах-звёздах, В серьгах красных, В незабудках... **Май.**

Земля-малютка. О, слышишь ли меня, земля-малютка? Вращаешься в пространстве ты, горда. **Разговор с землёй.**

Земля-матушка. [Матрёна Никаноровна:] А о теплоте и говорить не приходится. Зайцы тому свидетели и всякая живность лесная. Да и вы, детушки, те-то две зимы тоже ведь не в хоромашках дубовых находились, тоже не на полатях почивали. Небось, голову на пенёк, ноги под кусток, землю-матушку к сердцу прижимаешь, ружьё обнимаешь, а покрывало – дух Божий. Чёрны дни.

Земля-сирота. Гудело в ушах, каменели колени, скрипели, трещали хребты. А нам – ни унынья, ни страха, ни лени: Не будет земли-сироты. **Стезя.**

Земь-матерь. Неулыба Краснолесьич – бор И в угрюмой думе беспечален, Жизнью к *земи-матери* причален... «Звездапада Августовна – ночь...»

Матерь-земля. Конёк всё бежит неторопко, От зноя мигают поля, – Знакомая сызмальства тропка, Притихшая *матерь-земля*. В Михайловском.

Мать-земля. Взошли рядком, заметь-ка, На грядке у куста Бурак, Чеснок И редька – Два брата и сестра. Тепло и свет Светило Им слало, не скупясь, Их облако по-

ило Живой водою всласть; И в дрожь гроза бросала, И тля на них ползла. Но *мать*-земля спасала Их от любого зла. «Взошли рядком, заметь-ка...»

Мать-сыра земля. Да будет вам пухом *мать-сыра* земля! Посвящение к книге «Набат».

Сушь-земля. • *Сушь-земля* сырая, Тихие укоры, На тебе сгорая, Сердятся моторы. «Сушь-земля сырая...»

Чудо-земля. Василий Ильич сделался моим путеводителем по *чудо*-земле, стал первоучителем её языка и вдохновенной поэзии. Это с его лёгкой руки я всем сердцем прикипел к *Беларусі* и навсегда полюбил *беларусаў* – славный славянский народ. Всё перемелется.

ЗЕМЛЯНИКА.

Спелая. И чего я только ни придумывал, чтобы перехитрить шалопаев, каких только насадок ни предлагал, дабы уловить демагогов с поличными – с крючком в толстой губе! <...> навозных жуков, хрущей, жужелиц, толстых, как змеёныши, выползков, *спелую* землянику, макаронины, чёрных тараканов... Р а к и.

ЗЕНИТ.

Слепящий. Я долго глядел в *слепающий* зенит. И вдруг до сознания дошло моего: «Единственный жаворонок звенит! Над полем огромным – Один всего!» Ж а в о р о н о к.

■ **Хмур**-зенит. Гляди, гляди и слушай, слушай: С низины светлой в *хмур*-зенит, Озвучен жаркой русской стужей, Летит, летит! Звенит, звенит! Поёт валдайский колодец. К о л о к о л а.

ЗИМА.

Долгая. За *долгую* зиму весь мёд почти поразошёлся. Л а к о м к и.

Знобкая (обл.). Что ни куст – обнова, Что ни день – мороз. Нет милей подарка Сердцу и уму. И грустится жарко В *знобую* зиму. «Э т о о ч е н ь м н о г о...»

Недальняя. Здравствуйте, дорогая Марья Степановна! И давненько же с вами не виделись мы. Завернём-ка, заглянем в прошедшее заново: На висках-то снежок – знак *недальной* зимы. М а р ь я С т е п а н о в н а.

Ошалелая (прост.). Зима *ошалелая* долго-предолго Швырялась метельной бедой. С т е з я.

Постылая (разг.). Плетусь по заснеженной дороге, и хоть бы глаза мои не глядели: и там и тут на полях, целыми косяками, валялись птицы – грачи, скворцы, чиби-

сы, жаворонки... – дело рук *постылой* зимы, захватившей власть у простодушного марта. В с ь п е р е м е л е т с я.

Сизая. • И грустится / жарко В *сизую* зиму. С е р г е ю Е с е н и н у.

■ **Зима-декабриха.** Бёло и не тихо, Морозный огонь – Зима-*декабриха* Легла на Шелонь. В ушах, как заноза, Шелонника гам. Метель сизокоса – По двум берегам. «Б е л о и н е т и х о...»

Зима-неулыба. Отгуляла зима-*неулыба*, Отцарила в бесстрастных снегах. Благословенный чёртов путь.

ЗНОЙ.

Влажный. ■ В е л и к а я.

Густой. – *Обособл.* И зной, струистый и *густой*, Стекал: испей – не обеднею!.. О б и т е л ь.

Духовитый (прост.). Облетело полпланеты Лето, Процедило *духовитый* зной. Над моим колхозом, А не где-то, До заката С самого рассвета Сыплет август Щедрою казной. Л е т о.

Жгучий. *Жгучий* зной перекипал в ласковую теплынь. П е р в а я щ у к а.

Июльский. За жёлтой слюдою маячит *Июльский* полуденный зной. В М и х а й л о в с к о м.

Калёный. Звенел *калёный* зной, как в цель попавший выстрел, Дымилась, чуя смерть, бессокая трава. У д е л .

Луговой. • В е л и к а я.

Малиновый. Всё, как в рани: кленёнок, лужок, Ты бежишь по росе босиком, Где-то плачет пастуший рожок – Просто так, ни о чём, ни о ком. Жёлтый звон и *малиновый* зной, Синий щебет и вздох у ручья... «Н а п о с л е д н е м с в о ё м б е р е г у...»

Медовый. ...когда потёк *медовый* зной, Густой, тягучий, влажный, луговой, Ты, колыхаясь, гулька, звеня, Баюкая рассолненной волной, Запела песню дедов надо мной. В е л и к а я.

Неистовый. – *Кр. ф. неистов.* Вволю иволгиных свистов, Вечера – туман парной, Рань медвяна, зной *неистов*, Грозы праздны – стороной. «В ж а р - и ю л ь , в р а з г а р п о к о с а...»

Полный сладости земной. Великая.

Полуденный. Телега пылит на ухабах: Скорее, скорее домой! В полях голосистые бабы Да терпкий *полуденный* зной. Д о м а.

Струистый. Как поёт *струистый* зной над рожью, Я назвать словами не умею. Л е т о . – *Обособл.* О б и т е л ь.

Терпкий. Дома. ● – *Обособл.* Зной струится, *Терпкий*,
хмельной, Сыплют яблони розовый снег... Слово об
Отчизне.

Тягучий. Великая.

Хмельной. ● – *Обособл.* Слово об Отчизне.

Целебный. Потом, когда пришёл *целебный* зной, Яр-
чайший, Полный сладости земной, Ты, моя доля, / гуль-
кая, звеня, Баюкала искристою волной, Запела песню де-
дов надо мной. В е л и к а я.

Ярчайший. Там же.

■ Зной-**бездожде.** Сушь всё лето – несчастье: Зной-
бездожде – напасть, Только нету им власти Над бес-
смертной землёй. Б е з д о ж д ь е.

Синь-зной. *Синь-зной* напоён медопьяном: Част-
вереск полгода цветёт. В июлях разливом румяным Плы-
вёт по закату восход. П р о с ё л о к.

ЗЫБУЧКА.

Трясинная. Ну, что я такое? Не конный, не пеший,
Не вихрь: Не разветрю неистовых туч... Засмейся в глаза,
Заведи меня, леший, В *трясинной* зыбучке Раздумьем за-
мучь! В о т ь м е.

Зыбучка (обл.) – болото.

ЗЫБЬ.

Мёртвая. «*Мёртвая зыбь*» – название главы в поэме
Г. «Благословенный чёртов путь».

Тёмная. – *Кр. ф. темна.* Зыбь *темна*, тяжка, – Сердце
ёкает: Ни лужка, ни стожка – Даль далёкая. Там же.

Тяжкая. *Кр. ф. тяжка.* Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

«Но держится Россия на Иванах...»	
Стихи финалистов и лауреатов конкурса	5
«Мы остаемся самими собой...»	
Внеконкурсные стихотворения	89
Об авторах	130
«Я плачу. Я снова рождён...» (Переводы стихов Игоря Григорьева)	
Стихи на белорусском языке	140
Стихи на украинском языке	148
Стихи на черкесском языке	156
Стихи на английском языке	164
Стихи на фарси	168
О переводчиках	170
А. П. <i>Бесперстых.</i> Русская природа в эпитетах Игоря Григорьева. Словарь. Часть 1 (А–З)	173

«НИЧЕГО ДУШЕ НЕ НАДО,
КРОМЕ РОДИНЫ И НЕБА»

2-й Международный поэтический конкурс
им. И. Н. Григорьева

Составитель Наталья Викторовна Советная

Редактор М. Е. Устинов
Обложка и шмуцтитулы Д. Г. Рыбалтович

На обложке:
Храм Рождества Иоанна Предтечи
в д. Южки (Ленинградская область)

Гарнитура PT Serif. Печать офсетная. Печ. л. 15
Тираж 300 экз. Заказ № 381

Отпечатано в типографии «Политехника-сервис»
с оригинал-макета заказчика
190005, Санкт-Петербург,
Измайловский пр., 18-д

ISBN 978-5-906782-82-3

9 785906 782823